

ISSN 2522-1787

Новые горизонты русистики

2024

№ 4 (26)

Редакционная коллегия:

Ответственный редактор — д-р филол. наук, проф. **В. И. Теркулов**.

Ответственный секретарь — канд. филол. наук **Н. В. Гладкая**.

Технические редакторы — канд. филол. наук **В. А. Рязанова, А. С. Бурляй**.

Члены редколлегии: д-р пед. наук, проф. **Е. В. Архипова** (Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина); канд. филол. наук, доц. **А. Н. Безруков** (Бирский филиал Уфимского университета науки и технологий); канд. филол. наук, доц. **М. Г. Евсева** (Донецкий государственный университет); д-р пед. наук, доц. **Е. Л. Ерохина** (Московский педагогический государственный университет); д-р филол. наук, проф. **А. И. Иваницкий** (Российский государственный гуманитарный университет); д-р филол. наук, проф. **А. А. Кораблёв** (Донецкий государственный университет); канд. филол. наук, доц. **Н. П. Курмакаева** (Донецкий государственный университет); д-р филол. наук, доц. **М. Ч. Ларионова** (Южный научный центр РАН); канд. филол. наук, доц. **В. И. Мозговой** (Донецкий государственный университет); д-р филол. наук, доц. **О. С. Октябрьская** (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова); канд. филол. наук **М. Н. Панчехина** (Донецкий государственный университет); д-р филол. наук, проф. **М. Ю. Сидорова** (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова); д-р филол. наук, проф. **Г. Г. Слышкин** (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации); канд. филол. наук, доц. **А. Н. Стебунова** (Донецкий государственный университет); д-р пед. наук, проф. **И. А. Сотова** (Ивановский государственный университет); д-р филол. наук, проф. **В. И. Супрун** (Волгоградский государственный социально-гуманитарный университет); д-р пед. наук, доц. **А. А. Штец** (Институт развития образования, г. Севастополь); д-р филол. наук, проф. **М. Ф. Шацкая** (Волгоградский государственный социально-гуманитарный университет); канд. филол. наук, доц. **Н. А. Ярошенко** (Донецкий государственный университет).

Editorial Board:

Editor-in-Chief — Doctor of Philology, Prof. **V. I. Terkulov**.

Executive Secretary — Candidate of Philology **N. V. Gladkaya**.

Technical editors — Candidate of Philology **V. A. Ryazanova, A. S. Burlyai**.

Members of the Editorial Board: Doctor of Pedagogical Sciences, prof. **E. V. Arkhipova** (Ryazan State University named after S. A. Yesenin); Candidate of Philology, Associate Professor **A. N. Bezrukov** (Birsky branch of Ufa University of Science and Technology); Candidate of Philology, Associate Professor **M. G. Evseeva** (Donetsk State University); Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor **E. L. Erokhina** (Moscow Pedagogical State University); Doctor of Philology **A. I. Ivanitsky** (Russian State University for the Humanities); Doctor of Philology, Professor **A. A. Korablev** (Donetsk State University); Candidate of Philology, Associate Professor **N. P. Kurmakaeva** (Donetsk State University); Doctor of Philology, Associate Professor **M. Ch. Larionova** (Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences); Candidate of Philology, Associate Professor **V. I. Mozgovoy** (Donetsk State University); Doctor of Philology, Associate Professor **O. S. Oktyabrskaya** (Moscow State University named after M. V. Lomonosov); Candidate of Philology **M.N. Panchekhina** (Donetsk State University); Doctor of Philology, Prof. **M. Y. Sidorova** (Lomonosov Moscow State University); Doctor of Philology, Prof. **G. G. Slyshkin** (Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation); Candidate of Philology, Associate Professor **A. N. Stebunova** (Donetsk State University); Doctor of Pedagogical Sciences, Professor **I. A. Sotova** (Ivanovo State University); Doctor of Philology, Professor **V. I. Suprun** (Volgograd State University of Social Sciences and Humanities); Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor **A. A. Shtets** (Institute of Educational Development, Sevastopol); Doctor of Philology, Professor **M. F. Shatskaya** (Volgograd State University of Social Sciences and Humanities); Candidate of Philology, Associate Professor **N. A. Yaroshenko** (Donetsk State University).

Научный журнал «Новые горизонты русистики» включён в базу РИНЦ (лицензионный договор № 308-07/2018).

Издание зарегистрировано Министерством информации Донецкой Народной Республики (свидетельство о регистрации средства массовой информации: серия ААА № 000148 от 20.06.2017 г.).

Адрес редакции: Донецкий государственный университет, ул. Университетская, 24, 283001, г. Донецк.

Тел.: +7 856 302-92-33.

E-mail: donrus452@yandex.ru, terkulov@rambler.ru, Nata.gladkaya25@yandex.ru

Печатается по решению Учёного совета Донецкого государственного университета. Протокол № 9 от 28.06.2024 г..

© Донецкий государственный университет, 2024

Новые горизонты русистики

Научный журнал
Основан в 2017 году

№ 4 (26)
2024

С о д е р ж а н и е

Лексикология и стилистика

- Антонова Д. А.** Семантика и функционирование глаголов зрительного восприятия в романе Е. Водолазкина «Лавр» 4
- Нгуен Тхиен Тхань** Влияние пандемии на процесс освоения медицинской терминологии русской разговорной речью 9

Дискурсология и генристика

- Здор А. А.** Вербальные и невербальные средства манипулирования в рекламном тексте 14
- Инь Цзысюань** Анализ туристического дискурса на основе мультимодальности (на материале видеоролика, посвященного путешествию в Пекин) 20
- Цзян Линьлинь** Прецедентные тексты в заголовках современных русских газет 26

Словообразование и грамматика

- Емельянова К. Ю.** Аббревиатурная группа дем (демократический): общая характеристика 32
- Кириченко Т. А.** Методики описания сложносокращенных онимов 37

Методика преподавания русского языка

- Емельянова К. В.** Специфика использования интерактивных технологий на уроках русского языка 43
- Селиванова Е. В.** Специфика лексикографической работы школьников на уроках русского языка: анализ действующих учебников 49
- Фу Хуэйюй** Методика преподавания русского языка в школе и вузе 59
- Цынкалова А. В.** Диагностика языковой и социокультурной адаптации иностранных студентов в условиях российского образовательного пространства 64

Литература и лингвистический анализ художественного текста

- Зайцева И. П., Черникова А. Ю.** Функционально-эстетическая нагруженность нелитературных языковых элементов в персонажной речи повести И. С. Шмелёва «Богомолье» 69
- Феоктистова М. А.** Образ сада в романе М. Степновой «Сад» 80
- Правила оформления материалов** 89

New Horizons of Russian Studies

Scientific journal
Founded in 2017

№ 4 (26)
2024

C o n t e n t s

Lexicology and Stylistics

- Antonova D. A.** Semantics and functioning of visual perception verbs in novel «Laurus» by E. Vodolazkin 4
- Nguyen Thien Thanh** Impact of the pandemic on the process of mastering medical terminology in russian colloquial speech 9

Discourse and Genristics

- Zdor A. A.** Verbal and non-verbal means of manipulation in the advertising text 14
- Yin Zixuan** Analysis of tourism discourse based on multimodality (based on a video about a trip to Beijing) 20
- Jiang Linlin** Precedent texts in the headlines of modern russian newspapers 26

Derivation and Grammar

- Yemelyanova K. Y.** Abbreviation group dem (democratic): general characteristics 32
- Kirichenko T. A.** Methods of describing compound synonyms 37

Methods of teaching the Russian language

- Yemelyanova K. V.** The specifics of using interactive technologies in russian language lessons 43
- Selivanova E. V.** Specificity of lexicographical work of schoolchildren in russian language lessons: analysis of current textbooks 49
- Fu Huiyu** Methodology of teaching russian language in school and universtiy 59
- Tsynkalova A. V.** Diagnostics of linguistic and socio-cultural adaptation of foreign students in the conditions of the russian educational space 64

Literature and Linguistic analysis of Literary Text

- Zaitseva I. P., Chernikova A. Yu.** Functional and aesthetic loading of non-literary linguistic elements in the character speech of I. S. Shmelev's novella "The Pilgrimage" 69
- Feoktistova M. A.** The image of the garden in M. Stepnova's novel "The garden" 80
- Rues for the design of materials** 89

Лексикология и стилистика

УДК 81'37:821

Д. А. Антонова © 2024

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Волгоградский государственный университет»
(Научн. рук. — к. филол. наук, доц. И. А. Сафонова)

СЕМАНТИКА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ГЛАГОЛОВ ЗРИТЕЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ В РОМАНЕ Е. ВОДОЛАЗКИНА «ЛАВР»

В статье на примере базовых глаголов рассмотрены особенности использования глаголов зрительного восприятия в романе Е. Водолазкина «Лавр». Проанализированы случаи употребления глаголов в прямых и переносных значениях. Показаны тенденции функционирования глаголов непреднамеренной и преднамеренной зрительной перцепции. Описаны отдельные возможности использования глаголов для стилизации современного текста.

Ключевые слова: зрительная перцепция, глаголы восприятия, лексическая семантика, функционирование.

Одной из основных тенденций развития современной науки о языке продолжает оставаться изучение художественных текстов разных жанров. Особого внимания заслуживают тексты, отражающие жанровые и стилевые трансформации [см.: 13]. К таковым относится роман Евгения Водолазкина «Лавр», объединяющий черты жития, хроники и палеи [см. об этом: 5].

Роман «Лавр» уже не раз становился объектом научного описания в работах исследователей, в первую очередь литературоведов [см., например: 6; 10]. Произведение рассматривается как сложное жанровое целое, в котором тесно переплетаются черты постмодернистского романа и средневекового жития, при этом в качестве структурообразующего выделяется мотив пути, связывающий современные литературные приемы романа и его житийные элементы [см., например: 3; 11]. Данный мотив важен и для сюжета произведения: главный герой проходит два пути — материальный (освоение и преодоление физического пространства) и духовный (путь к Богу, прощению и покою) [см., например: 1; 7].

Языковыми средствами, с помощью которых описывается жизнь героя в реальном мире и его духовная жизнь, являются единицы с семантикой восприятия, в частности перцептивные глаголы (или глаголы восприятия), которые, по замечанию Л.М. Васильева, обозначают «отражение сознанием человека внешней среды, свойств и предметов внешнего мира» [2, с. 52].

Цель исследования, отдельные результаты которого представлены в данной статье, состоит в установлении особенностей функционирования глаголов зрительного восприятия в романе Е. Водолазкина «Лавр».

Одним из важнейших параметров, характеризующих глаголы зрительного восприятия, является активность / пассивность субъекта восприятия [см. об этом: 8]. В соответствии с этим параметром представленные в тексте романа глаголы могут быть разделены на глаголы непреднамеренного и преднамеренного восприятия. Еще один параметр, определяющий отнесенность глаголов к глаголам зрительной перцепции, — конкретность объекта восприятия, информация о котором может быть получена с помощью органов зрения.

Тенденции в использовании глаголов непреднамеренного и преднамеренного зрительного восприятия рассмотрим на примере базовых глаголов *видеть* и *смотреть*.

Глагол зрительной перцепции *видеть* представлен в тексте романа многочисленными случаями употребления в прямом значении, например: *Сквозь прозрачную кожу Устины он видел вены на висках* (с. 66)¹; *В ближнем лесу они, случилось, видели людей...* (с. 74); *Видел, как неловко Устина поднимается с лавки и наклоняется к нему* (с. 82); *Он видел, как в другом конце храма утомленный Арсений присел на корточки у столпа* (с. 50). В данных контекстах анализируемые глаголы используются в сочетании с конкретными существительными (*вены, люди*), указывающими на объекты, которые могут быть восприняты посредством зрения, либо с придаточными предложениями, содержащими описание ситуаций, информация о которых также может быть получена с помощью органов зрения.

Поскольку главный герой был врачом, в тексте произведения представлены многочисленные случаи употребления глагола *видеть* для описания процесса осмотра и лечения больных. Например: *Он видел лишь, что кровотечение не останавливалось* (с. 84); *Но он не видел раны и не знал точного места кровотечения* (с. 85). Номинируя получение информации об объектах с помощью органов зрения, рассматриваемый глагол реализует прямое значение — «воспринимать зрением» [9, т. 1, с. 173].

Нередки случаи употребления глагола *видеть* для описания процесса, рассматриваемого не относительно конкретного момента, а на фоне всей жизни героев, например: *Арсений еще никогда не видел таких длинных улиц и таких высоких домов* (с. 115); *Бабушка задумчива. Франческа с грустью отмечает, что такой ее никогда еще не видела* (с. 334); *Лавр покрывается потом и дрожит. Таким она его никогда не видела* (с. 368). В данных контекстах глагол *видеть* используется в сочетании с отрицательной частицей *не*. К уточнителям, отличающим эти контексты, относятся указательное местоимение *такой* и местоименное наречие *никогда* (*никогда не видел(-а)*).

Главный герой романа на протяжении жизни находится между реальным и духовным мирами. Одним из проявлений его непохожести на других людей становятся сны. Именно во снах он видит людей, которых уже нет в живых, и события, которые произойдут намного позже. При характеристике сновидений Лавра писатель использует сочетание *видеть сон* (*сны*), *видеть во сне* (*снах*), например: *Иногда открывал глаза и видел странные сны...* (с. 85); *В цветных снах он видел опухших больных, и они просили его об исцелении...* (с. 310); *К концу дня Лавр достиг желанного места. Оно оказалось в точности таким, каким он его видел во сне* (с. 345). В данных контекстах *видеть* обозначает перцептивный процесс, объект которого абстрактен. Это делает невозможным получение информации об объекте посредством зрения. Описание снов может быть использовано как для описания особого типа восприятия — духовного, так и для описания мыслительных процессов [см. об этом: 12].

Случаи использования глагола *видеть* в сочетании с существительными абстрактной семантики являются широко представленными в анализируемом тексте. Например: *В течение нескольких дней Ксении не становилось лучше. Но она и не умирала. В этом Арсений видел проявление безграничного милосердия Божьего и поощрение к борьбе за ее жизнь* (с. 121); *И то, что здоровье его ухудшилось, представляется ему не случайным, а в словах паломника Арсения он видит указание Божье и потому кается пред всеми* (с. 233); *Тебе кажется, что у жизни для тебя не осталось ничего существенного, и ты не видишь в ней смысла* (с. 96). В данных фрагментах глагол *видеть* используется в сочетании с существительными *проявление, указание Божье, смысл*, что позволяет говорить о реализации значения «понять, осознать» [9, т. 4, с. 451].

Реализуя это переносное значение, *видеть* может употребляться при описании целой ситуации, например: *Устина впадала в забытие. Арсений видел, что она уходит, и стал*

¹ В круглых скобках приводятся номера страниц по изданию: Водолазкин, Е. Лавр / Е. Водолазкин. — М. : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2020. — 384 с.

кричать на нее, чтобы удержать (с. 84); Он **видит**, что время разрешения Анастасии от бремени приближается (с. 368).

Примеры использования глагола в переносном значении находим также в контекстах: *Представлял, что волосы были озером, а гребень — ладьей. Скользя по золотому озеру, **видел** в этом гребне себя* (с. 68); *В раздутом неповоротливом существе все труднее было **видеть** себя прежнюю — гибкую, быструю, сильную* (с. 78). В сочетании с местоимением *себя* глагол *видеть* реализует не прямое значение «считать, признавать кого-л. чем-л., принимать за кого-л.» [9, т. 1, с. 173].

Главный герой обладает умением лечить людей, которое подкреплялось даром «духовного» зрения, унаследованным от деда Христофора. Например: *Христофор, сопя, осматривал волка. Прочной жизни я в нем не **вижу*** (с. 46); ***Видел**, как жизнь борется со смертью, и понимал, что жизни надо помочь* (с. 116); *Я **вижу**, что через малое время он умрет, сказал Арсений Устине ...* (с. 249); *Объяснить это не могу ничем иным, кроме как милостью Всевышнего, но **вижу**, что проказа из тебя выйдет* (с. 270). В данных примерах глагол *видеть* репрезентирует ситуацию «духовного» восприятия, по-видимому дарованного героям за стремление помогать людям.

Отмечены также случаи употребления глагола *видеть* при описании ситуации «духовного» восприятия через видения, например: *Дальше не ходи. Здесь в воздухе смерть. Мальчик кивнул, потому что **видел** ее крыла* (с. 27). В данном фрагменте глагол используется для создания эпизода, в котором при прощании с отцом главный герой и Христофор предвидят его смерть. Позже главный герой видит над домом, в котором от чумы умирали его родители, *крыла смерти*. При обращении к данным более широкого контекста становится понятным, что предвидение как особая способность героя неосознанно использовалось им еще в детстве и впоследствии помогало ему в лечении больных.

Способностью «духовного зрения» в тексте могут обладать также обычные люди. Так, капитан корабля во время смертоносного шторма видит *святого Германа: Ты **видел** святого Германа? <...> А я **видел**... Верю, что его молитвами спасемся* (с. 291); *Этой ночью я **видел** святого Германа семь раз* (с. 292); *Этой ночью я **видел** святого Германа семь раз. Он являлся, как обычно, в виде свечного пламени* (с. 292); *Когда же корабли идут караваном, то сохранится тот корабль, которому святой Герман явился, а кто его **не видел** — утонет или разобьется* (с. 292). Среди моряков распространено поверье, что явление среди бури святого в виде «свечного пламени» предвещает благополучное завершение событий, и дурным предзнаменованием считается увидеть две свечи — бесовской образ.

Даром «предвидения» обладает еще один персонаж романа — Амброджо Флеккиа. Он так же, как и главный герой, мог использовать данную способность еще в юном возрасте, подтверждение находим в контекстах: *Так, Амброджо предсказал войну, развернувшуюся в 1494 году на территории Пьемонта между французскими королями и Священной Римской империей. Сын винодела ясно **видел**, как с запада на восток мимо Маньяно промаршировали передовые французские части* (с. 200); *Всякая история до определенной степени — свиток в руках Всевышнего. Некоторым (например, мне) дано в него изредка заглядывать и **видеть**, что будет впереди* (с. 227); *Амброджо задумчиво смотрел на север. Он **видел** шторм в Белом море 1 октября 1865 года* (с. 292). В данных контекстах глагол *видеть* употребляется в конструкциях с придаточными предложениями, описывающими события далекого будущего. Во всех случаях происходящее может быть познано интуитивно, увидено с помощью особого дара, осознано, понято, но не может быть воспринято с помощью органов чувств.

Особого рассмотрения требуют контексты, в которых глагол *видеть* обнаруживает типовую сочетаемость с существительным *лицо* и которые являются частью описания видений главного героя: *Глядя в печь, Арсений **видел** там порой свое лицо* (с. 32). Писатель использует этот глагол для характеристики особой способности главного героя — предвидеть события своей жизни, увидеть себя через много лет. Автор «замыкает» это описание, когда

показывает видения героя много лет спустя: *Случалось, он **видел** в огне свое лицо. Лицо светловолосого мальчика в доме Христофора. <...> Мальчик смотрит в печь и **видит** свое лицо. <...> Это отражение того, кто, сидя у огня, **видит** лицо светловолосого мальчика и не хочет, чтобы вошедший его беспокоил.* Такая организация повествования, дающая возможность видеть одно и то же событие с позиций проспекции и ретроспекции, позволяет передать, как главный герой ощущает соединение временных пластов, цикличность жизни.

Одной из главных задач автора произведения, по мнению исследователей, было реализовать «идеи о безвременье, о вневременном Пути за рамками земного бытия» [4, с. 33] как на структурном уровне, так и на содержательном. Поэтому важными для рассмотрения представляются случаи употребления глагола *видеть* для описания восприятия времени: *С тех пор время Арсения окончательно пошло по-другому. Точнее, оно просто перестало двигаться и пребывало в покое. Арсений **видел** происходящие на свете события, но отмечал и то, что они странным образом разошлись со временем и больше от времени не зависели* (с. 180–181); *Глядя в бушующее пламя, он не ощущал прежней тревоги. <...> Теперь он **видел** не только детство. Он **видел** свою жизнь в Пскове и свои странствия* (с. 327). В приведенных контекстах глагол *видеть* используется в сочетании с существительными, номинирующими абстрактные объекты (*события, детство, жизнь*) в форме Вин. п. без предлога. Данные более широкого контекста, позволяют говорить о том, что после пройденных испытаний восприятие времени главного героя изменилось, подчеркивается его абстрактная и цикличная сущность.

В тексте произведения зафиксированы случаи употребления глагола *видеть* в устаревших, не употребительных в современном русском языке формах, имеющих особую стилистическую окраску. Например, глагол *видеть* в форме аориста 1-го л. ед. ч. функционирует в романе в контексте авторского пересказа апокрифа о Соломоне и Китоврасе. В данном эпизоде дед Христофор рассказывал на ночь внуку историю о человеке, покупавшем сапоги, которую уже оба знали наизусть: ***Видех** на человеке сем, сказал Китоврас, яко не будет до седми дний жив* (с. 26).

Не употребительную в современном русском языке форму бесприставочного глагола *видеть* находим в контексте чтения грамот Христофором: *Александр, **видев** некоего тезоименита, страшлива суца, рече: уноше, или имя, или нрав измени* (с. 131). В данном контексте глагол функционирует в форме деепричастия в суффиксом -в.

Глагол *видеть* в форме аориста 3-го л. дв. ч. отмечен в молитве главного героя: *Ныне отпускаеши раба Твоего по глаголу Твоему с миром, яко **видеста** очи моя спасение мое. Знаешь, Симеоне, я ведь не ожидаю награды, сравнимой с твоей. А мое спасение заключается в спасении Устины и младенца* (с. 276). В данном контексте Арсений молится у святых мощей Симеона Богоприимца. Стоит отметить, что в его речи есть отсылка к Евангелию от Луки, главный герой просит Симеона Богоприимца о том, чтобы он принял в свои руки души Устины и младенца, как когда-то принял Младенца Христа. Употребление глагола в сочетании с существительным абстрактной семантики *спасение* актуализирует не прямое значение, которое связано с интуитивным представлением о своей дальнейшей судьбе — «через соображение обстоятельств, последствий постигать что-либо, рассудком, познавать» [9, т. 5, с. 609].

Базовым для глаголов преднамеренного зрительного восприятия является глагол *смотреть*. Проанализируем случаи его использования в тексте романа.

Многочисленными являются случаи употребления данного глагола в прямом значении: *Растягивался на траве и задумчиво **смотрел** перед собой* (с. 25); *Когда все медицинские слова были сказаны, выжидающе **смотрел** на гостя* (с. 68); *Он **смотрит** на них сквозь слезы и кладет им ладонь на живот* (с. 194); *Замерев, они сосредоточенно **смотрели** на руку Арсения* (с. 277). В приведенных контекстах *смотреть* номинирует восприятие конкретных объектов (*смотрел на гостя; смотрит на них; смотрели на руку*)

или процесс, ориентированный относительно определенного направления, но не объекта (*смотрел перед собой*). Особенностью глагола *смотреть* является возможность использования в сочетании с контекстуальными уточнителями, указывающими на внутреннее состояние субъекта восприятия (*задумчиво смотрел, выжидаяюще смотрел, смотрит сквозь слезы*) или интенсивность действия (*сосредоточенно смотрели*).

Случаи употребления глагола в переносных значениях единичны, например: *Они смотрели поверх повседневности и видели высшие связи* (с. 209); *Потому что ты еще не смотрел на происходящее ее глазами* (с. 210). В первом из данных контекстов рассматриваемый глагол представлен в сочетании с существительным *повседневность*, номинирующим абстрактный объект и актуализирующим переносное значение «обращаться мыслью к кому-, чему-л.» [9, т. 4, с. 159]. Во втором контексте в сочетании с существительным *происходящее* глагол *смотреть* реализует значение «иметь какую-л. точку зрения на что-л.» [9, т. 4, с. 159].

Итак, результаты анализа случаев употребления базовых глаголов зрительного восприятия позволяют сделать вывод об их семантическом потенциале и функциональных особенностях.

Глагол *видеть* представлен в тексте романа значительно более широко, нежели *смотреть*. В прямом значении глагол *видеть* используется при описании жизни Лавра в реальном мире: его быта, путешествий, деятельности в качестве лекаря. Реализуя не прямые значения, данный глагол обозначает разного рода мыслительные процессы, в том числе получение информации через сны и видения. Последние становятся «проявлением» дара «духовного зрения», отличающего Лавра как праведника от других людей. Кроме того, глагол *видеть* является средством стилизации текста, создания атмосферы времени.

Демонстрирующий в тексте романа меньший семантический диапазон глагол *смотреть* используется преимущественно в прямом значении. Случаи употребления в переносных значениях немногочисленны. Подобно *видеть*, глагол *смотреть* номинирует различные процессы, связанные с осмыслением информации.

Результаты анализа свидетельствуют о наследовании современным текстом житийной традиции, обновлении традиционных канонических жанровых структур — жития, хроники, палеи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алешина, Л. Н. Мифопоэтическая картина мира в романе Е. Водолазкина «Лавр» / Л. Н. Алешина, И. А. Зайцева, А. С. Торосян // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. — 2021. — № 1. — С. 78–87.
2. Васильев, Л. М. Семантика русского глагола / Л. М. Васильев. — М. : Высшая школа, 1981. — 184 с.
3. Водолазкин, Е. История человека важнее истории человечества / Е. Водолазкин. — Режим доступа: <https://novayagazeta.ru/articles/2013/09/27/56548-evgeniy-vodolazkin-171-istoriya-cheloveka-vazhnee-istorii-chelovechestva-187>.
4. Гудин, Д. С. Символика пространства-между мирами в романе Е. Г. Водолазкина «Лавр» / Д. С. Гудин, Н. В. Сорокина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2019. — Т. 12, № 9. — С. 33–37.
5. Маглий, А. Д. Жанровое своеобразие романа Е. Водолазкина «Лавр» / А. Д. Маглий // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. — 2015. — № 1. — С. 177–186.
6. Махихина, Н. Г. Историческое время в романе Е. Водолазкина «Лавр» (к постановке проблемы) / Н. Г. Махихина, М. М. Сидорова // Филология и культура. — 2016. — № 2 (44). — С. 271–274.
7. Платонова, Д. А. Сакральная география в романе Евгения Водолазкина "Лавр" / Д. А. Платонова. — Режим доступа: <https://www.geopolitika.ru/article/sakralnaya-geografiya-v-romane-evdolazkina-lavr>.
8. Сафонова, И. А. Глагольные средства выражения восприятия «незримого» в агиографических текстах XX–XXI веков / И. А. Сафонова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. — 2021. — Т. 20, № 6. — С. 65–77.
9. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. — М. : Рус. яз., 1985–1988.
10. Трофимова, Н. В. Традиции древнерусской литературы в романе Е. Г. Водолазкина «Лавр» / Н. В. Трофимова // Rhema. — 2016. — № 2. — С. 7–20.

11. Харитонова, Л. М. Жанровая природа романа Е. Г. Водолазкина «Лавр» / Л. М. Харитонова, В. А. Вишницкая // Вестник Карагандинского университета. Серия Филология. — 2021. — № 2. — С. 93–100.
12. Чернейко, Л. О. Как рождается смысл: смысловая структура художественного текста и лингвистические принципы ее моделирования / Л. О. Чернейко. — М.: Гнозис, 2017. — 206 с.
13. Шарифова, С. Ш. Современные тенденции развития романа и их влияние на жанровое смешение / С. Ш. Шарифова // Известия Самарского научного центра РАН. — 2011. — № 2–5. — С. 1236–1244.

Поступила в редакцию 20.03.2024.

D. A. Antonova

**SEMANTICS AND FUNCTIONING OF VISUAL PERCEPTION VERBS
IN NOVEL «LAURUS» BY E. VODOLAZKIN**

The article describes the results of a study of verbs of visual perception, conducted on the material of the novel «Laurus» by E. Vodolazkin. The subgroups of analyzed verbs and their content are determined. The functional and semantic features of verbs of visual perception are considered. Neutral and stylistically marked verbs are established. The possibilities of using verbs of different subgroups are shown.

Key words: perception, verbs of perception, lexical semantics, functioning.

Антонова Дарья Александровна.
Волгоградский государственный университет,
г. Волгоград, РФ.
Студент.
E-mail: flb-201_396681@volsu.ru

Antonova Darya Aleksandrovna.
Volgograd State University, Volgograd, RF.
Student.
E-mail: flb-201_396681@volsu.ru

Сафонова Ирина Александровна.
Кандидат филологических наук.
Волгоградский государственный университет,
г. Волгоград, РФ.
Доцент кафедры русской филологии и
журналистики.
E-mail: ia_safonova@volsu.ru

Safonova Irina Aleksandrovna.
Candidate of Sciences (Philology).
Volgograd State University, Volgograd, RF.
Associate Professor of the Department of Russian
Philology and Journalism.
E-mail: ia_safonova@volsu.ru

УДК 811.161.1-2:61:001.4:616-036.21:159.9(045)

Нгуен Тхиен Тхань © 2024

*Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский государственный медицинский
университет имени В. И. Разумовского»
Министерства здравоохранения Российской Федерации
(Научн. рук. — д-р филол. наук, проф. Л. П. Прокофьева)*

**ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ НА ПРОЦЕСС ОСВОЕНИЯ
МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧЬЮ**

Статья представляет собой фрагментарный анализ освоения современной разговорной речью наиболее частотных медицинских терминов, появившихся/изменившихся в период пандемии коронавирусной инфекции. Актуальность темы обусловлена проблемой изучения условий вхождения специфических слов и выражений в живую устную речь и ее письменную реализацию. В ходе исследования использованы корпусные и экспериментальные методы сбора материала и элементы лексико-семантического анализа. Результаты подтверждают глобальный тезис о гибкости речи и стабильности языковых законов.

Ключевые слова: медицинская терминология, язык и речь, новые слова и значения, коронавирусная инфекция.

Русская разговорная речь постоянно меняется. Причиной этого становятся внутренние и внешние факторы, среди которых наиболее важными являются языковые

контакты, упрощение, грамматические законы словообразования и словоизменения. Чтобы заметить изменения, лингвисты проводят тщательное наблюдение за речью в самых разных сферах жизни: обыденной речи, печатных и устных СМИ, публичных выступлениях, социальных сетях. Очень яркие процессы происходят сейчас на наших глазах — это речь эпохи пандемии и периода после завершения основных противоэпидемических мероприятий ограничительного характера.

Вспышка коронавируса впервые была зафиксирована в декабре 2019 года, 30 января 2020 года ВОЗ объявила чрезвычайную ситуацию международного значения в области общественного здравоохранения, а 11 марта 2020 года объявили о пандемии. Именно с этого времени медицинская терминология стремительно стала входить с разговорную речь, сохраняя значение, меняя его или приобретая новое. Сформулируем гипотезу, согласно которой текущие изменения словарного состава соответствуют общим тенденциям развития русского языка, но демонстрируют усиление тех или иных способов появления нового значения в соответствии с новыми реалиями жизни, в данном случае реалий пандемии.

Цель работы — проанализировать частотные слова и словосочетания, актуализировавшиеся за последние два года в речи широкого круга носителей русского языка, выделив основные способы освоения медицинской терминологии эпохи пандемии.

Материалы и методы. Пандемия коронавируса COVID-19 инициировала появление новых слов и выражений, изменила значение уже существующих. Лингвисты отметили чрезвычайную активность творческой речевой деятельности людей, что зафиксировано в коллективной монографии «Словарь русского языка коронавирусной эпохи» (далее Словарь РЯКЭ) и словаре, созданными в Институте лингвистических исследований РАН в 2021 г. [4].

Материалом исследования стали слова и выражения, распространившиеся в широкой разговорной речи в течение последних двух лет. Чтобы подтвердить актуализацию, был проведен статистический отбор материала с учетом данных поисковых систем Яндекс и Google, которые фиксировали частотность поисковых запросов по тем или иным терминам в сети интернет на русском языке (параллельно в качестве перспективного исследования мы задавали поиск в англоязычном сегменте Google, обнаружена специфика, о которой необходимо говорить отдельно). Сам принцип начала работы со статистики был избран, чтобы получить общее представление о том, значения каких медицинских (или «околомедицинских») слов вызывают у пользователей сети интернет затруднения. В результате было отобрано 100 активно запрашиваемых лексических единиц. Из общего объема полученного материала выделено 15 единиц²: *маска, ковид, корона, QR-код (куар код), вакцина, изоляция, СИЗ, антисептик, плато, дистант, ИВЛ, локдаун, социальная дистанция, красная зона*, вызвавшие интерес у студентов медицинского университета. Среди студентов было проведено простейшее анкетирование, позволившее сократить исходный список до более ограниченной группы для анализа.

Следующим методом стал сравнительно-сопоставительный: проверка по трем основным источникам — толковому словарю русского языка (последнее сетевое издание) [5], Национальному корпусу русского языка (НКРЯ, подкорпус СМИ и устный) [2], Словарю РЯКЭ [4]. В Словаре РЯКЭ не зафиксированы слова *антисептик, куар код, корона* (хотя сложных слов с таким первым корнем насчитывается около 1100). Статистический анализ показал, что в русском сегменте интернета наиболее часто задавались запросы про типичные медицинские термины, не распространенные до этого в обыденной речи: *ИВЛ, СИЗ, красная зона, плато, локдаун*. В Таблице 1 приведены сводные статистически данные.

² Слова выстроены в порядке убывания частотности.

Сводные статистические данные по представленности материала в источниках

Слово	Ранг по данным Google	Ранг по данным Yandex	В НКРЯ (устный и газетный подкорпусы)	В толковом словаре РЯ	В словаре РЯКЭ
маска	1	1	Да + другие значения	Да	Да
ковид	4	2	Да, > 1 тыс с 20.04.2020	Нет	Да
корона	7	3	Да+ другие значения	Да	Да
QR-код (куар код)	11	4	нет	нет	нет
вакцина	5	5	Да >2 млн	да	Да
изоляция	8	6	Да + самоизоляция	да	нет
СИЗ	12	7	Да 7	Нет	Да
антисептик	2	8	Да, 17	Да	нет
плато	10	9	Да, 154+другое значение	Да	да
дистант	9	10	Да, 11	нет	Да
ИВЛ	13	11	Да, 188	Нет	Да
локдаун	6	12	Да, 57	Нет	Да
карантин	3	13	Да, >1 тыс.	Да	Да
социальная дистанция	14	14	Да, 5	нет	Да
красная зона	15	15	Да, 4	нет	да

Результаты и обсуждение. Для успешного анализа материал был систематизирован, выделены типизированные способы освоения терминов:

- вульгаризмы (*дистант, локдаун*),
- слова, которые изменили одно из значений (*плато, корона*),
- аббревиатуры-термины (*ИВЛ, СИЗ*),
- слова, которые перешли из используемых только в определенной ситуации, связанной с медициной, в активный лексикон (*вакцина, антисептик, маска (медицинская)*),
- идиоматические/терминологические словосочетания (*социальная дистанция, красная зона*),
- неологизм (*куар-код*).

Продемонстрируем анализом наиболее актуальных слов работу языка и речи за ограниченный двухлетний период. Так, в разделе **вульгаризмы** выделяется слово **локдаун**, которое в полном соответствии с законом языковых контактов заимствовано из английского языка: словарь Коллинс к значению ‘введение жестких ограничений на передвижение, социальные контакты и доступ к общественным местам’) в 2020 г. добавил новое: ‘ограничительная мера, вводимая правительствами с целью ограничить распространение COVID-19’ [6]. Российский словарь РЯКЭ выделяет **ЛОКДАУН, а, м.** О строгом карантине и комплексе ограничительных мер, применяемых в различных странах мира и направленных на предотвращение распространения коронавирусной инфекции; то же, что самоизоляция. Таким образом, слово пришло вместе с понятием, хотя оно расширено дополнительным значением ‘всеобщий’.

Слово **дистант** — это упрощенная разговорная форма от словосочетания *дистанционное обучение*, пришедшее от английского *distant learning*. Существовавшее в течение десятилетий терминологическое сочетание получило вторую жизнь в разговорной речи, так как затронуло каждого обучающегося. Сокращение словосочетания до существительного с нулевой суффиксацией также типично для разговорной речи. Обратим внимание на освоение русским языком: ударение с первого слога перешло на

второй, укрепив тем самым частеречную отнесенность в русском языке к имени существительному (в английском это прилагательное).

Среди слов, изменивших одно из значений, выделим **плато**. В толковом словаре Ожегова и Шведовой имеет значение ‘равнина, лежащая сравнительно высоко над уровнем моря и отделенная от соседней местности крутыми склонами, уступами’. Но в эпоху ковида появилось значение ‘о стабильных в течение продолжительного времени показателях заболеваемости коронавирусной инфекцией, предшествующих периоду ее снижения’. Общим элементом значения является сема ‘ровный’, а также ‘острия вокруг’, что позволяет предположить, что это все-таки метафорический перенос от уже существующего слова, а не новое слово. Подтверждением этому может служить наличие слова *плато* в словарях специальной лексики (например, в психологии термин “эффект плато”, у спортсменов “период плато”). Отметим, что слово пришло из французского языка, поэтому в какой-то мере может считаться варваризмом, хотя и широко употребляется в географии.

Обратим внимание на аббревиатуры, которые всегда вызывают сложность в понимании и, соответственно, ограничивают использование в разговорной речи. Так, например, **ИВЛ** — аббревиатура, расшифровывающаяся как “искусственная вентиляция лёгких”, относится как к самому аппарату, так и процессу, обеспечивающему насыщение лёгких кислородом. Термин существовал в ограниченном специализированном употреблении с начала эпидемии полиомиелита в августе 1952 года в больнице Блегдама в Копенгагене, когда интенсивная терапия и использование ИВЛ вышли за пределы операционного зала [7]. В начале кризиса COVID-19 именно эта процедура и помогла смягчить начальную панику. Пандемия коронавируса заставила обратить пристальное внимание на использование аппарата ИВЛ для отдельных категорий больных, у которых были и есть риски наиболее тяжёлого течения заболевания. И если в начале пандемии наращивали темпы использования данного оборудования, то уже через год врачи пришли к выводу о расширении кислородной поддержки пациентов и необходимости применения ИВЛ только в исключительных случаях, когда самостоятельное дыхание невозможно. Тем не менее слово преодолело рубеж сугубо терминологического использования в специальной сфере и, как нам кажется, вышло в общую зону.

Словосочетание **красная зона** со специализированным значением в словаре медицинских терминов ‘больница в больнице для пациентов с особо опасными инфекциями’ стало использоваться сразу в двух значениях — прямом и переносном: ‘особая закрытая часть больницы, где лежат пациенты с коронавирусом и где врачи работают в специальных защитных костюмах и масках’ и ‘нечто’ (например, Дума как красная зона: Жириновский предложил выдавать депутатам скафандры // Vesti.ru, 2020.12]). Мы обнаруживаем двунаправленный процесс: сначала метафора стала термином, затем термин приобрел яркие черты метафоры.

Социальная дистанция — термин был предложен социологом Георгом Зиммелем в начале XX века и означал уровень близости/отдаленности групп и индивидов в социуме [1]. В эпоху пандемии — это увеличенное расстояние между людьми в качестве противоэпидемической меры, официально рекомендованной ВОЗ для предотвращения распространения коронавирусной инфекции. Отметим интересный факт, что рекомендуемый исходный термин в документах ВОЗ — «физическая дистанция». Таким образом была бы снята связь с уже устоявшимся термином. Но в России произошло переосмысление словосочетания во время широкого употребления в СМИ в период локдауна, когда человеческие контакты сводились к минимуму: на первый план вышло значение ‘дистанция во время нахождения человека в обществе (социуме)’.

Наше фрагментарное исследование показало, что пандемия новой коронавирусной инфекции Covid-19 стала настоящим испытанием для всего мира и в том числе для языка. Даже анализ сравнительно небольшого материала свидетельствует, что язык удивительно

гибок, он осваивает изменяющийся мир, приспособлявая ситуативную речь к законам языка, которые меняются чрезвычайно медленно. Произошедшие семантические изменения можно интерпретировать именно таким образом, даже без специального филологического образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляева Л. А. Социальные дистанции как характеристика социального пространства современной России // Вестник РУДН. Серия: Социология. — 2018. — №1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-distantsii-kak-harakteristika-sotsialnogo-prostranstva-sovremennoy-rossii>
2. Национальный корпус русского языка (НКРЯ). — Режим доступа: <http://ruscorpora.ru>
3. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. — М.: «Азъ», 1994. — 907 с.
4. Словарь русского языка коронавирусной эпохи / Сост. Е.С. Громенко, А.Ю. Кожевников, Н.В. Козловская, Н.А. Козулина, С.Д. В.М. Мокиенко, А.С. Павлова, М.Н. Приемьшева, Ю.С. Ридецкая. — Е.С. Громенко, А.С. Павлова, М.Н. Приемьшева (отв. ред.), Ю.С. Ридецкая. — Санкт-Петербург: Институт лингвистических исследований РАН, 2021. — 550 с.
5. Толковый словарь русского языка (Ожегов словарь-онлайн). — Режим доступа: <https://ozhegov.slovaronline.com/>
6. Collins Dictionary (online). — Режим доступа: <https://www.collinsdictionary.com/>
7. Wunsch H. The outbreak that invented intensive care / H. Wunsch // Nature. — 2020. — 03 April. — Режим доступа: <https://www.nature.com/articles/d41586-020-01019-y>

Поступила в редакцию 13.03.2024 г.

Nguyen Thien Thanh

IMPACT OF THE PANDEMIC ON THE PROCESS OF MASTERING MEDICAL TERMINOLOGY IN RUSSIAN COLLOQUIAL SPEECH

The article is a fragmentary analysis of the acquisition by modern spoken language of the most frequent medical terms that appeared/changed during the pandemic of coronavirus infection. The relevance of the topic is conditioned by the problem of studying the conditions of the entry of specific words and expressions into live oral speech and its written realisation. The study uses corpus and experimental methods of material collection and elements of lexico-semantic analysis. The results confirm the global thesis about flexibility of speech and stability of linguistic laws.

Key words: medical terminology, language and speech, new words and meanings, coronavirus infection.

Нгуен Тхиен Тхань.

ФГБОУ ВО «Саратовский государственный
медицинский университет им. В.И.Разумовского»
Минздрава РФ, г. Саратов, РФ.
Студент.
E-mail: tkhan.nguen.2015@mail.ru

Nguyen Thien Thanh.

Saratov State Medical University, Saratov, RF.
Student.
E-mail: tkhan.nguen.2015@mail.ru

Прокофьева Лариса Петровна.

Завкафедрой русского и латинского языков.
ФГБОУ ВО «Саратовский государственный
медицинский университет им. В. И.
Разумовского».
Доктор филологических наук, профессор.
E-mail: prokofievalp@mail.ru

Prokofyeva Larisa Petrovna.

Head of Russian and Latin Languages Department
Saratov State Medical University, Saratov, RF.
Doctor of Philology.
E-mail: prokofievalp@mail.ru

Дискурсология и генристика

УДК 81'26

А. А. Здор © 2024

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Донецкий государственный университет»
(Научн. рук. — канд. филол. наук, доц. А. Н. Стебунова)

ВЕРБАЛЬНЫЕ И НЕВЕРБАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА МАНИПУЛИРОВАНИЯ В РЕКЛАМНОМ ТЕКСТЕ

В статье рассматривается явление «манипуляции» в рекламном тексте, раскрываются особенности использования и содержания вербальных и невербальных средств манипулирования. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью анализа и изучения рекламного текста в психолингвистическом аспекте, демонстрации его как нового и быстроразвивающегося языкового явления. В ходе исследования выявлены принципы вербальных и невербальных средств манипулирования как способов построения рекламного текста, продемонстрировано их функционирование в совокупности.

Ключевые слова: манипуляция, рекламный текст, вербальное манипулирование, невербальное манипулирование.

Быстрорастущие запросы современного потребителя поставили перед торговыми компаниями задачу удерживать интерес аудитории и отвлекать ее от товаров-конкурентов. На сегодняшний день расширение ассортимента разной продукции позволяет не только выбирать наиболее интересные товары, но и сравнивать их качество, давая тем самым возможность потенциальным покупателям самостоятельно оценивать и убеждаться в основательности популярных, знакомых брендов как ведущих на мировом рынке. Выбор продукции известных производителей во многом зависит от правильно составленной и реализованной рекламы. Именно она является главным инструментом создания собственного «имени», а также выступает средством продвижения бизнеса и информирования.

Актуальность данного исследования объясняется необходимостью изучения рекламы в психолингвистическом аспекте. Реклама как способ предложения и расширения товарооборота представляет ценность для ведущих компаний ввиду своей гибкости и возможности использования разных лингвистических средств, помогающих в достижении поставленных маркетинговыми компаниями задач. Ее продвижение в социальных сетях и средствах массовой информации увеличивает круг поиска, облегчает оценивание и приобретение продукции конкретного бренда из обширного списка предложенных сервисов, маркетплейсов и т. д.

Цель работы — выявление необходимости и значимости манипулирования в рекламном тексте как в способе продвижения товаров и услуг.

Задача исследования — анализ ответов анкетированных и установление влияния способов манипулирования в рекламном тексте.

Объект исследования — рекламный текст.

Предмет исследования — вербальные и невербальные способы манипулирования в рекламном тексте.

В рамках исследования нами было отобрано и проанализировано более 50 анкет. В опросе принимали участие испытуемые возрастом от 15–25 лет. Содержание анкетирования направлено на выявление личного отношения опрошиваемых к современной рекламе. Анкетированными были даны ответы на следующие вопросы: нужна ли реклама в современном обществе, какая реклама привлекает внимание больше всего (визуальная, аудиальная или

текстовая), и какой видеоролик или слоган запомнился больше всего. На основании собранных данных составлена статистика, демонстрирующая применение и работу вербальных, невербальных средств манипулирования, описанных в статье.

Основная функция рекламы — сообщение клиенту перечня услуг, товаров с акцентом на их качество и возможные преимущества от покупки. Рекламный текст и его язык в современной лингвистике представляют большой интерес для изучения, так как их влияние на современное общество в условиях усиливающихся процессов глобализации возрастает. Воздействие рекламы на современного человека имеет широкий диапазон: от стимулирования покупок до формирования образа жизни и мировоззрения. Грамотно составленный рекламный текст передает лаконичную и полезную информацию о товарах, удерживает внимание.

В рекламе содержатся не только основные сведения о продукции, но и обращение к аудитории. Одним из способов достижения коммерческих целей компании является «манипуляция».

Слово «манипулирование», или «манипуляция» ведет свое происхождение от латинского слова «manipulare», в своем первоначальном значении — ‘управлять’ (в позитивном смысле: управлять со знанием дела, оказывать помощь и т. д.) Под манипулированием в современном рекламном обществе же понимается способ **управления поведением и мышлением людей с помощью воздействия на общественное сознание.**

Развернутое определение термина «манипуляция» дает Е. Л. Доценко: «...это вид психологического воздействия, используемый для достижения одностороннего выигрыша посредством скрытого побуждения другого к совершению определенных действий» [1, с. 210].

Исследователь В. М. Герасимов также отмечал: «Манипулирование общественным мнением — один из специальных методов социально-психологического контроля». Он считал, что важным признаком наличия манипулирования является ситуация, когда один субъект рассматривает другого как средство или помеху своей деятельности. Манипулятор превращает другого субъекта в послушное орудие, низводя его до уровня вещей, подвластных контролю и управлению.

На сегодняшний момент манипулирование является одним из главных способов влияния рекламодателем-манипулятором на потребителя в связи с обострением конкурентной борьбы компаний. Манипуляция же создает иллюзию самостоятельности принятия решения человеком, смотрящим рекламу.

Перед манипулятором стоит задача осуществить определенные коммерческие цели (а именно навязать товар компании), убедив потенциального клиента в том, что предлагаемые продукты — лучшие, и аналогов им не существует. Происходит обращение к сознанию человека, осуществляется иллюзия «правильного выбора».

Манипуляция содержит в себе различные способы и приемы подачи информации. Среди них выделяются следующие:

- *командование* (манипулятор призывает к конкретным действиям);
- *сравнение с конкурентами* (цель манипулятора — продемонстрировать свое преимущество в сравнении с другими компаниями путем противопоставления);
- *ссылка на авторитетное лицо* (данный вид манипуляции направлен на создание положительного впечатления о товаре путем демонстрации известной личности);
- *прямое решение проблемы* (манипулятор дает понять, что проблема уже решена с помощью средств, которые он предлагает потенциальному потребителю).

Вышеперечисленные способы манипулирования выражаются в различных видах построения рекламы. Для достижения поставленных задач по продвижению товаров и услуг компании прибегают к эффективному и рабочему способу удержания внимания потребителя — создают продукт, который бы не только сообщал необходимую информацию о товаре или

услуге, но и «подталкивал» к принятию решения потребителя в пользу нужного бренда. Создание ложной «свободы выбора» легко достижимо с помощью удачно выбранной в той или иной ситуации техники манипулирования. Для этого используется два основных метода воздействия — вербальный и невербальный. **Вербальный** (т. е. «словесный») метод манипулирования работает наравне с **невербальным** (т. е. «визуальным», «аудиальным», «образным»), потому как в совокупности они представляют наибольшую степень воздействия на сознание человека и помогают ему не только ознакомиться с предложениями компании, но и сформировать положительные ассоциации. В определенных случаях используется прием «антирекламы», нацеленный на создание негативных ассоциаций, оставляющих в памяти яркое впечатление. Оба эти способа, как показало наше исследование, работают с одинаковой эффективностью.

Лингвистическое манипулирование — варьирование целенаправленно отобранных языковых средств. Именно в рекламном обращении оно реализуется наиболее полно и имеет свой перечень манипулятивных компонентов, призванных давать волю воображению, вызывать и навязывать необходимые образы и чувства. Благодаря лингвистическому манипулированию рекламным компаниям удастся выбирать наиболее подходящие средства реализации, содержащие в своей структуре основные сведения о товаре (категория, стоимость, свойства) и компоненты эмоционального воздействия.

В рекламной сфере развиты и установлены стандартные модели воздействия рекламного сообщения на нового и постоянного потребителя. Оба вида включают в себя компоненты, нацеленные на формирование интереса к рекламируемому продукту и желания приобрести его, а также обращения действия, на которое реклама нацелена. Реклама признана эффективной при достижении конечной стадии воздействия рекламного обращения — *совершении действия* (т. е. — покупки товара). Именно характер рекламы определяет характер действия. Это — основная цель коммерческой рекламы, от которой зависит успех компании на рынке. Этапы функционирования рекламы осуществляются с помощью различных языковых приемов.

Основными средствами *вербального* манипулирования в рекламном тексте являются:

- оценочная лексика как манипулятивный компонент;
- метафора как инструмент навязывания оценки обозначаемого явления;
- заимствованные слова или авторские слова;
- микроджингл;
- рекламный слоган как элемент взаимодействия компании и клиента;
- ссылка на авторитетное мнение.

Данные вербальные средства манипулирования эффективнее работают в совокупности. Согласно проведенному исследованию, многие анкетированные лучше запоминают *слоганы* и *заимствованные или авторские слова*. Анализ анкет также показал, что одним из самых запоминающихся видов вербального манипулирования является *микроджингл* (короткое рекламное выражение или песня, например: «Пятерочка выручает», «Магнит — цена, что надо», «Кэшбэк на все»). Особой эффективностью отличаются также рекламные тексты, имеющие в своей структуре повторяющиеся слова звуковые элементы («Озон-зон-зон», «Сбермаркет еда, еда, еда, еда...»), а также повторяющиеся лексические компоненты («Распродажа на Алиэкспресс, // на Алиэкспресс // только на Алиэкспресс»).

Особую категорию составляют рекламные тексты, содержащие в себе шутки и другие элементы комического. Согласно анализу полученных данных, такая реклама привлекает внимание более **90 %** аудитории и значительно увеличивает приток новых покупателей. Ввиду быстрорастущих запросов потребителя, а в связи с этим — изменения его мировоззрения и потребностей, ссылка на авторитетное мнение показала себя как малоэффективный способ вербального манипулирования. **80 %** опрошенных на вопрос

«Купили ли бы вы товар, который рекламирует ваш любимый актер?» ответили «нет», и лишь **20 %** согласились с утверждением.

К *невербальным способам* манипулирования относятся такие средства, как:

1. цветовые решения;
2. красочные изображения товара.

Использование невербальных способов манипулирования позволяет не только продемонстрировать товар, но и создать у клиента необходимые компании впечатления. К чувственной сфере обращаются посредством цветов. Для привлечения внимания чаще всего используется красный цвет, для реклам лекарственных средств — зеленый и белый, для рекламы декоративной косметики — розовый, фиолетовый, черный, некоторые оттенки красного. Опрашиваемым был задан вопрос о том, какую бы рекламу они сочли привлекательнее — ту, что сообщает полезную информацию, или ту, что визуально красочнее. **25 %** анкетированных ответили, что они бы обратили внимание только на визуальную часть, остальные **25 %** указали, что реклама должна только сообщать полезную информацию (делать акцент на вербальный элемент). Остальные **50 %** процентов ответили, что наиболее интересной для них является реклама, содержащая в себе песни, танцы, небольшие постановки. Ответы **50 %** опрошенных говорят о том, что вербальные и невербальные способы манипулирования могут работать эффективно не только по отдельности, но и в совокупности.

Цветовой компонент, помимо рекламных видеороликов, является важнейшим маркером компаний. Ввиду роста популярности различных маркетплейсов в сознании современного потребителя определенные сочетания цветов вызывают ассоциации с конкретным брендом, компанией и т. д. Так, интернет-магазин Wildberries использует три основных цвета: градиент синего, розового и фиолетового, Ozon — синий, белый и малиновый, «Яндекс.Маркет» — белый, желтый и черный. Присутствие ярких цветов в логотипах и рекламах данных компаний помогает выделять их среди других и делает легко узнаваемыми. Правильно подобранная цветовая гамма в рекламе побуждает потребителя к действию, мотивирует его на приобретение продукта.

Таким образом, выбор перечисленных цветов способен вызывать следующие ассоциации:

1. черный — строгость, стабильность;
2. белый — легкость, свежесть;
3. желтый — активность, хорошее настроение;
4. розовый — веселье, праздник;
5. синий — надежность, спокойствие;
6. фиолетовый — авантюризм, готовность к экспериментам.

Цветовые сочетания создают в сознании потребителя стойкую ассоциацию с брендом, что создает дополнительное преимущество ввиду быстрого запоминания названия компании, сервиса и т. д.

Для достижения поставленной цели (а конкретно — наибольшего товарооборота) реклама часто обращается и к эмоциональной стороне человеческого сознания. Зная, что необходимо целевой аудитории той или иной категории, рекламодатель создает продукт, содержащий в себе ценную информацию и откликающуюся в восприятии клиента. Информационная часть способна вызывать в сознании человека радость, удовлетворение, интерес, и вместе с этим — быть контрастно раздражающей, напористой. Реклама, несмотря на свою потенциальную эффективность, воспринимается как инструмент «*оболванивания покупателя*» [2, с. 21], что значительно снижает ее ценность в индустрии продаж. Однако правильно сформулированный рекламный текст способен одновременно привлекать нового покупателя и удерживать интерес постоянного.

Реклама — особый дискурс, обладающий способностью проникать в социально-культурную область и овладевать медиапространством, изменяя его направление и содержание, намекая, манипулируя и призывая.

Сегодня реклама воспринимается как часть повседневной жизни, а потому вопрос о необходимости ее видоизменения и повышении эффективности передачи информации с каждым годом возрастает. Меняются средства воздействия, восприятия, рекламный текст выступает не только в качестве сообщения о товарах и услугах, но и «*сложным и эффективным средством внушения стереотипов поведения, формирования нравственных ценностей*» [4, с.11]. «Рекламу можно рассматривать как форму коммуникации, которая пытается перевести качество товаров и услуг, а также идеи на язык нужд и запросов потребителей» [6, 2004, с.39].

Реклама создает особую действительность, резко контрастирующую с реальностью. Создавая иллюзию достижения желаемого, доступности и мгновенного результата, рекламе удается достичь своей главной цели — запомниться. «*Реклама является не только и не столько ретранслятором консьюмеристского бытия, сколько его непрерывным конструктором*» [3, с. 48].

В основе любых рекламных технологий лежит **манипулирование поведением покупателя**. Манипулирование всегда осуществляется неявно — посредством особых стилистических средств, тропов, оборотов речи и т. д. «Существует теория, согласно которой не человеческие потребности являются толчком для производства товара, а наоборот — производство продуцирует потребности» [8, с. 65]. Большой выбор новых товаров вынуждает потребителя задумываться не только о нужных ему покупках, но и желаемых, «импульсивных» (т. е. о тех, приобретение которых основывается на сиюминутном порыве, вызванном увиденным или услышанным в рекламе).

Важно, чтобы реклама умела объединять в себе *познавательный и художественный* компоненты, выделяться на фоне остальных. Сегодня концепция информативности рекламы постепенно угасает, делая акцент на визуальной и психологической составляющей. Этим объясняется возникновение так называемой «*антирекламы*», которая своим посылом заставляет потребителя говорить о ней, а в отдельных случаях — приобретать и проверять качество товаров, показанных в «плохой» рекламе.

«Слабыми местами» становятся тенденции, присущие широким массам (возникает желание купить наиболее популярный или разрекламированный продукт, который не был первоначальной целью клиента). Чтобы достичь эффекта красочности и вызвать волну интереса у конкретной аудитории, рекламодатели используют компоненты особой выразительности.

О. Г. Карасик выделял два способа воздействия на потребителя — *намеренный и побочный*. Первый подразумевает опору на авторитетный источник (в случае с рекламой — крупный известный бренд), второй — психологическое воздействие посредством особых речевых конструкций (манипуляция, убеждение). Оба типа взаимосвязаны между собой и представляют единое целое в реализации конкретного рекламного текста. «Правильный выбор рекламных средств заключается в том, чтобы отобрать именно те, которые позволяют решить данную рекламную цель наиболее эффективно» [7, с. 109].

«Рекламная деятельность — это, прежде всего, обращение и взаимодействие как непосредственное, так и опосредованное, один из видов активности людей и одновременно сильнейший психологический регулятор социальных отношений между ним, источник многочисленных социальных контактов, возникающих под воздействием специфической социальной мотивации, в частности, мотивов «честолюбия», «престижа», «достижения успеха», «гордости», «соперничества», «подражания авторитетам» [5, с.14]. Именно рекламный текст способен убедить человека в его лучших качествах, подтолкнуть к их раскрытию и, тем самым, не оставить шанса выбрать товар-конкурент, так как услуга

или продукт именно этого бренда могут полностью удовлетворить все потребности покупателя.

Как правило, рекламный текст имеет конкретную коммерческую задачу — **привлечение внимания**. Первостепенным для рекламы выступает обеспечение правильной интерпретации объявления и сохранение в сознании его содержания на максимально длительное время, а также создание предрасположенности к конкретным компаниям и торговым маркам.

Используемые в рекламном сообщении стилистические средства позволяют потенциальному клиенту ознакомиться с основными характеристиками товара и создать для себя определенный образ компании, выразить свое впечатление.

Как правило, для визуальной составляющей рекламы характерны яркие изображения, привлекающие внимание фигуры, логотипы и т. д. В свою очередь для **рекламного текста** важно в лаконичной, емкой форме передать основные сведения о товаре или услуге и суметь охарактеризовать положительные стороны предлагаемой продукции, не допустив при этом логических ошибок. «Реклама сообщает вещам нечто такое, без чего «мы не были бы сами собой», — особую «теплоту». Это современное качество, которое уже отмечалось как движущий фактор «среды».

Нами выяснено, что на продвижение товаров во многом влияет уже сформированная или постепенно расширяющаяся группа лиц, потенциально заинтересованных в продукте, товаре или услуге бизнеса — **целевая аудитория**. Маркетологами, как правило, выводится возрастная статистика и данные о финансовом состоянии, согласно которым делается акцент на содержании рекламируемой продукции. Здесь — использование устоявшихся стилистических средств, категорий, характеристик. Определенная целевая аудитория **хочет услышать решение своей проблемы, убедиться в качестве товара и получить его по доступной цене**. «Потребление превращается из использования товаров для удовлетворения нужд жизнедеятельности в собственно жизнедеятельность, в процесс социального взаимодействия, становясь фактором конструирования идентичности».

Реклама апеллирует не к «ценности» предлагаемого товара как таковой, а к духовной ценности, с которой этот товар может быть связан относительно. Реклама способна превратить любой предмет в символ мечты, статуса, надежды, образа жизни.

На основании проведенного исследования мы можем сделать следующий вывод — значение манипулирования в рекламе объясняется *необходимостью создания продукта*, способного одновременно быть полезным, лаконичным, отражать преимущества компании и посредством набора целевой аудитории и закрепить свое имя на мировом рынке посредством с яркого, запоминающегося контента. Как показало исследование, манипулятивность в рекламе, несмотря на свою гибкость, способна оказывать влияние лишь на определенный процент целевой аудитории.

Таким образом, **50 %** опрошенных воспринимает рекламу как способ сообщения информации и уведомления; **35 %** подтверждает, что реклама оказывает влияние, но только в том случае, если она соответствует запросам потребителя; **10 %** отмечает, что рекламные сообщения не представляют никакого интереса для современного человека, и **5 %** отрицают наличие рекламы как эффективного способа продвижения товаров и услуг. Исследование показало, что современным потребителем не так легко манипулировать, как может казаться на первый взгляд.

ЛИТЕРАТУРА

1. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. — М.: ЧеРо, 1997. — 344 с. ISBN 5-88711-038-4
2. Кармин А.С. Психология рекламы. СПб: ДНК, 2004. 509 с.
3. Кафтанджиев Х. Тексты печатной рекламы. М.: Смысл, 1995. 73 с.
4. Лебедев-Любимов, А.Н. Психология рекламы / А.Н. Лебедев-Любимов. — СПб.: Питер, 2006. — 340 с.

5. Лебедева Л.В. Психология рекламы. Учебное пособие / Л. В. Лебедева. Тюмень. Издательство Тюменского государственного университета, 2010. 140 с.
6. Максимов В.И. Стилистика и литературное редактирование / под ред. В.И. Максимова — Москва, 2004.
7. Мокшанцев Р.И. Психология рекламы //Учеб. пособие — М.: ИНФРА-М, Новосибирск: Сибирское соглашение, 2000 с.230
8. Мустайоки, А. Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам [Текст] / А. Мустайоки. — М.: Языки славянской культуры, 2006

Поступила в редакцию 17.03.2024 г.

A. A. Zdor

VERBAL AND NON-VERBAL MEANS OF MANIPULATION IN THE ADVERTISING TEXT

The article examines the phenomenon of "manipulation" in the advertising text, reveals the features of the use and content of verbal and non-verbal means of manipulation. The relevance of this study is due to the need to analyze and study the advertising text in the psycholinguistic aspect, to demonstrate it as a new and rapidly developing linguistic phenomenon. In the course of the study, the principles of verbal and non-verbal means of manipulation as ways of constructing an advertising text were revealed, and their functioning in combination was demonstrated.

Key words: *manipulation, advertising text, verbal manipulation, non-verbal manipulation.*

Здор Анастасия Андреевна.

Донецкий государственный университет,
г. Донецк, РФ.
Студент.
E-mail: anastacia.zdor@yandex.ru

Zdor Anastasia Andreevna.

Donetsk State University, Donetsk, RF.
Student.
E-mail: anastacia.zdor@yandex.ru

Стебунова Алла Николаевна.

Кандидат филологических наук.
Донецкий государственный университет,
г. Донецк, РФ.
Доцент кафедры русского языка.
E-mail: alla.stebunova@mail.ru

Stebunova Alla Nikolaevna.

Candidate of Philology.
Donetsk State University, Donetsk, RF.
Associate Professor of the Department of Russian
Language.
E-mail: alla.stebunova@mail.ru

УДК 81'23

Инь Цзысюань © 2024

*Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Южно-Уральский государственный университет»
(Научн. рук — д-р филол. наук, проф. Е. В. Харченко)*

АНАЛИЗ ТУРИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА НА ОСНОВЕ МУЛЬТИМОДАЛЬНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ВИДЕОРОЛИКА, ПОСВЯЩЕННОГО ПУТЕШЕСТВИЮ В ПЕКИН)

В настоящем исследовании проводится мультимодальный анализ видеоролика, посвященного путешествию в город Пекин. Актуальность темы обусловлена тем, что в настоящее время большое количество исследователей-лингвистов исследуют использование языка не только в рамках конкретных дискурсов, но также и влияния культуры на данный процесс. Автором приводится краткая характеристика особенностей туристического дискурса, выделяются его виды, приводятся примеры отражения визуального ряда в языковых средствах. В рамках рассматриваемого видеоролика выделены материальный, психологический, а также реляционный факторы, оказывающие влияние на его восприятие туристами, которые подробно рассмотрены на примерах. В результате установлено, что в выбранном для анализа видеоролике представлен нарратив, который отражает культурные и туристические особенности Пекина.

Ключевые слова: *Китай, туризм, дискурс, мультимодальность, видеоролик, дестинации.*

В настоящее время туризм представляет собой перспективную и развивающуюся стремительными темпами индустрию. Ее основу составляют принципы «производства

туристических продуктов или услуг, их коммерциализации, а также отражения особенностей национальных культур» [3, с. 4]. Следует отметить, что туризм можно охарактеризовать как информационную отрасль. В настоящее время большое количество людей совершает путешествия или занимается их планированием, результатом чего является экономическое развитие страны-реципиента, реализация процесса межкультурной коммуникации, развития национального имиджа и т. д. [4, с. 70]. Именно поэтому большое количество исследователей рассматривают данную сферу с точки зрения различных аспектов, включая языковой [16; 17; 15].

Примечательно, что в современном обществе возрастает роль сети Интернет, которая является новым каналом коммуникации. Данная тенденция приводит к новым типам общения и речевым жанрам [2, с. 64]. При этом большое количество пользователей имеет возможность познакомиться с планируемым для посещения местом посредством просмотра специализированных веб-сайтов, онлайн-видеороликов, подкастов и т. д. Именно поэтому продвижение дестинаций представляет собой важное значение для привлечения потенциальных потребителей. Этого можно добиться на основе использования специальных языковых средств и нарративов, которые входят в состав туристического дискурса.

Туристический дискурс оказывает широкое влияние на выбор страны, конкретного места, достопримечательности, заведения и т. д. Именно поэтому язык представляет собой важное средство, на основе которого предоставляется возможность продвижения дестинаций. А. А. Евдокимов в своем исследовании отмечает, что в рамках туристического дискурса используются не только специальные языковые средства, но также и медиакомпоненты, такие как изображения, иллюстрации, аудио- и видеоматериалы, интерактивные элементы и т. д. [1, с. 713]. В современную эпоху сеть Интернет постепенно стала важным средством, которое позволяет получить всю необходимую информацию из любой точки мира из следующих источников:

1. Специальные веб-сайты;
2. Блоги путешественников;
3. Подкасты в аудио- и видеоформате;
4. Социальные сети
5. Рекламные видеоролики т. д.

Важно понимать, что социальные сети в данном случае являются не только обширным, но также и интерактивным источником информации, так как их пользователи могут осуществлять синхронное и асинхронное общение. Ввиду того, что язык служит средством коммуникации между потенциальными путешественниками, он имеет тесную связь с продвижением туристических направлений, услуг и т. д.

Далее необходимо отметить, что туристический дискурс предполагает использование специализированных языковых средств, имеет свой словарный корпус и стереотипные фразы. Он характеризуется уникальными синтаксическими и семантическими элементами, которые служат различным прагматическим задачам. Важно понимать, что в данном случае такой дискурс определяется как специальный язык, использующийся для предоставления информации относительно туристических направлений на специализированных веб-сайтах, а также в аудио-, видео- и текстовых материалах.

В рамках настоящего исследования также следует уделить внимание мультимодальному анализу туристического дискурса на основе конкретного видеоролика, посвященного путешествию в Пекин. Причина такого выбора заключается в том, что использование специализированных видеоматериалов оказывает широкое влияние как слуховые, так и на зрительные органы потенциальной аудитории [5, с. 139]. Следует отметить, что с помощью визуального ряда туристам также предоставляется возможность сформировать мысленное представление конкретной дестинации на основе следующих факторов:

1. Демонстрация красоты природы;
2. Изображение пейзажей страны, города или иной местности;
3. Красота культуры и национальный характер.

В качестве важного способа продвижения туристических направлений, маршрутов и дестинаций, рекламные видеоролики предоставляют собой средство побуждения туристов посетить конкретное место. Дело в том, что в них представлено не только эмоциональное, но и интерактивное содержание. Использование таких аспектов предоставляет возможность привлечь наиболее широкую аудиторию.

Природа языка тесно связана с его функциями в социальном контексте. Когда кто-то хочет выразить смысл, он или она должны намеренно выбрать конкретные языковые средства. Согласно М. А. Халлидею, язык имеет три мета-функции: идейную, межличностную и текстовую [9, с. 152]. В рамках настоящего исследования внимание будет уделяться всем представленным выше функциям.

Идейная функция включает в себя эмпирической и логической аспекты. Первый относится к функции языка, выражающей человеческий опыт, в то время как второй выражает логику между двумя или более единицами значения. Важно отметить, что такие аспекты могут вступать во взаимодействие. Такое явление можно охарактеризовать как «переходность». Оно представляет собой «процесс, сущность которого заключается в различного рода взаимодействии субъектов, которые могут быть одушевленными, неодушевленными, а также обладать характерными для них особенностями» [8, с. 112]. Данная категория также включает в себя значения, которые характеризуют человеческую деятельность и связанные с ней косвенные процессы.

Важно отметить, что использование мультимодального анализа направлено на исследование дискурсов различного типа. Так, М. Санс и А. Гихарро проводили анализ дискурса, который используется в детских книгах, а также рассматривали связь между семиотикой текстовых и визуальных элементов, равно как и ее реализации в рамках лингвистики [13, с. 99]. Д. Шованек в своем исследовании применял мультимодальный анализ для рассмотрения особенности критического дискурса и его взаимосвязи с иллюстрациями, отражающими информацию, содержащуюся в тексте [7, с. 15].

Более того, некоторые ученые проводят исследования педагогического дискурса. М. Бауэр и Дж. Г. Хедберг используют мультимодальный подход для анализа различных дискурсов с целью изучения взаимосвязей между ними [6, с. 469]. Л. Хонг предлагает новую модель обучения для аудирования и говорения в университетах на основе мультимодального анализа дискурса и заявляет, что парадигма мультимодального обучения превосходит обычную модель в повышении внутреннего желания студентов к изучению иностранного языка [10, с. 321]. В. Ф. Лим в своем исследовании проводил анализ того, какие жесты педагоги используют при проведении занятий с целью передачи смысла собственных высказываний [12, с. 97]. В результате он приходит к выводу, что использование вербального и невербального общения, а также терминов и выражений, присущих сфере образования, оказывает положительное влияние на общий уровень успеваемости учащихся. При этом А. Твинер в рамках собственного исследования также использует мультимодальный анализ, который предоставил ему возможность определить эффективность использования визуального ряда, невербального общения и текста, отражающего особенности конкретного дискурса [14, с. 149].

На основе представленных выше исследований в настоящей работе предпринимается попытка анализа туристического дискурса, равно как и его особенностей на основе рассмотрения идейной (идеологической) функции и репрезентации туристического текста. Важно отметить, что представленные ниже результаты могут стать основой будущих исследований в данной области.

Основной формой вербальной лексики в выбранном рекламном видеоролике о туризме являются реплики рассказчика и субтитры. В результате их транскрипции было отобрано восемь предложений, содержание которых охватывает историю, культуру и традиции Китая.

При этом необходимо отметить, что в рамках рассматриваемого видеоролика также находят свое отражение материальный, психологический, а также реляционный факторы, оказывающие влияние на его восприятие туристами. Соответственно, необходимо рассмотреть каждый из них более подробно и привести соответствующие примеры.

1. Материальный фактор. Он отражает взаимодействие субъекта с видеороликом, целью которого является побуждения выбора туристического маршрута [9, с. 150]. Предложение в тексте или видеоролике может быть как в действительном, так и страдательном залоге. Среди восьми предложений три из них отражают материальный процесс. Приведенное ниже предложение проанализировано в качестве примера.

Прекрасный город Пекин был построен тысячи лет назад и являлся столицей для пяти императорских династий.

Часть предложения отражает сущность материального процесса, который, в свою очередь, предоставляет информацию относительно истории Пекина как императорской столицы Китая.

2. Психический фактор. Он представляет собой процесс восприятия и возбуждения эмоций и стимулирования реакций, в котором один из участников представляет собой субъект воздействия, в то время как другой — объект [9, с. 151]:

1. *Вы прикоснетесь к отпечатку истории, эпохе цивилизации, вратам инноваций;*

2. *Вы почувствуете вкус китайской кухни, манящего аромата, отражающего историю китайской кухни в летние и зимние сезоны.*

Примечательно, что в данных примерах воздействие на туриста, планирующего путешествие, осуществляется посредством использования местоимения «Вы» и последующего действия в виде утверждения («прикоснетесь», а не «можете прикоснуться»), в результате чего у объекта воздействия может сложиться впечатление, что решение о поездке уже принято.

Необходимо также отметить, что приведенные выше предложения рассказывают о восприятии посетителями культуры Пекина с различных точек зрения. Так, в примере 1 указывается то, что, несмотря на свою долгую историю, Пекин представляет собой центр инноваций в области коммуникационных, информационных и интерактивных технологий. Пример 2 содержит информацию относительно того, что Пекин можно посещать как зимой, так и летом.

3. Реляционный фактор. Его сущность заключается в формировании отношений между двумя участниками коммуникативного процесса. Так, высказывания в рекламных роликах могут выражать обращение автора видео к аудитории. Соответственно, необходимо привести примеры, которые отражают осуществление данного процесса:

1. *Жители Пекина приветливы и дружелюбны.*

2. *Пекин – город будущего.*

3. *Пекин – город сбывающихся мечт.*

4. *Пекин – город великолетия.*

5. *Пекин – город и сокровищница культуры Китая.*

В Примере 1 указывается, что жители Пекина приветливы и дружелюбны, что настраивает позитивный тон отношений между адресатом и адресантом. В Примере 2 отражается технологическое развитие Китая и Пекина, которое в настоящее время достигло небывалых высот. В Примере 3 указывается, что Пекин – это место, при посещении которого могут сбыться все мечты. Это отражает побуждение получателя информации принять решение о посещении города и его достопримечательностей. В

рамках четвертого и пятого примеров приводится один из факторов, который может повлиять на выбор места путешествия – богатая культура и величие Китая. Все это подкрепляется визуальной информацией, о которой речь будет идти ниже.

Г. Кресс и Т. Леуэн отмечают, что визуальную коммуникацию необходимо рассматривать в качестве так называемого «семиотического пейзажа» [11, с. 142]. Его основу составляют элементы культурного, социального и экономического характера. Результатом их влияния представляется формирование культурных отличий и многообразия с точки зрения визуальной коммуникации. Именно поэтому одна из метафункций языка в контексте туристического дискурса заключается в отражении репрезентативных значений внутреннего и внешнего мира человека посредством не только текста, но и дополняющих его изображений. Так, ранее указанные значения могут быть выражены посредством как концептуальных, так и повествовательных процессов.

Основное место в анализируемом видеоролике отводится повествовательным процессам. Так, в видеоролике по большей части предоставляется визуальная информация, в рамках которой изображаются люди, осуществляющие различные действия. При этом они сопровождаются текстом, отражающим особенности туристического дискурса.

На Рис. 1 представление процесс действия. На нем девушка идет по улице, касаясь стены. Это отражает так называемое «прикосновение к культуре» Китая.

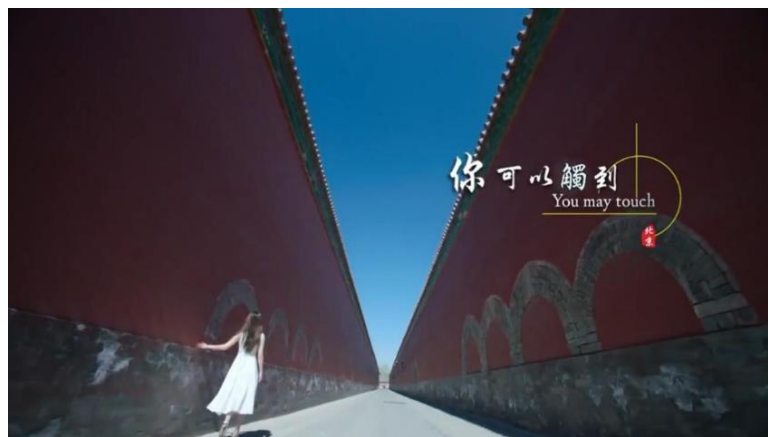

Рис. 1

На Рис. 2 отражает реакционный процесс, в рамках которого студенты направляют взгляд не на камеру. В связи с этим их внимание обращено на процесс обучения, равно как и изучения китайской культуры. Именно поэтому в кадре представлены студенты различных национальностей, что отражает приверженность Китая к осуществлению межкультурного сотрудничества.

Рис. 2

В результате мы приходим к следующим выводам. Идеиная функция туристического и рекламного видеоролика о Пекине отражают процесс транзитивности. При этом в нем ярко выражаются реляционный и материальный факторы. Это предоставляет возможность сделать вывод о том, что в проанализированном видеоролике авторами представлен нарратив, отражающий особенности китайской культуры и Пекина с туристической точки зрения. Повествовательный процесс предоставляет историю, культуру, гостеприимство, а также красоту Пекина в позитивном ключе, что в итоге может привлечь внимание широкой аудитории туристов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Евдокимов А. А. Проблемы и перспективы использования Интернет-технологий в сфере туристических услуг России / А. А. Евдокимов // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2010. – №. С. 711-717.
2. Курганская Г. С., Хофманн К. М. Инновационные интернет-технологии в сфере туризма / Г. С. Курганская, К. М. Хофманн // Бизнес-образование в экономике знаний. – 2018. – №1 (9). – С. 55-70.
3. Пирджанова Г. Д. Культурные особенности рекламы в сфере туризма / Г. Д. Пирджанова // Прозвешание науки. 2022. №3 (9). С. 1-6.
4. Понукалина О. В., Логинова Л. В. Имидж территории в контексте повышения туристской привлекательности региона / О. В. Понукалина, Л. В. Логинова // Logos et Praxis. – 2016. – №1 (31). – С. 65-73.
5. Цыганова В. О. Современные методы продвижения туристского продукта / В. О. Цыганова // Colloquium-journal. – 2020. – №9 (61). – С. 137-142.
6. Bower M., Hedberg J. G. A quantitative multimodal discourse analysis of teaching and learning in a web-conferencing environment - The efficacy of student-centred learning designs / M. Bower, J. G. Hedberg // Computers and Education. 2010. – № 2. – Pp. 462–478.
7. Chovanek J. Multimodal storytelling in the news: Sequenced images as ideological scripts of othering / J. Chovanek // Discourse, Context and Media. – 2019. – № 28. – Pp. 8-18.
8. Halliday M. A. Language as Social Semiotic: The Social Interpretation of Language and Meaning / M. A. Halliday. – London: Edward Arnold, 1976. – 211 p.
9. Halliday M. A. Language Structure and Language Function / M. A. Halliday // New Horizons in Linguistics. – 1970. № 5. – Pp. 140-165.
10. Hong L. Application of the Multimodal Discourse Analysis Theory to the Teaching of College English Listening and Speaking / L. Hong // IERI Procedia. – 2012. – № 2. – Pp. 319–324.
11. Kress G., Van Leeuwen T. Reading Images: The Grammar of Visual Design (2nd edition) / G. Kress, T. Van Leeuwen. – London: Routledge, 2006. – 264 p.
12. Lim V. F. Analysing the teachers' use of gestures in the classroom: A Systemic Functional Multimodal Discourse Analysis approach / V. F. Lim // Social Semiotics. 2019. – № 1. – Pp. 83-111.
13. Moya-Guijarro A. J., Pinar-Sanz M. J. Irony and Humour in Princess Smartypants / A. J. Moya-Guijarro, M. J. Pinar-Sanz // Brno Studies in English. – 2016. –№ 1. – Pp. 93–111.
14. Twiner A. Combining sociocultural discourse analysis and multimodal analysis to explore teachers' and pupils' meaning making / A. Twiner // Learning, Culture and Social Interaction. – 2021. – № 3. – Pp. 140-152.
15. Yinan L., Hernández-Martín R., González P. Effects of Destination-Language Proficiency on Tourists' Behavioral Intentions: The Case of Young Chinese Travelers / L. Yinan, R. Hernández-Martín, P. González // Journal of China Tourism Research. – 2022. – № 19. – Pp. 1-26.
16. Ying H. Chinese Tour Guides' Strategies in Intercultural Communication—Implications for Language Teaching and Tourism Education / H. Ying // Journal of Language Teaching and Research. – 2011. – № 2. – Pp. 146-150.
17. Zhou L., Wall G. Intercultural Interactions in Tourist Bars: Yangshuo, China / L. Zhou, G. Wall // Tourism Culture & Communication. – 2015. – № 14. – Pp. 27-37.

Поступила в редакцию 18.03.2024 г.

Yin Zixuan

ANALYSIS OF TOURISM DISCOURSE BASED ON MULTIMODALITY (BASED ON A VIDEO ABOUT A TRIP TO BEIJING)

This study provides a multimodal analysis of a video clip about traveling to Beijing. The relevance of the topic is due to the fact that currently a large number of linguistic researchers are studying the use of language not only within specific discourses, but also the influence of culture on this process. The author provides a brief description of the features of tourist discourse, identifies its types, and provides examples of how the visual series is

reflected in linguistic means. Within the framework of the video clip under consideration, material, psychological, and relational factors that influence its perception by tourists are highlighted, which are examined in detail using examples. As a result, it was found that the video clip selected for analysis presents a narrative that reflects the cultural and tourist features of Beijing.

Key words: China, tourism, discourse, multimodality, video, destinations.

Инь Цзысюань

Аспирант.
Южно-Уральский государственный университет
E-mail: 1363332326@qq.com

Yin Zixuan

Graduate student.
South Ural State University
E-mail: 1363332326@qq.com

Харченко Елена Владимировна

Доктор филологических наук, профессор.
Южно-Уральский государственный университет
Профессор кафедры русского языка как
иностранного.
E-mail: kharchenkoev@susu.ru

Kharchenko Elena Vladimirovna

Doctor of Philological Sciences, Professor
South Ural State University
Head of Department, Teacher (hourly)
— Department of “Russian as a Foreign Language”
E-mail: kharchenkoev@susu.ru

УДК 81'42

Цзян Линьлинь © 2024

*Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Волгоградский государственный
социально-педагогический университет»
(Научн. рук. — д-р филол. наук, проф. В. И. Супрун)*

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ТЕКСТЫ В ЗАГОЛОВКАХ СОВРЕМЕННЫХ РУССКИХ ГАЗЕТ

В статье рассматриваются прецедентные тексты и онимы разных разрядов, активно используемые современными российскими газетами в своих заголовках. Ведущим способом создания заголовка является трансформация прецедентной единицы. С помощью трансформации в газетах реализуется языковая игра, в которой проявляется лингвокреативная деятельность носителя языка — создателя заголовка, при этом реципиент-читатель включается в эту игру, стараясь расшифровать смысл, заложенный автором.

Ключевые слова: крылатые слова, прецедентная единица, российские газеты, языковая игра, заголовок.

С целью привлечения внимания читателей современные российские газеты активно используют в заголовках прецедентные тексты и онимы. Под прецедентными текстами Ю. Н. Караулов понимал тексты, «(1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные широкому окружению данной личности, включая её предшественников и современников, и, наконец, такие, (3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [5, с. 216]. К прецедентным текстам относят крылатые слова, паремии, строки из популярных песен, кинофильмов, телепередач, театральных постановок, радиопередач, рекламы и пр. В состав прецедентных имён включают фамилии, имена правителей, политических деятелей, писателей, художников, учёных, спортсменов и т. п., имена литературных и фольклорных героев, названия фольклорных и литературных произведений (библионимы), кинофильмов (фильмонимы), популярных теле- и радиопередач и пр.

Ранее А. Е. Супрун использовал с коллегами в ассоциативном эксперименте текстовые реминисценции [8], под которыми понимал «осознанные vs. неосознанные, точные vs. преобразованные цитаты или иного рода отсылки к более или менее известным

ранее произведённым текстам в составе более позднего текста». К ним он относил «цитаты (от целых фрагментов до отдельных словосочетаний), «крылатые слова», отдельные определенным образом окрашенные слова, включая индивидуальные неологизмы, имена персонажей, названия произведений, имена их авторов, особые коннотации слов и выражений, прямые или косвенные напоминания о ситуациях» [7, с. 17]. Как видим, под текстовыми реминисценциями и прецедентными текстами отличия незначительные. В данной статье мы будем использовать термин *прецедентные единицы*, в состав которых включаются тексты и их фрагменты, словосочетания, слова, в т. ч. имена собственные.

Исследователи отмечают, что в заголовках большинство устойчивых выражений употребляется в трансформированном виде [4, с. 11]. В некоторых современных газетах трансформация прецедентной единицы в заголовке становится ведущим способом создания заголовка текста. С помощью трансформаций в газетах реализуется языковая игра, в которой проявляется лингвокреативная деятельность носителя языка, своеобразный лингвистический эксперимент. В.З. Санников отмечает, что «языковая игра, как и комическое в целом, — это отступление от нормы, нечто необычное» [6, с. 13].

Чаще всего языковая игра реализуется в виде замены в прецедентной единице одного из компонентов. В лингвосознании читателя существует полный образ трансформированной единицы, он обнаруживает в тексте языковую игру, которая привлекает его внимание и заставляет прочитать текст статьи. Рассмотрим некоторые примеры из газет.

① Аренда рубль бережёт (КП, с. 8).

В качестве прецедентной единицы выступает пословица *Копейка рубль бережёт* ‘бережливость, экономность ведёт к достатку, богатству’ [ГР]. Автор заменил в заголовке слово *копейка* на *аренда*. В статье идёт речь об аренде, которую следует оформлять заранее, что приведёт к экономии средств. Преобразованный заголовок выполняет информативную функцию, соответствует содержанию статьи.

② Только через мой труд! (КП, с.10).

Словарь отмечает устойчивое сочетание *только через мой труп* ‘категорический протест против действия’ [БТС, с. 1349]. Сходная фраза обнаруживается в немецком языке: в драме Ф. Шиллера «Смерть Валленштейна» (1800), в стихотворении И. Г. Гердера «Гостеприимный хозяин» (1801) встречается выражение *über meinen Leichnam*. Однако, думается, что в данном случае речь идёт не о заимствовании, а о общеевропейской культурной модели, представленной во многих языках: англ. *Over my dead body*; идиш *גוף טויטן מיין איבער* [*iber mayn toytn guf*]; исп. *Sólo sobre mi cadáver*; чеш. *Jen přes mou mrtvolu*; польск. *Tylko przez moje zwłoki* и др. Синонимами в русском языке выступают свободные контексты: Я категорически против; Я ни в коем случае этого не допущу. В данном случае языковая игра строится только на созвучии слов *труп* и *труд*, исходная семантика фразеологизма не имеет никакого отношения к тексту статьи, в которой речь идёт том, что с 1 сентября 2024 года в школы вернутся уроки труда. Однако аттрактивная функция заголовка проявляется в полной степени: читатель вспоминает фразеологизм, предполагает, что в тексте его семантика каким-то образом будет реализована, и обращается к чтению.

③ Твердо следуя принципам (Ком., с. 1).

В русском языке существуют сочетания с разной степенью спаянности *придерживаться принципов, отстаивать принципы, руководствоваться принципами, следовать принципам* и др. В них слово *принцип* употребляется во 2-м значении: ‘внутренняя убеждённость в чём-л., точка зрения на что-л.; норма поведения’ [БТС, с. 984]. Автор текста (или составитель заголовков в газете) использует в заголовке близость фонетического звучания слов *принцип* и *принц*, паронимическую аттракцию. В.

П. Григорьев отмечает, что в таких случаях «различия здесь часто почти неуловимы от субъективных моментов восприятия» [3, с. 265]. Если в поэзии этот приём языковой игры позволяет обнаружить новые смыслы, вкладываемые автором в текст, то в заголовках они бессмысленны и выполняют аттрактивную функцию: читатель обратит внимание на непривычное, абсурдное сочетание слов и прочитает заметку, в которой речь идёт о встрече президента России В. В. Путина на полях форума ВТБ «Россия зовёт» с наследным принцем Омана Зиязаном Бен Хейсамом Аль Саидом. Отметим грамматическую неточность, встреча была с одним принцем, а в заголовке использовано множественное число, поскольку слово *принцип* в подобных конструкциях имеет плюральную форму.

④ «АиФ» ягодка опять (КП, с. 11).

В русской лингвокультуре отражаются представления о физиологических особенностях жизни женщин. Считается, что в 45 лет завершается гормональная перестройка, у женщины начинается вторая молодость, по крайней мере, так было во времена создания паремии *Сорок лет — бабий век, сорок пять — баба ягодка опять*. Возможно, расширение текста произошло позже, в сборнике М. И. Михельсона приводится только первая часть паремии [МСЧ/2, с. 298]. В тексте говорится о 45-й годовщине известной газеты «Аргументы и факты», в шутку газету сравнили с русской бабой.

⑤ Поздравляю, вы стали Дедушкой! (КП, с. 19).

Прецедентным текстом русской лингвокультуры является фраза «Поздравляю, Вы стали папой (отцом)». Обычно её произносят в роддоме, когда становится известно о рождении ребёнка. В заголовке слово *papa* заменили на *Дедушка*. Аттрактивная цель заголовка достигнута. Только после прочтения читатель узнаёт, что речь идёт о Деде Морозе.

⑥ Полмиллиона перешли черту. Бедности (МК, с. 1).

Эффективным средством привлечения внимания читателя является парцелляция — «способ речевого представления единой синтаксической структуры — предложения несколькими коммуникативно самостоятельными единицами — фразами» [2, с. 369]. Разделение предложения на части заставляет читателя обратить внимание на отделённый фрагмент, он становится в заголовке главным. Устойчивое сочетание *перейти, переступить черту* обозначает ‘переступить предел дозволенного, установленного’. В тексте сказано о росте числа малоимущих в стране. Разделение заголовка на части достигло своего эффекта: читатель обратил внимание на парцелляцию и прочитал текст.

⑦ Недружественный бизнес в законе (Вед., с. 2).

В заголовке содержится аллюзия на прецедентную единицу *вор в законе*, которой в жаргоне именуется уголовный преступник, признающий и соблюдающий законы преступного мира и пользующийся значительным авторитетом в этой среде [ГР]. Журналист заменил слово *вор* на *бизнес*. В тексте сообщается, что в Госдуме приняли решение, что введение внешнего управления активами требует законодательного регулирования.

Весьма часто в газетных заголовках прибегают к использованию прецедентных названий художественных произведений, кинофильмов, отрывков из текстов известных классиков литературы. У читателя эти тексты на слуху, он сразу реагирует на заголовок и обращается к тексту. В первую очередь авторы используют хрестоматийные произведения классиков русской литературы, тексты которых читатель знает со школьной скамьи.

① Не продается настроенье, но можно мишуру продать (КП, с. 18).

В 1824 году в Михайловском А. С. Пушкин написал большое стихотворение «Разговор Книгопродавца с Поэтом», которое он замыслил как пролог к роману «Евгений Онегин». В последней реплике книгопродавца приведены слова: «Не продаётся

вдохновенье, но можно рукопись продать» [АСП, с. 13]. Это предложение сразу же стало популярным, его цитировали многие современники А. С. Пушкина и деятели культуры и искусства последующих веков, оно вошло в словарь крылатых слов [1, с. 364-365]. В заглавии автор заменил слово *вдохновенье* на рифмующееся с ним *настроенье*, а вместо лексемы *рукопись* вставил *мишура*. В тексте говорится о том, что в Москве открываются рождественские ярмарки, проходят мастер-классы, на которых можно приобрести подарки близким или сделать их самим.

② Прогноз — красный нос (КП, с. 1).

К хрестоматийным произведениям относится поэма Н. А. Некрасова «Мороз, Красный нос» (1863). Отрывки из неё учат школьники 5-го класса. Название поэмы на слуху. Мифологический персонаж Мороз-воевода, который «дозором обходит владенья свои», хорошо известен русским людям. У любого человека на холоде нос краснеет, такой же нос и у Мороза. Автор заголовка сохранил рифмовку библионима, второй частью текста намекнул на морозную погоду, а в первую часть включил слово *прогноз*, о котором и будет речь в тексте.

③ Заграница не поможет (МК, с. 2).

Основой заголовка является прецедентный текст из романа Ильи Ильфа и Евгения Петрова «Двенадцать стульев» (1927) «Заграница нам поможет». Этими словами герой романа Остап Бендер ободряет собравших им деятелей «Союза меча и орала». Эта же фраза произносится героем в одноимённом кинофильме (1971). Из текста ясно, что никакой помощи не будет, Бендер организовал это «тайное собрание» только с целью завладеть деньгами доверчивых гостей дома Елены Станиславовны, давней подруги Кисы Воробьянинова. Прецедентный текст цитируется как саркастический или иронический комментарий к позиции тех, кто надеется не на свои силы в решении своих же проблем, а на некую «бескорыстную» помощь внешних сил, «заграницы», Запада (в тексте романа есть также фраза «Запад нам поможет»). Отрицательная частица *не*, включённая в заголовок, содержит пояснение, что помощи ожидать не стоит. В тексте говорится о том, что США не дали денег Украине.

④ Хождения по матери (МК, с. 1).

В основе заголовка название романа А. Н. Толстого «Хождение по мукам». Писатель взял за основу для названия своего произведения библионим из памятников древнеславянской письменности «Хождение Богородицы по мукам» (XII век). Словосочетание служит для обозначения тяжёлых, мучительных испытаний человека, которые постигают его одно за другим. А. Н. Толстой в предисловии к первой части трилогии пишет: «Перешедшие через муки узнают, что бытие живо не злом, но добром: волей к жизни, свободой и милосердием» [АНТ, с. 6]. Автор заголовка не слишком удачно заменил слово *мука* на *мать*, не учёл, что основное значение предлога *по* 'употребляется при обозначении предмета, пространства и т. п., поверхность которого является местом, где происходит действие, движение кого-, чего-л., где располагается кто-, что-л.; вдоль чего-л., на поверхности чего-л.' [БТС, с. 847]. В тексте рассказывается, что у матери из-за бедности чиновники отобрали её десятерых детей.

Довольно часто в заголовках используются тексты современных песен и названия популярных теле- и кинофильмов. О них знают все читатели, поэтому подобные заголовки привлекают их внимание и выполняют аттрактивную функцию.

① Место встречи изменили (КП, с. 2).

В заголовке содержится намёк на название очень популярного телефильма «Место встречи изменить нельзя», который смотрела вся страна, а позже его неоднократно повторяли на разных каналах телевидения. Текст статьи соответствует заголовку.

② Свой среди чужих (КП, с. 5).

Заголовок представляет собой сокращение названия известного фильма Никиты

Сергеевича Михалкова «Свой среди чужих, чужой среди своих». В тексте рассказывается о взаимоотношениях людей.

③ Москва моя, «Вечерняя», ты самая столичная! (КП, с. 11).

В декабре 2023 года газете «Вечерняя Москва» исполнилось 100 лет. Журналисты из «Комсомольской правды» поздравили коллег и выбрали в качестве заголовка для текста припев песни братьев-композиторов Дмитрия и Даниила Покрасов и поэта Василия Лебедева-Кумача «Москва майская» (1937): «Страна моя, Москва моя — Ты самая любимая!» [ВИЛК, с. 314-316]. В прецедентном тексте сохранён ритм текста, но произошла замена слов.

④ То ли девочка, то ли привидение (МК, с. 3).

Название статьи является аллюзией на текст популярной песни Максима Леонидова «Девочка-виденье» (1996). Музыкант признавался, что этот текст является переводом то ли американской кантри-песни 1940-х годов, то ли сочинения блюзмена Теда Горовица. В заголовке произошла замена слова *виденье* на *привидение*.

Итак, современные российские газеты активно используют в заголовках прецедентные тексты и онимы разных разрядов. Трансформация прецедентной единицы в заголовке во многих случаях становится ведущим способом создания заголовка. С помощью трансформации в газетах реализуется языковая игра, в которой проявляется лингвокреативная деятельность носителя языка — создателя заголовка, при этом реципиент-читатель включается в эту игру, стараясь расшифровать смысл, заложенный автором.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ашукин Н. С. Крылатые слова: Литературные цитаты. Образные выражения / Н. С. Ашукин, М. Г. Ашукина. — Москва: Госиздат, 1955. — 668 с.
2. Ванников Ю. В. Парцелляция / Ю. В. Ванников // Лингвистический энциклопедический словарь. — Москва: Сов. энцикл., 1990. — С. 369.
3. Григорьев В. П. Поэтика слова: На материале русской советской поэзии / В. П. Григорьев. — Москва: Наука, 1979. — 343 с.
4. Евстратова С. Б. Языковые средства выражения оценочности в газетных заголовках (на материале русского и эстонского языков) / Е. Б. Евстратова // Труды по русской и славянской филологии: лингвистика. Новая серия: V. Русский язык: система и функционирование. — Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2001. — С. 7-18.
5. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. — Москва : Наука, 1987. — 261 с.
6. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры / В. З. Санников. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва: Языки славянской культуры, 2002. — 552 с.
7. Супрун А. Е. Текстовые реминисценции как языковое явление / А. Е. Супрун // Вопросы языкознания. — 1995. — № 6. — С. 17-29.
8. Супрун А. Е., Клименко А. П., Титова Л. Н. Текстовые реминисценции в ассоциативном эксперименте / А. Е. Супрун, А. П. Клименко, Л. Н. Титова // Материалы V Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. Ч. 1. М., 1975. — С. 105–108.

ИСТОЧНИКИ

1. АНТ — Толстой А. Н. Хожение по мукам / Сост., ст. и примеч. Г. Н. Воронцовой. Москва: Наука, 2012. 478 с.
2. АСП — Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений / Гл. ред. Н. Н. Скатов. Т. 3: Стихотворения. Кн. 1-я: (Михайловское. 1824-1826). Санкт-Петербург: Наука, 2019. 1120 с.
3. БТС — Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. Санкт-Петербург: Норинт, 2000. — 1536 с.
4. Вед. — Ведомости. 2023, 8 декабря.
5. ВИЛК — Лебедев-Кумач В. И. Избранное: стихотворения, песни / Предисл. С. Васильева. Сост. и подгот. текста М. Лебедевой-Кумач. Москва: Худож. литер., 1984. 367 с.
6. ГР - <https://gramota.ru/poisk?query=копейка&mode=slovari>
7. КП — Комсомольская правда. 2023, 8 декабря.

8. Ком. — Коммерсантъ. 2023, 8 декабря.
9. МК — Московский комсомолец. 2023, 8 декабря.

Поступила в редакцию 21.03.2024 г.

Jiang Linlin

PRECEDENT TEXTS IN THE HEADLINES OF MODERN RUSSIAN NEWSPAPERS

The article examines precedent texts and onyms of various categories that are actively used by modern Russian newspapers in their headlines. The leading way to create a headline is to transform the precedent unit. With the help of transformation, a language game is implemented in newspapers, in which the linguocreative activity of the native speaker — the creator of the headline is manifested, while the recipient-reader is involved in this game, trying to decipher the meaning laid down by the author.

Keywords: winged words, precedent unit, Russian newspapers, language game, headline.

Цзян Линьлин

Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград, РФ.
Аспирант.
E-mail: 15754324043@163.com

Jiang Linlin

Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, RF.
Postgraduate student.
E-mail: 15754324043@163.com

Василий Иванович Супрун.

Доктор филологических наук.
Волгоградский государственный социольно-педагогический университет, г. Волгоград, РФ.
Профессор кафедры русского языка и методики его преподавания.
E-mail: suprun@vspu.ru

Vasily Ivanovich Suprun.

Doctor of Philology.
Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, RF.
Professor of the Department of Russian Language and Methods of its Teaching.
E-mail: suprun@vspu.ru

Словообразование и грамматика

УДК 81'373.611

К. Ю. Емельянова © 2024

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Донецкий государственный университет»

АББРЕВИАТУРНАЯ ГРУППА ДЕМ (ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ): ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА³

Статья посвящена описанию аббревиатурной группы *дем* (*демократический*). Работа опирается на два принципа — количественный и структурно-формальный. Результатом количественного анализа стало рассмотрение аббревиатурной группы *дем* с позиции количественных характеристик. Структурно-формальный анализ позволил соотнести минимальные смысловые единицы в гнезде эквивалентности и рассмотреть структурные изменения этих единиц в результате дешифровки.

Ключевые слова: аббревиатурная группа, количественный принцип, структурно-формальный принцип.

Экспериментальная лаборатория исследований тенденций аббревиации при кафедре русского языка Донецкого государственного университета (далее — Лаборатория) занимается разработкой теории аббревиации, в которой под **аббревиатурной группой** понимается группа слов с тождественным **абброконструктом** («часть аббревиатуры, сокращённый эквивалент какого-либо слова» [4, с. 16]). Например, слова с абброконструктом *авиа-* (*авиавыставка, авиагородок, авиадвигатель, авиазавод, авиаиндустрия* и др.) образуют аббревиатурную группу *авиа*; лексемы с начальным компонентом *био-* (*биоакустика, биодатчик, био завод, биокомплекс, биомеханика* и др.) формируют аббревиатурную группу *био*; единицы с сокращённым конструктом *вело-* (*велобагажник, веловыставка, велодеталь, велоезда, велозал* и др.) объединяются в аббревиатурную группу *вело* и т. д.

Целью данной статьи является описание аббревиатурной группы *дем* (*демократический*). Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих **задач**:

- 1) разграничение синхронного и диахронного подходов к описанию сложносокращённых слов;
- 2) рассмотрение понятия «аббревиатурная группа»;
- 3) выделение параметров описания аббревиатурной группы;
- 4) описание аббревиатурной группы *дем*.

В теории Лаборатории применяются два подхода к анализу сложносокращённых слов — диахронный и синхронный.

Цель диахронного подхода — определение отношений производности между аббревиатурой и эквивалентным ей словосочетанием. Иначе говоря, при диахронном подходе необходимо установить: 1) является ли словосочетание первичной единицей, от которой образуется аббревиатура; это явление **универбализации** — «процесс трансформации словосочетания в функционально-семантически эквивалентное ему слово» [4, с. 21], или же сложносокращённое слово выступает «производящим» для словосочетания; это явление **квазиунивербализации** — «образование единиц,

³ Исследование проводилось по теме государственного задания «Структурно-функциональные параметры существования и развития русского языка XX-XXI столетий в его региолектном и общезыковом аспектах» (№ госрегистрации НИОКТР 1023111500001-7-6.2.1;6.2.2)

имитирующих структуру универбатов» [4, с. 18] (квазиунивербаты образуются не от словосочетаний, а от слов); 2) обнаруживаются ли у сложносокращённого слова, образованного в результате квазиунивербализации, вторичные эквиваленты, возникшие в результате **псевдоунивербализации**, под которой понимается «развёртывание аббревиатурного слова в словосочетание с тождественным значением» [4, с. 20].

В основу **синхронного подхода** положен анализ мотивационных отношений между аббревиатурой и её текстовыми эквивалентами на актуальном срезе языка. На основе данного подхода создаётся Толковый словарь сложносокращённых слов русского языка (далее — Словарь) [5], составлением которого занимается Лаборатория.

В аббревиатурную группу *дем* входят 26 сокращённых единиц. Вместе с аббревиатурами в аббревиатурную группу входят все **текстовые эквиваленты** — словосочетания, связанные со сложносокращёнными словами мотивационными отношениями и используемые в текстах в качестве их абсолютных синонимов. Например, для сокращения *демальянс* были обнаружены следующие текстовые эквиваленты: *демократический альянс*, *альянс демократических сил*, *альянс демократических партий*; аббревиатура *демблок* коррелирует с такими текстовыми эквивалентами, как *демократический блок*, *блок демократических сил*, *блок демократических партий*; сложносокращённое слово *демкоалиция* объединяет словосочетания *демократическая коалиция*, *коалиция демократических сил*, *коалиция демократов* и т. д.

Текстовые эквиваленты образуют **гнездо эквивалентности**, формируемое под влиянием **дешифровальных стимулов** — имплицитных знаний, «которые стимулируют возможность разного дешифрования сложного слова» [1, с. 35]. Дешифровальной матрицей называется «совокупность всех дешифровальных стимулов, которые могут быть использованы для расшифровки сложных слов группы» [3, с. 42]. Текстовые эквиваленты слова *демкоалиция* (*демократическая коалиция*, *коалиция демократических сил*, *коалиция демократов*) образуют гнездо эквивалентности, формируемое под влиянием таких дешифровальных стимулов, как *демократическая*, *демократических сил*, *демократов*. Представленные дешифровальные стимулы являются дешифровальной матрицей сложносокращённого слова *демкоалиция*.

Для анализа аббревиатурной группы *дем* используется типология, предложенная В. А. Рязановой [2, которая предлагает выделять два принципа, по которым может быть проведена типологизация аббревиатурных групп русского языка — квантитативный и структурно-формальный.

Квантитативный принцип описания аббревиатурных групп имеет в своей основе учёт их количественных характеристик. На основе данного анализа сформированы следующие типологии:

1. **По соотношению частотности употреблений.** Данная типология основана на учёте баланса индексов — «частное от деления индекса употребления аббревиатурного слова на индекс употребления словосочетания» [4, с. 18]. Если баланс индексов > 1 , словосочетание употребляется в поисковых машинах реже слова, а если < 1 , слово употребляется реже словосочетания. В первом случае аббревиатура первична, а словосочетание вторично (процесс квазиунивербализации), во втором случае — словосочетание первично, а аббревиатура вторична (процесс универбализации). На основании этого выделяются **универбализационные**, **псевдоунивербализационные** и **комбинированные** группы. Аббревиатурная группа *дем* относится к универбализационным, поскольку в аббревиатурной группе 23 единицы образованы в результате универбализации (*демальянс*, *демблок*, *дембольшинство*, *демдвижение*, *демжурнал*, *демоидеолог*, *демиздание*, *демкоалиция*, *демлагерь*, *демлидер*, *демоппозиция*, *демофрения*, *демпартия*, *демпечать*, *демплатаформа*, *демпресса*, *демпропаганда*,

демрадио, демреспублика, демреформа, демсила, демосоциалист, демохристианин). Лишь 1 единица появилась в результате квазиунивербализации (*демшиза*).

2. По количеству употреблений. В Словарь включаются только те аббревиатуры, которые встречаются в текстах интернет-пространства больше 500 раз. В соответствии с частотой употребления языковых единиц В. А. Рязанова выделяет **регулярные** и **окказиональные** группы. Аббревиатурная группа *дем* относится к регулярным, поскольку 24 анализируемых сокращения с аббревиатурным компонентом *дем-* употребляются больше 500 раз. Однако в данной группе обнаруживается 2 окказиональных сложносокращённых слова — *демвыборосс* (161 употр.) и *демстандарт* (466 употр.). Окказиональные аббревиатуры не входят в Толковый словарь сложносокращённых слов русского языка. Для данных единиц предполагается выпуск дополнения к Словарю — Словарь квазиаббревиатур.

Структурно-формальный принцип «основан на формальной соотнесённости минимальных смысловых единиц в гнезде эквивалентности — компонентов сложного слова (базиса и признака) и компонентов эквивалентных словосочетаний (составляющих словосочетание слов) и на структурном изменении этих компонентов, происходящем в процессе дешифровки» [2, с. 116]. Исходя из этого, В. А. Рязанова предложила следующую типологию аббревиатурных групп.

3. По возможностям трактовки начального компонента сложного слова. «Множественная дешифровка сложного слова приводит к тому, что его начальный конструкт в результате развёртывания может представлять разные типы деривационной трактовки» [2, с. 116]. В соответствии со способом трактовки аббревиатурного компонента выделяется следующая типология групп:

а) **аббревиатурные группы** (эти группы образуют слова, начальный компонент которых трактуется как аббревиатурный, то есть является равным части основы эквивалента);

б) **гибридные аббревиатурно-композиционные группы** (в эти группы входят слова с гибридным конструктом, то есть с сокращённым компонентом, который одновременно трактуется как аббревиатурный (то есть равный части основы слова) и как композиционный (то есть равный целому слову) конструкт);

в) **гибридные аббревиатурно-юкстапозитные группы** (наравне с аббревиатурной трактовкой конструкта существует юкстапозитная трактовка, при которой конструкт полностью дублирует эквивалентное слово).

Дем относится к аббревиатурным группам, поскольку аббревиатурный компонент во всех случаях является равным части основы слова: *демнобольшинство* — демократическое большинство, большинство демократов; *демкоалиция* — демократическая коалиция, коалиция демократических сил, коалиция демократов; *демлагерь* — демократический лагерь, лагерь демократов, лагерь демократии, лагерь демократических сил; *демлидер* — лидер демократической партии, лидер демократов, демократический лидер, лидер демократии и т. д.

4. По характеру репрезентации базисного и признакового компонентов. «Разные типы сложносокращённых единиц по-разному репрезентируют слова, которые в эквивалентном словосочетании занимают базисную и признаковую позицию» [2, с. 117]. По характеру репрезентации компонентов выделяются следующие типы групп:

а) **группы слов с сокращённым признаковым компонентом** (здесь реализуются две наиболее распространённые формальные модели развёртывания аббревиатуры: «прил1 + сущ1» и «сущ1 + сущ2», где 1 — Им. п., 2 — Род. п.);

б) **группы слов с сокращённым базисным компонентом** (в этом случае словосочетания построены по схеме «сущ1 + сущ2»);

в) **группы слов с сокращёнными базисным и признаковым компонентами** (к данному типу относятся слоговые и инициально-слоговые аббревиатуры);

г) **группы слов с вариативностью способов репрезентации компонентов** («в гнездах эквивалентности гибридных групп универбализация комбинируется со словосложением; в результате слово трактуется как сложносокращённое (с сокращённым начальным компонентом) и как композит/юкстапозит (с сохранённой основой начального компонента или с абсолютной его репрезентацией)» [2, с. 118].

Аббревиатурная группа *дем* относится к первому типу — группы слов с сокращённым признаковым компонентом: *демократическое большинство* и *большинство демократов*; *демоидеолог* — *демократический идеолог* и *идеолог демократии*; *демпартия* — *демократическая партия* и *партия демократов* и т. д.

5. **По структуре дешифровальных матриц.** «Появление множественности синтаксических эквивалентов обусловлено влиянием **дешифровальных стимулов (ДС)** — стереотипных моделей расшифровки сложного слова. Совокупность всех дешифровальных стимулов группы (собственно моделей, по которым возможно развёртывание всех сложных слов одной аббревиатуры) составляет её **дешифровальную матрицу (ДМ)**» [2, с. 118]. Ранее разработанная Лабораторией структурно-семантическая классификация дешифровальных стимулов была использована для выработки типологии аббревиатурных групп:

а) **группы с презентативной дешифровальной матрицей** («в группах такого типа ДМ представлена только ДС презентативного типа, которые имеют обобщённую семантику и воспроизводят структуру сложного слова» [2, с. 118]).

б) **группы с релятивной дешифровальной матрицей** («дешифровальные матрицы релятивного типа содержат дешифровальные стимулы, которые реализуют падежную или предложно-падежную форму и актуализируют грамматические значения числа и падежа, не заложенные в структуре сложного слова» [2, с. 118]). Данные группы — редкое явление в Словаре.

в) **группы с комбинированной дешифровальной матрицей** («...дешифровальные матрицы содержат, как правило, несколько разнотипных дешифровальных стимулов»). В теории Лаборатории выделяют следующие разновидности комбинированных дешифровальных матриц:

• **презентативные дешифровальные стимулы + релятивные дешифровальные стимулы.**

• **презентативные дешифровальные стимулы + модификационные дешифровальные стимулы.** «В этой разновидности ДМ усложняется модификационными дешифровальными стимулами. Модификационный ДС порождает эквиваленты, формально более сложные, чем аббревиатура, и включает в словосочетание дополнительный ономаσιологический признак, не выраженный в сложном слове» [2, с. 119].

• **презентативные дешифровальные стимулы + релятивные дешифровальные стимулы + модификационные дешифровальные стимулы.**

Аббревиатурная группа *дем* относится к последней разновидности: в этой группе обнаруживаются такие дешифровальные стимулы, как *демократический (демальянс — демократический альянс, демблок — демократический блок, демократическое большинство — демократическое большинство)*, *демократов (дембольшинство — большинство демократов, демкоалиция — коалиция демократов, демлагерь — лагерь демократов)*, *демократии (демоидеолог — идеолог демократии, демлагерь — лагерь демократии, демлидер — лидер демократии)*, *демократической партии (демлидер — лидер демократической партии)*, *демократических партий (демальянс — альянс демократических партий, демблок — блок демократических партий)*, *демократических сил (демальянс — альянс демократических сил, демблок — блок демократических сил, демкоалиция — коалиция демократических сил)*. Однако в данной аббревиатурной группе были найдены текстовые эквиваленты, дешифровальные стимулы которых не входят ни в одну из представленных классификаций: 1) *демохристианин — христианский демократ*, где абброконструкт *демо-*

разворачивается не в признаковый компонент, а в базисный, а вторая часть сложного слова занимает не базисную позицию, а признаковую; 2) *демофрения* — *демократия и шизофрения*, где появляется не традиционное словосочетание с подчинительной связью, а два однородных члена с сочинительной связью.

6. По типу семантической коррелятивности. «Существование комплекса словосочетаний в гнезде эквивалентности обуславливает множественность трактовки сложного слова. Синтаксические эквиваленты имеют различающуюся семантику, поскольку дешифровальные стимулы мотивируют разную интерпретацию сложного слова. При сопоставлении вариантов интерпретации обнаруживается, что степень их семантического различия колеблется от незначительного до весомого» [2, с. 119]. Этот показатель лёг в основу следующей типологии групп:

а) **однозначные группы**, в которых «конструкт в сопоставлении с компонентами словосочетаний сохраняет тождественную семантику» [2, с. 119].

б) **симультантные группы**, где параллельно существуют семантические корреляты — симультанты, называющие разные объекты действительности, которые в языковом пространстве имеют омонимичные средства выражения.

Аббревиатурная группа *дем* относится к однозначным группам.

7. По объёму дешифровальных матриц отмечаются следующие группы:

а) **группы с простой дешифровальной матрицей**, к которым относятся группы, имеющие всего один дешифровальный стимул;

б) **группы с составной дешифровальной матрицей**, к которым относятся группы, в дешифровальных матрицах которых обнаруживается несколько (от 2 до 10) возможных дешифровальных стимулов.

в) **группы со множественной дешифровальной матрицей**, в которых больше 10 дешифровальных стимулов.

Аббревиатурная группа *дем* относится ко второму типу — это группа с составной дешифровальной матрицей, поскольку в ней насчитывается 6 дешифровальных стимулов.

Таким образом, в результате проведённого анализа аббревиатурной группы *дем* можно сделать следующие выводы:

1) по соотношению частотности употреблений сложносокращённых слов и связанных с ними текстовых эквивалентов аббревиатурная группа *дем* относится к универбализационному типу;

2) по количеству употреблений сложносокращённых слов группа *дем* относится к регулярным группам;

3) по возможностям трактовки начального компонента сложного слова анализируемая группа является аббревиатурной;

4) по характеру репрезентации базисного и признакового компонентов *дем* относится к группам слов с сокращённым признаковым компонентом;

5) по структуре дешифровальных матриц рассматриваемая аббревиатурная группа относится к группам с комбинированной дешифровальной матрицей со следующей разновидностью: презентативные дешифровальные стимулы + релятивные дешифровальные стимулы + модификационные дешифровальные стимулы;

6) по типу семантической коррелятивности аббревиатурная группа *дем* — это однозначная группа;

7) по объёму дешифровальных матриц это группа с составной дешифровальной матрицей.

Особенностью аббревиатурной группы *дем* является то, что в неё входит два сложносокращённых слова, текстовые эквиваленты которых нельзя отнести ни к одной представленной классификации: *демохристианин* — *христианский демократ* и *демофрения* — *демократия и шизофрения*.

В дальнейших работах планируется рассмотреть функциональные разновидности аббреконструкта *дем* (демократический).

ЛИТЕРАТУРА

1. Рязанова В. А. Дешифровальный стимул как фактор образования мутантной группы / В. А. Рязанова // Новые горизонты русистики: научный журнал. — Донецк, 2017. — С. 33–37.
2. Рязанова В. А. Типология аббревиатурных групп: принципы и реализация / В. А. Рязанова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2020. — №1. — С. 114–122.
3. Рязанова В. А. Соотношение количественных характеристик в аббревиатурных группах / В. А. Рязанова // Новые горизонты русистики. — 2022. — № 18. — С. 42–47.
4. Теркулов В. И. Материалы к словарю терминов Экспериментальной лаборатории исследований тенденций аббревиации / В. И. Теркулов // Восточнославянская филология. — 2016. — №3. — С. 13–25.
5. Толковый словарь сложносокращённых слов русского языка / В. И. Теркулов, А. И. Бровец, В. А. Рязанова, К. Ю. Емельянова и др.; под ред. В. И. Теркулова; Фонд «Русский мир», ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет». — Донецк, 2023.

Поступила в редакцию 12.03.2024 г.

К. Ю. Yemelyanova

ABBREVIATION GROUP DEM (DEMOCRATIC): GENERAL CHARACTERISTICS

The article is devoted to the description of the abbreviation group *dem* (*democratic*). The work is based on two principles — quantitative and structural-formal. The result of the quantitative analysis was the consideration of the abbreviation group *dem* from the perspective of quantitative characteristics. Structural-formal analysis made it possible to correlate the minimal semantic units in the equivalence nest and consider the structural changes of these units as a result of decoding.

Key words: *abbreviation group, quantitative principle, structural-formal principle.*

Емельянова Ксения Юрьевна.
Донецкий государственный университет,
г. Донецк, РФ.
Аспирант
E-mail: kemelanova966@gmail.com

Yemelyanova Ksenia Yurievna.
Donetsk State University, Donetsk, RF.
Postgraduate student.
E-mail: kemelanova966@gmail.com

УДК 81'373.611

Т. А. Кириченко © 2024

*Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Донецкий государственный университет»
(Научн. рук. — д-р филол. наук, проф. В. И. Теркулов)*

МЕТОДИКИ ОПИСАНИЯ СЛОЖНОСОКРАЩЕННЫХ ОНИМОВ

Целью исследования является характеристика модели описания сложносокращённых онимов. В ходе исследования было установлено, что зачастую ССО являются результатом искусственного конструирования, исходя из общего семантического значения официального полного наименования, а не из его структуры. Использование синхронного и диахронного подходов с разработанными методиками (ономасиологическая, количественная, семантическая интерпретационная и хронологическая) позволили нам описать структуру и деривационные процессы в аббревиатурном гнезде ССО, а также определить ономасиологическую природу сокращений-онимов.

Ключевые слова: *сложносокращённые онимы, аббревиатура, деривация, псевдоунивербализация.*

Актуальность темы определяется тем, что смысловая неоднозначность названий часто вызывает множество интерпретаций при декодировании их реципиентами. В связи с

этим появилась потребность систематизации многочисленных сложносокращённых онимов (далее — ССО), выявления общего и индивидуального в особенностях их структуры и принципах номинации.

Объектом нашего исследования являются ССО — слоговые (иногда — смешанные) аббревиатуры, которые характеризуются связанными мотивационными отношениями со словосочетаниями-эргонимами и используются для обозначения единичных объектов, включая в свой состав эквиваленты не менее двух компонентов этих словосочетаний, как минимум один из которых является аббревиационным конструктом (абброконструктом), например *Горснаб*, *Миннауки* и т. д.

Предметом исследования является модель описания ССО. **Цель** исследования — проанализировать и охарактеризовать модель описания ССО.

Задачи:

- 1) Дать определение понятию «сложносокращённые онимы»;
- 2) Описать отличия ССО от других типов аббревиатур;
- 3) Описать причины псевдоунивербализации ССО;
- 4) Описать модели псевдоунивербализации ССО;
- 5) Описать методики разграничения универбализации и псевдоунивербализации ССО.

Структурно ССО состоят, как и сложносокращённые апеллятивы (далее — ССА), из абброконструктов и представляют собой коррелятивные искусственные эквиваленты официальных наименований. При этом ССО зачастую конструируются, в результате чего происходит затемнение внутренней формы наименования, поскольку в них часто отражается не текстовая эквивалентность «слово — словосочетание», а «творческая фантазия номинатора», или генерализация, т. е. замещение многокомпонентного официального эквивалента сложносокращённым онимом путём обобщения в нём основных семантических центров для понимания и запоминания его реципиентами. Например, ССО *Росзарубежцентр* дешифруется как *Российский центр международного, научного и культурного сотрудничества при Министерстве иностранных дел Российской Федерации*, где наблюдается генерализация нескольких компонентов эргонима-словосочетания *международного, научного и культурного сотрудничества при Министерстве иностранных дел* в один — *-зарубеж-*. Таким образом, ССО являются результатом искусственного конструирования, что не позволяет поставить их в один ряд со ССА и инициальными аббревиатурами.

ССА как автономный ономаσιологический тип аббревиатур являются результатом «стихийной» замещённой универбализации. «Сложносокращённые апеллятивы создаются путём **стереотипного замещения** абброконструктом мотивационно связанного с ним слова в словосочетании» [5, с. 104]. Например, потенциально в любом словосочетании слово *мотоциклетный* может быть заменено абброконструктом *мото-*, а слово *автомобильный* — абброконструктом *авто-*. В таком случае аббревиация происходит автоматически как неосознанное стремление носителя языка к «преодолению асимметричного дуализма дескриптивного наименования» [там же]. ССО же зачастую образуются искусственным путем, исходя из общего семантического значения официального полного наименования, а не из его структуры. Данное положение позволяет говорить о разграничении подходов к исследованию структуры ССА и ССО.

ССО следует отграничить и от инициальных аббревиатур (далее — ИА), которые возникают в результате реализации моделей реального коррелятивного сокращения эквивалентных слов до первого звука или буквы. При этом ИА не имеют конкретной семантической закреплённости, т. е. они автоматически не связаны с какой-то конкретной семантикой. Например, *ПК* дешифруется и как *персональный компьютер*, и как *пожарный кран*, и как *показатель качества* и т. д. Таким образом, ИА создаются осознанно, но не «стихийно».

Итак, единицы, которые имеют разные основания выделения, закономерно по-разному и описываются, что мотивирует выделение ССО в автономную разновидность аббревиатур.

Для описания микросистемы ССО актуальным является разграничение двух подходов: диахронного и синхронного. При диахронном подходе устанавливаются отношения производности между ССО и его эквивалентами, а при синхронном — констатируется мотивационная связь ССО со всеми соответствующими ему эквивалентными словосочетаниями на актуальном срезе языка.

Процесс преобразования наименований различных деловых объединений происходит по причине того, что эргонимы находятся в эпицентре сферы влияния экономических и политических факторов и занимают важное место в развитии языковой картины мира, отражают ее «исторический фрагмент». Отметим, что отношения синхронной эквивалентности — это функционально-семантическое тождество и мотивационная соотносительность ССО с соответствующими словосочетаниями и входящими в них словами. Синхронные эквиваленты — это словосочетания, которые употребляются в эквивалентных текстах как абсолютные синонимы (дублеты) ССО и включают в свой состав компоненты, которые воспринимаются носителями языка как эквиваленты конструкторов ССО. Так, помимо употребления в текстах ССО наряду с упраздненными официальными эквивалентами, в ходе синхронного анализа ССО было замечено явление псевдоунивербализации, т. е. ситуации, когда на базе сложносокращенного слова разворачивается вторичное словосочетание.

Было установлено, что псевдоунивербализация ССО, реализующаяся по трем ономазиологическим моделям, зачастую называет объект (*Госсельсклад* — *государственный сельскохозяйственный склад*), процесс (*Росдорлизинг* — *Российский дорожный лизинг*) или группу людей (*Росгвардия* — *Российская гвардия*). В то время как ССО всегда подразумевает лишь семантику учреждения, регулирующего процесс работы завода, предприятия и т.п.

Не имеют подобной искаженной семантики лишь эквиваленты таких ССО, в составе которых есть компонент собственно учреждения. Например, препозитивный аббреконтрукт *мин-* правильно дешифруется носителями языка как *Министерство*, и только такие ССО претерпевают наименьшее искажение семантики. Эргониму *Министерство химического и нефтяного машиностроения* соответствует ССО *Минхиммаш* и дешифруется носителями языка как *Министерство химического машиностроения* (учреждение + отрасль + фактитив). Во вторичном эквиваленте утеряно название еще одной отрасли (*нефтяного*), поскольку его компонент (*нефте*) не отображен в ССО. Однако несмотря на неполное восстановление наименования ССО, семантика его все же сохраняется, поскольку в данном случае ССО и его вторичный эквивалент не называют какой-либо процесс или объект, а точно указывают на учреждение. Такие эквиваленты ССО мы называем интерэквивалентами, т. е. эквивалентами, которые по своей семантике находятся между ложными (псевдо-) эквивалентами и официальными эквивалентами.

Данное положение говорит нам о том, что в употреблении ССО носителями языка могут совершаться ошибки, вследствие называния иного денотата (ср. *Нацгосслужба* как *Национальное агентство по вопросам государственной службы* и как *национальная государственная служба*), что влечет за собой неправильное восприятие реципиентом ССО и дальнейшее его искаженное существование. О чем и писал Зеленин: перед нами процесс «развертывания аббревиатуры в новую языковую единицу с **модифицированным сигнификатом**» [1, с. 78]. Однако сама аббревиатура подталкивает нас к этому, именно в ней изначально не фиксируется денотат — учреждение, что порождает явление псевдоунивербализации.

Таким образом, появляется необходимость в выделении диахронного подхода, который помогает установить отношения производности между ССО и его эквивалентами.

Целью диахронного анализа является установление деривационных связей среди эквивалентов ССО, т. е. разграничение формирующих и «стереотипно сформулированных» эквивалентов.

Лабораторией были разработаны методики разграничения универбализации и псевдоунивербализации — хронологическая, квантитативная, ономаσιологическая, семантическая [64, с. 73-97], благодаря которым мы можем провести диахронный анализ и отграничить эквиваленты формирующие, т. е. официальные, от которых были образованы ССО, от «стереотипно сформулированных», т. е. вторичных эквивалентов, полученных вследствие псевдоунивербализации.

Основной принцип **хронологической методики** для анализа сложносокращенных онимов состоит в установлении первичности аббревиатуры и соответствующего эквивалентного словосочетания, т. е. времени первой фиксации. Помощь в данном поиске оказывают корпуса русского языка: Национальный корпус русского языка (<https://ruscorpora.ru/>) и Google Books Ngram Viewer (<https://books.google.com/ngrams/>). Данная методика помогает в отграничении эквивалентных первичных официальных эквивалентов от словосочетаний, полученных путем псевдоунивербализации. Например, эргоним *Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки* фиксируется в НКРЯ с 2001 г., ССО *Рособрнадзор* — с 2004 г. (что, на самом деле, подлежит сомнению, поскольку ССО *Рособрнадзор* начал функционировать в обществе сразу после возникновения *Федеральной службы*), а его вторичный эквивалент — *российский образовательный надзор* — не зафиксирован, что позволяет сделать предположение о его возникновении в результате псевдоунивербализации.

Большую помощь в этом окажут и словари сложносокращенных слов: «Sokr.ru» — электронный словарь сокращений русского языка; «Academic.ru» — а также интернет-сервис для поиска информации по базе словарей. Данные источники фиксируют время функционирования тех или иных полных официальных наименований учреждений, предприятий и т.п., фиксируют изменения, которые происходят в результате официальных переименований.

Ономаσιологическая методика помогает прийти к следующему заключению: если ономаσιологическая модель эквивалента полностью совпадает с ономаσιологической моделью ССО и при этом называет не учреждение, предприятие и т.п., а процесс, объект или группу людей — перед нами псевдоэквивалент; если ономаσιологическая модель полного эквивалента полностью совпадает с ономаσιологической моделью ССО и при этом называет предприятие, учреждение и т.п., то это следующий шаг к предположению, что данное словосочетание — один из официальных эквивалентов или интерэквивалент (т. е. эквивалентами, которые по своей семантике находятся между ложными (псевдо-) эквивалентами и официальными эквивалентами).

Квантитативная методика основывается на определении баланса индексов частотности употребления аббревиатуры и словосочетания и представляет собой «частное от деления количества употреблений слова на количество употреблений словосочетания (баланс < 1 свидетельствует в пользу большей частотности словосочетания, а > 1 — слова)» [3, с. 81]. Установление баланса индексов осуществляется при помощи поисковых машин Google, Яндекс и корпусов русского языка.

Подсчеты баланса индексов ССО и словосочетаний-эргонимов показали, что ССО употребляется чаще словосочетаний. Например, баланс индексов в паре *Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации* (214 000 упоминаний) — *Минприроды* (2 210 000 упоминаний) составляет 10,3 (баланс индекса упоминаний — частное от деления числа упоминаний в поисковой системе (корпусе) слова (делимое) на число упоминаний словосочетания (делитель), в нашем случае: (ССО) 2 210 000 / (словосочетание-эргоним) 214 000 = 10,3). Разумеется, данный факт говорит не о

первичности аббревиатуры, поскольку каждое деловое учреждение перед тем, как начать функционировать в обществе, получает полное наименование, а затем — сокращенное как эквивалент полному. Важно отметить и тот факт, что существует большое количество и таких ССО, которые употребляются реже словосочетания.

Данные подсчеты свидетельствуют о том, что баланс индексов зависит от мотивационного типа ССО. Чем больше ССО претерпевает конструктивных изменений, тем выше его баланс индексов, т. е. ССО употребляется чаще словосочетания (ССО > словосочетание), и наоборот, чем меньше в ССО происходит конструктивных изменений, т. е. чем ближе он к универбализационному типу образования аббревиатуры, тем чаще употребляется словосочетание (ССО < словосочетание). По этой причине ССО универбализационного типа пользуются меньшим спросом в обществе, нежели ССО конструктивного типа, от чего и зависит их частотность употребления.

Факт употребления аббревиатуры чаще словосочетания говорит о постепенном вытеснении полного наименования сокращенным. Об этом пишет и В. И. Теркулов: «Для пар “словосочетание — произведенное от него ССС” характерно сокращение числа употреблений словосочетания после возникновения аббревиатуры, приводящее к формальному упрощению текстов, в которых данные единицы употребляются. Для этого — для сжатия текста («экономии усилий») — аббревиатуры и создаются» [4, с. 31]. Также современные российские лингвисты [Ильясова, 2002; Мирошниченко, 1980; Николина, 2003; Санников, 2002, Криворот, 2012 и мн.др.] пишут, что сегодня сложносокращенные слова зарекомендовали себя как вполне «полноценные слова», признают его знаком особого рода, «детерминированным полным наименованием», поскольку изначально сложносокращенное слово выступает в качестве эквивалента уже существующего словосочетания или наименования, «и только в дальнейшем приобретает характеристики самостоятельного слова и часто переходит в разряд обычных, независимых от контекста лексических единиц» [2, с. 45]. Именно по этим причинам полные наименования не могут вытеснять сокращенные — аббревиатуры становятся не просто сокращением полных наименований, а вполне автономной единицей номинации; обратное противоречило бы закону экономии языковых средств.

Последняя методика — семантическая интерпретационная. Для того чтобы отграничить универбализацию от псевдоунивербализации, нам необходимо установить значение эквивалентных словосочетаний. Дело в том, что деловые учреждения функционируют в обществе только после того, как получают свое собственное наименование, в определении которого обязательно называются функции данного учреждения, в то время как словосочетания, полученные под действием псевдоунивербализации, не имеют конкретного значения, зачастую это размытая авторская семантика, которая подлежит сомнению. Например, поисковая машина Яндекс дает следующее тождественное определение ССО и его эквивалентному словосочетанию: «*Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки (Рособрнадзор) — федеральный орган исполнительной власти Российской Федерации, подчинённый Правительству РФ, осуществляющий функции по нормативно-правовому регулированию в сфере государственной регламентации образовательной деятельности, функции по контролю и надзору в сфере образования и науки, функции по признанию образования и (или) квалификации, полученных в иностранном государстве, по предоставлению государственных услуг в рамках полномочий*» (https://ru.wikipedia.org/wiki/Федеральная_служба_по_надзору_в_сфере_образования_и_науки), в то время как определение словосочетанию *Российский образовательный надзор* не зафиксировано, что позволяет окончательно заключить, что данный эквивалент является вторичным, полученным путем псевдоунивербализации. Таким образом, четвертый шаг в определении первичности или вторичности эквивалентных словосочетаний состоит в установлении их семантики: если семантика словосочетания тождественна семантике ССО, если эти дефиниции могут свободно взаимозаменять друг друга в определении, то данное словосочетание является первичным, оно было получено в результате универбализации; если

значения словосочетания и ССО не соответствуют друг другу, между ними размываются границы, то это позволяет окончательно отнести словосочетание к явлению псевдоунивербализации.

Таким образом, нами была описана теоретическая база как основание для выделения ССО в автономную разновидность аббревиатур. Было установлено, что зачастую ССО являются результатом искусственного конструирования, исходя из общего семантического значения официального полного наименования, а не из его структуры. Использование синхронного и диахронного подходов с разработанными методиками (ономасиологическая, квантитативная, семантическая интерпретационная и хронологическая) позволили нам описать структуру и деривационные процессы в аббревиатурном гнезде ССО, а также определить ономасиологическую природу сокращений-онимов. Следовательно, их нельзя поставить в один ряд со сложносокращенными апеллятивами и инициальными аббревиатурами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зеленин А. В. Дезаббревиация в русском языке / А. В. Зеленин // Вопросы языкознания. — 2005. — № 1. — с. 78–97.
2. Криворот В.В. Особенности аббревиации в русском, английском и французском языках / В.В. Криворот // Язык, речь, общение в контексте диалога языков и культур: Сборник научных трудов. — Минск : Изд. центр БГУ, 2012. — с. 42–50.
3. Теркулов В. И. Гнездо эквивалентности аббревиатуры в синхронном освещении / В. И. Теркулов // Русский язык в поликультурном мире: I Международный симпозиум. — Том 2. — Симферополь, 2017. ...– с. 140–147.
4. Теркулов В. И. О разновидностях аббреконтруктов: аббреквивалент и аббреморфема / В. И. Теркулов // Континуальность и дискретность в языке и речи: материалы V Международной научной конференции, Краснодар, 14–16 октября 2015 года. — Краснодар: Кубанский государственный университет, 2015. — с. 30–33.
5. Теркулов В. И. Сложносокращенные слова: синхронный и диахронный аспекты описания / В. И. Теркулов // Вестник Московского университета. Серия 9, Филология. — 2017. — № 6. — с. 73–97.

Поступила в редакцию 28.03.2024 г.

T.A. Kirichenko

METHODS OF DESCRIBING COMPOUND ABBREVIATED ONYMS

The aim of the study is to characterize the model of describing compound abbreviated onyms. In the course of the study it was found that often CCOs are the result of artificial construction, based on the general semantic meaning of the official full name, rather than on its structure. The use of synchronic and diachronic approaches with the developed methods (onomasiological, quantitative, semantic interpretation and chronological) allowed us to describe the structure and derivational processes in the abbreviation nest of SSOs, as well as to determine the onomasiological nature of abbreviated onyms.

Key words: *compound abbreviated onyms, abbreviation, derivation, pseudo-universalization.*

Кириченко Татьяна Андреевна.

Донецкий государственный университет,
г. Донецк, РФ.

Магистрант.

E-mail: t_a_kirichenko@mail.ru

Kirichenko Tatyana Andreevna.

Donetsk State University, Donetsk, RF.
Undegraduat.

E-mail: t_a_kirichenko@mail.ru

Теркулов Вячеслав Исаевич.

Доктор филологических наук, профессор
Донецкий государственный университет,
г. Донецк, РФ.

Заведующий кафедрой русского языка.

E-mail: terkulov@rambler.ru

Terkulov Vyacheslav Isaevich.

Doctor of Philological Sciences, professor
Donetsk State University, Donetsk, RF.

Head of the Department of Russian Language.

E-mail: terkulov@rambler.ru

Методика преподавания русского языка

УДК 372.881.161.1

К. В. Емельянова © 2024

*Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Брянский государственный университет
имени академика Ивана Георгиевича Петровского»
(Науч. рук. — канд. филол. наук О. В. Белугина)*

СПЕЦИФИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНТЕРАКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматривается инновационный подход педагогической практики преподавания, основанный на применении технологии интерактивного обучения. Предоставляются краткие исторические сведения о появлении и развитии интерактивных технологий в педагогической сфере, а также рассматриваются варианты методов и форм интерактивного обучения применительно к урокам русского языка.

Ключевые слова: *интерактивное обучение, технология интерактивного обучения, методы интерактивного обучения, кейс-метод.*

Современное образование представляет собой сложный многогранный процесс, направленный на всестороннее развитие, обучение, воспитание личности, подготавливающий к жизни и работе в социуме, способствующий формированию навыков критического и логического мышления, а также раскрытию творческих способностей человека.

Образование глобальной своей целью ставит передачу человеку опыта знаний и достижений предшествующих поколений. Школьное образование играет не последнюю роль в достижении этой цели. Именно в школе дети всесторонне познают мир, учатся быть социально-активными и приобретают важнейший навык саморазвития.

Федеральные государственные образовательные стандарты четко определяют цели и задачи школьного образования. ФГОС устанавливает, что целью образования является формирование личности ребенка, а не сугубо достижение предметных и метапредметных результатов обучения по каждому предмету. Навыки, приобретенные за время обучения в школе, должны пригодиться ребенку в дальнейшей самостоятельной жизни. Среди таких навыков выделяются:

- 1) коммуникативные навыки;
- 2) способность к самообразованию и саморазвитию;
- 3) навыки работы с новой информацией.

Подобное всестороннее развитие невозможно без применения определенных методов, средств, форм обучения. В качестве основной формы обучения выступает урок, в процессе которого учащиеся «получают практические навыки исследовательской работы с материалом, с научной литературой, навыки анализа отобранного материала, развивают свои творческие способности и коммуникативные умения» [3, с.47]. Важно, чтобы методы, применяемые учителем в ходе урока, мотивировали учащихся получать наибольший объем новых знаний и впоследствии применять их на практике. В настоящее время наиболее продуктивным в этом плане является интерактивное образование, то есть специальная форма организации урока, основанная на совместной деятельности учителя и учащихся. Такой урок предполагает, что ученики будут осваивать новый учебный материал в ходе диалогового общения со всеми участниками учебного процесса. Урок, построенный в соответствии с

концепцией интерактивного обучения, наиболее полно соответствует современным стандартам образования.

Обратимся к истории становления технологии интерактивного образования.

Термин «интерактивное обучение» появился в педагогике в 1990-е годы и является заимствованием из социологии. Считается, что само слово «интерактивный» вышло из понятия активного обучения, предложенного еще в 1930-е годы Реганом Ревансом, считающимся основоположником обучения через действие. Вплоть до 90-х годов 20 века в педагогической науке употреблялись лишь термины «активное обучение», «активные методы обучения», «технология активного обучения».

Важную роль в становлении интерактивных технологий сыграл процесс развития компьютерных технологий. Интерактивное обучение возникло из теории программированного обучения (1960-1970-е годы), в ходе которого люди взаимодействовали с компьютером. Также идеи интерактивного обучения развивались и под влиянием теории дистанционного обучения, популярной в середине двадцатого века.

В 70-е годы компьютеры стали действовать в роли «электронного учителя». Эволюция компьютерных технологий позволила хранить и представлять большой объем разного рода информации, которую можно было применять в образовательных целях.

Только в 1980-е годы начинается освоение активных методов обучения, наиболее приближенных к современным. Но официально подобные методы еще называются «активными». В это время в учебный процесс «проникают» игровые методы. Игры активно используются при изучении гуманитарных и естественных дисциплин. Построение урока с подобными формами вызывало у учащихся эмоциональный отклик, активизировало познавательный интерес. Роль учителя во время игры заключалась в изложении правил, включении каждого учащегося в игровой процесс и организации подведения выводов и результатов деятельности. Таким образом, урок основывался на взаимной связи учителя и учащихся.

Понятие «интерактивный» становится общеупотребительным в начале 90-х годов, когда создается всемирная сеть Интернет.

На примере сравнения традиционного и интерактивного урока рассмотрим преимущества последнего.

В традиционном уроке учитель играет ключевую роль в передаче информации обучающимся. Такой урок чаще всего построен в лекционной форме, учитель преподносит готовый обработанный материал, опрашивает и проверяет внимание учеников. Ученики в таком случае являются пассивными слушателями, «приемниками» информации. Среди форм обучения на таком уроке будут доминировать лекция, чтение, демонстрация, конспектирование.

Интерактивный урок предполагает, что в процессе обучения задействованы и учитель, и ученики. Таким образом, последние принимают активное участие в ходе урока. Учащиеся способны самостоятельно конструировать свои знания, заниматься поиском и анализом информации. Учитель также играет важнейшую роль в процессе обучения, но выступает лишь в роли наставника, помогающего открыть новые знания школьнику самостоятельно. Среди форм здесь выделяются групповая работа, дискуссия, дебаты, проектные работы.

Именно интерактивная форма урока способствует наиболее эффективному усвоению знаний и наиболее полно развивает коммуникативные компетенции учащихся.

Таким образом, интерактивное обучение — это диалоговое обучение, построенное на взаимодействии учителя и учащихся, и учащихся между собой. Целью такого обучения является приобретение знаний в процессе совместного анализа учебной ситуации. В процессе подобной деятельности знания добываются самими учащимися и затем могут быть применены на практике. Важно и то, что в процесс

урока будут вовлечены все школьники, превалирование одного участника познавательной деятельности недопустимо.

Сущность интерактивной технологии основана на открытом взаимодействии учащихся с учебной средой. Преимущество данной технологии заключается в том, что ученик познает новое в ходе группового взаимодействия, а не принимает знания в готовом виде от учителя. В сравнении с уроком, построенном в традиционной форме, роли преподавателя и ученика кардинально меняются. Учитель перестает транслировать заготовленный перечень знаний, а ученик — уже не статичный объект. Урок построен на действиях, в ходе которых ребенок учится мыслить аналитически. Примечательно то, что значим не только результат размышлений над проблемным вопросом, но и ход этих размышлений.

К основным задачам технологии интерактивного обучения Н. П. Аникеева отнесла:

- 1) развитие коммуникативных навыков учащихся и установление эмоциональных контактов между всеми участниками образовательного процесса;
- 2) обеспечение учащихся необходимой информацией, нужной для реализации их совместной деятельности;
- 3) совершенствование общих учебных умений и навыков (анализа, синтеза, постановки целей);
- 4) обеспечение воспитательной задачи (через работу в команде, которая должна способствовать развитию у учащегося умения прислушиваться к чужому мнению) [1, с. 44].

Исследователи современных способов активизации обучения Т. С. Панина, Л. Н. Вавилова отмечали, что интерактивное обучение предполагает отличную от привычной логику образовательного процесса: не от теории к практике, а от формирования нового опыта к его теоретическому осмыслению через применение. Опыт и знания участников образовательного процесса служат источником их взаимообучения и взаимообогащения. Делясь своими знаниями и опытом деятельности, учащиеся берут на себя часть обучающих функций педагога, что повышает их мотивацию и способствует большей продуктивности обучения [4, с. 12].

Ценность интерактивной технологии заключается в том, что она приобщает ребенка к коллективной работе, способствует развитию коммуникативных компетенций и готовит к общению во внешкольной среде.

Интерактивные методы обучения представлены на рисунке 1.

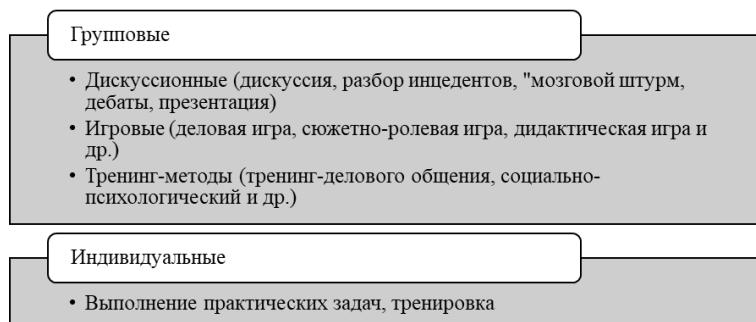

Рисунок 1. — Интерактивные методы обучения

Применительно к урокам русского языка существует множество форм интерактивного обучения. Рассмотрим некоторые из них.

«Мозговой штурм» — способ обучения, предполагающий стимулирование творческой активности учащихся, которая будет направлена на решение проблемного вопроса путем поиска различных вариантов его решения. В процессе «мозгового штурма»

учащиеся свободно делятся своими мыслями и могут найти лучшее решение заданной проблемы.

Парная работа. Такая форма взаимодействия предполагает обсуждение вопроса или проблемной ситуации в паре, также она может быть связана с анализом работы напарника или же предполагать совместную разработку заданий или вопросов классу по заданной учителем теме.

Дебаты. Полезный инструмент интерактивного обучения, предполагающий выражение своей точки зрения и доказательство ее истинности. Дебаты способствует развитию навыков аргументации личного мнения, логического мышления. Такой прием не только позволит ученику критически осмыслить идеи своего оппонента, но и обучит умению слушать и уважать точку зрения окружающих людей.

Эвристическая беседа. Данная форма должна быть грамотно включена в процесс урока, так как педагог путем продуманно сформулированных наводящих вопросов должен помочь учащимся самостоятельно открыть новое знание, при условии наличия определенного пласта уже усвоенных сведений. Подходит для применения в актуализационной части урока.

«Займи позицию». Учитель озвучивает какой-либо тезис или же утверждение, и предлагает учащимся ответить на него «да» или «нет» (слова «да/нет» можно вынести на карточки и раздать их обучающимся). После краткого ответа на предложенный тезис приветствуется развернутое пояснение своей позиции.

Творческие задания. Являются базой интерактивной технологии. Такие задания предполагают активную исследовательскую деятельность и способствуют развитию креативного мышления, позволяют проявить индивидуальный подход в процессе достижения цели исследования (разработка проекта, презентация, видеоролик, анализ произведения).

Деловая игра. На уроках русского языка в рамках деловой игры появляется возможность выполнения несколько однотипных заданий на скорость и правильность. Все учащиеся будут затянuty в процесс решения цепочки заданий и смогут отработать навык применения теоретических знаний на практике.

Отдельно следует отметить кейс-метод, предполагающий выдвижение определенной учебных проблем или ситуаций, требующих разъяснения. В ходе анализа выдвинутого проблемного вопроса или ситуации знания будут приобретаться учениками самостоятельно. Это самостоятельное «добывание» знаний связано с обработкой учебного материала, его систематизацией, отбором основных тезисов, анализе проделанной работы и рефлексии учащихся.

Образовательная технология, основанная на применении кейс-метода, подходит для организации как индивидуальной, так и групповой видах работ. Кейс-технологии способствуют развитию социальной активности, коммуникабельности, умения аргументировать свою точку зрения и слышать постороннее мнение. Важным преимуществом кейс-метода является формирование метапредметных компетенций учащихся. Это означает, что они развивают универсальные навыки, которые впоследствии могут быть применимы в разных предметных областях (навыки аналитического мышления, сбора информации, подведения итогов).

Учителю при такой форме организации урока отводится роль организатора-фасилитатора, налаживающего согласованное взаимодействие школьников. В ходе работы он может организовывать сотрудничество учеников в подгруппах. Для учителя важно поддерживать положительную атмосферу в группе, умело стимулировать школьников на совместное открытие нового знания.

Чтобы построить урок на основе кейс-метода педагогу необходимо разработать план урока и составить кейс, отобрать материал, необходимый для усвоения учебной темы. В

ходе занятия необходимо направлять учащихся и руководить работой в группах, корректно организовывать обсуждение кейса. В задачи учащихся входит самостоятельное изучение полученной литературы, предварительное обсуждение кейса, работа с дополнительным материалом и выполнение практических заданий. Главенствующую роль будет занимать представление своего варианта решения задания и выслушивание альтернативных вариантов.

Цели кейс-метода представлены на рисунке 2.

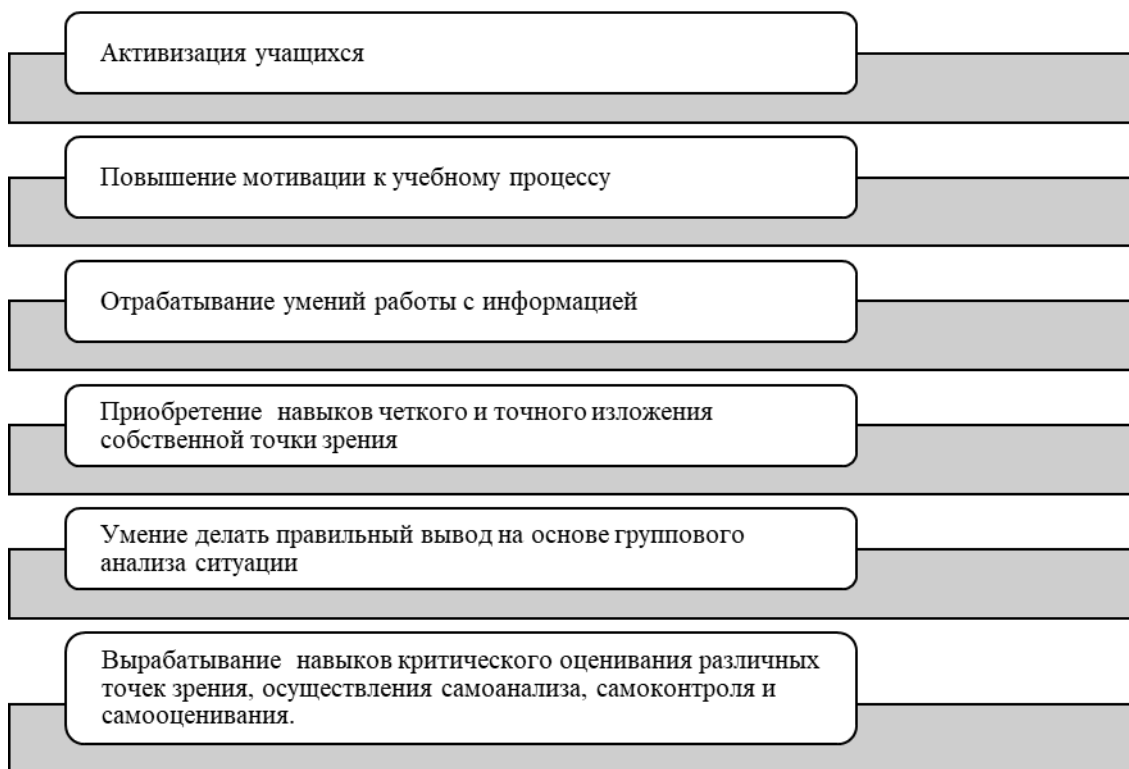

Рисунок 2. — Цели кейс-метода

Обратимся к примерам конкретных учебных ситуаций, построенных с применением технологии кейс-метода. На уроке русского языка, посвященного изучению официально-делового стиля речи (не урок открытия новых знаний), учитель может разделить учащихся на 3 группы. Далее, для каждой группы раздать кейсы с заданием — составить определенный вид официально-делового документа (например: 1 группа составляет заявление, 2 группа — объяснительную, 3 группа — справку). Рекомендации к составлению выбранных документов следует также предоставить к кейсу. Школьники должны изучить данные рекомендации, определить характерные черты официально-деловых документов и в результате составить схему предложенного им вида документа.

Организовать проблемную ситуацию можно и на уроке по развитию речи. К примеру, предложить ученикам кейс, предполагающий редактирование текста (сочинения, эссе) с целью повышения его уникальности. Для подобного кейса следует предоставить материалы, инструктирующие каким образом можно произвести рерайт текста на лексическом и синтаксическом уровнях.

Следует отметить особенно интересные интерактивные приемы и методы обучения, которые можно использовать на уроках русского языка:

1. Синквейн — нерифмованное стихотворение из 5 строк, построенное по особым правилам и позволяющее резюмировать изученный материал.

2. Кластер — дает возможность представить информацию в виде схемы, отражающей систематизированный обобщенный материал новой темы.
3. Инсерт — прием, способствующий активному развитию критического мышления и предполагающий вдумчивую работу с текстом. Особенность приема заключается в использовании специальных маркировок, с помощью которых ребенок сможет отметить известную, новую и непонятную учебную информацию.
4. Глоссарий, то есть составления словаря опорных слов и понятий урока.
5. Аквариум — форма работы, при которой участники учебного процесса делятся на критиков, экспертов, аналитиков и наблюдателей. Последние наблюдают за обсуждением вопроса и анализируют чужое мнение, а после могут высказать свою точку зрения.

Такими образом, мы пришли к выводу, что интерактивное обучение в школе направлено на повышение эффективности образовательного процесса, формирование коммуникативных компетенций и навыков коллективной работы, развитие критического мышления и «познавательных способностей у учеников, достигающееся за счет их включения в исследовательскую деятельность, соответствующую по своей структуре научной деятельности» [2, с. 36].

ЛИТЕРАТУРА

1. Аникеева Н. П. Воспитание игрой / Н. П. Аникеева - М.: Просвещение, 2009. — С. 44.
2. Белугина О. В. Использование исторического комментирования в процессе формирования орфографической грамотности учащихся / О. В. Белугина, С. Н. Стародубец // Лингворегионоведение в восточнославянском пограничье: российско-белорусский локус : сборник научных статей. — Брянск : Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, 2023. — С. 35–42.
3. Белугина О. В. Специфика организации курса по выбору (на основе краеведческого материала) / О. В. Белугина // Тенденции развития науки и образования. — 2022. — № 84-4. — С. 46–50.
4. Панина Т. С. Современные способы активизации обучения / Т. С. Панина, Л. Н. Вавилова. — М. Академия, 2006 — С. 8; С.12.

Поступила в редакцию 24.03.2024 г.

K. V. Yemelyanova

THE SPECIFICS OF USING INTERACTIVE TECHNOLOGIES IN RUSSIAN LANGUAGE LESSONS

The article considers an innovative approach of pedagogical teaching practice based on the use of interactive learning technology. Brief historical information is provided on the emergence and development of interactive technologies in the pedagogical field, and options for methods and forms of interactive learning in relation to Russian language lessons are also considered.

Keywords: *interactive learning, interactive learning technology, interactive learning methods, case method.*

Емельянова Ксения Владимировна.

Филиал БГУ имени академика И.Г. Петровского в г. Новозыбкове, РФ.
Студент.
E-mail: bebrik009@yandex.ru

Ksenia Vladimirovna Yemelyanova.

Branch of the BSU named after Academician I.G. Petrovsky in Novozybkov, RF.
Student.
E-mail: bebrik009@yandex.ru

Белугина Ольга Владимировна.

Кандидат филологических наук, доцент.
Филиал БГУ имени академика И.Г. Петровского в г. Новозыбкове, РФ.
Доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин.
E-mail: OBelugina@mail.ru

Belugina Olga Vladimirovna.

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor.
Branch of the BSU named after Academician I.G. Petrovsky in Novozybkov, RF.
Associate Professor of the Department of Socio-Economic and Humanitarian Disciplines.
E-mail: OBelugina@mail.ru

УДК 372.881.161.1

Е. В. Селиванова © 2024

*Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Брянский государственный университет
имени академика И. Г. Петровского»
(Научн. рук. — д-р филол. наук С. Н. Стародубец)*

СПЕЦИФИКА ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ РАБОТЫ ШКОЛЬНИКОВ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА: АНАЛИЗ ДЕЙСТВУЮЩИХ УЧЕБНИКОВ

В статье проводится сравнительный анализ словариков в школьных учебниках по русскому языку за 6 класс. Исследование демонстрирует основные достоинства рассмотренных пособий. Анализ показал, как соотносится учебный материал с различными видами словариков: орфографических, орфоэпических и толковых.

Ключевые слова: школьный учебник по русскому языку, лексикографическая работа, лексикографическая компетенция.

Русский язык является одним из ведущих предметов в школьной программе, так как именно он формирует у детей навыки грамотного и культурного общения. Все пособия по русскому языку снабжены словарями, однако их структура и наполняемость варьируются.

В современных условиях развития обучения стоит задача усвоения и совершенствования подрастающим поколением всех звеньев механизма обучения, а также повышение профессиональных качеств педагога. Учитель должен понимать, что правильная языковая подготовка будет служить основой дальнейшего обучения. Ведь именно грамотная речь является важным навыком не только в рамках одного предмета, но и во всестороннем развитии ребенка [8].

Освоение культурных ценностей, включая родной язык, осуществляется в школьном возрасте. Одним из способов усвоения нового, обогащения словарного запаса, наряду с другими показателями, такими как интеллектуальные, духовные или нравственные, можно назвать введение в языковую культуру. Такая возможность служит условием для саморазвития ребенка, его способности к общению [9].

Среди приемов усвоения устной и письменной речи является работа со словарем. Поэтому нами был произведен анализ словарей нескольких учебных пособий, чтобы выявить их слабые и сильные стороны.

Данный обзор, на наш взгляд, будет полезен для педагогов и студентов, готовящихся к работе учителя русского языка и литературы.

Нами был рассмотрен объем словарика, принцип расположения слов, структура словарной статьи, определение слова, иллюстративная часть. В конце было произведено сравнение по трем учебным пособиям.

Анализ словаря в учебнике русскому языку под ред. Т. А. Ладыженской [6].

Для нашего исследования мы взяли учебное пособие для 6 класса из комплекса учебников по русскому языку под ред. Т. А. Ладыженской. Согласно данному учебнику дети изучают такие разделы, связанные с лексикографией, как «Лексика. Культура речи», «Словообразование. Орфография», «Морфология».

В пособии под редакцией Т. А. Ладыженской в приложении собраны три словаря, отражающие слова, встречающиеся на страницах книги: орфографический, орфоэпический и толковый. Орфографическому и орфоэпическому словарям автор дает другие названия с целью передать их назначение. Например: орфографический словарь в учебнике назван «Пиши правильно!».

На первой странице книги отмечено, что в конце имеется толковый словарь для слов со звёздочкой над ними. Полагаем, что было бы эффективнее указывать значение сразу, например, в подстрочной сноске.

Анализ раздела «Пиши правильно!».

Общий объем словаря насчитывает 144 слова, расположенных в алфавитном порядке. На страницах книги слова выделяются, чтобы привлечь внимание учащихся.

Важно отметить то, что автор обязательно сопоставляет слова из орфографического раздела с теоретическим материалом. Например, на стр. 27 приведено слово «коллекция», которое есть в упражнении 46. Или слово «багряный», вынесенное на этой же странице, тоже соотносится с материалом упражнения 45.

Если же ученик столкнулся со словом, которое не вынесено на страницу, он может обратиться к приложению, где находится орфографический словарь, а при необходимости и к другому орфографическому словарю, содержащий более широкий спектр слов.

Например:

В

великолепный

вестибюль

Анализ «Произноси правильно!».

Общий объем словарика составляют 60 слов, расположенных в алфавитном порядке. На страницах учебника слова выделены в рамку, что привлекает внимание учащихся.

Оформление данного словаря соответствует общепринятым требованиям. В самом приложении все слова отделены пробелом, поэтому у обучающихся не вызовет затруднений найти нужный им вариант. Например:

жалюзи'

кафе' [фэ]

Анализ толкового словаря.

Общий объем словарика 158 слов. Слова расположены в алфавитном порядке в конце учебника. На страницах пособия есть ссылки на словарь.

Словарная статья словарика состоит из: заголовочного слова, его грамматической характеристики и иллюстративной части. В некоторых статьях (в конце определения) представлена этимологическая справка.

Лексический материал разноплановый. Отдельное внимание уделяется анализу многозначных слов. Например:

1. **Календарь**, -я, м. 1. Справочная таблица с последовательным перечислением всех дней года. 2. Книга, в которой перечислены все дни года с указанием других сведений. Отрывной календарь. Календарь природы. 3. Способ счисления дней в году. Григорианский календарь нового стиля. 4. Распределение по дням, месяцам каких-либо видов деятельности. Календарь соревнований (Из латинского.) [6, с. 174].

2. **Грамота**, -ы, ж. 1. Умение читать и писать. Обучиться грамоте. 2. Официальный документ, удостоверяющий что-либо. Похвальная грамота. 3. Устар. Письмо. Новгородцы в древности писали грамоты на берёсте [6, с. 173].

Не все слова, зафиксированные в толковом словаре, коррелируют с заданиями учебного пособия. Так, например, линейка, осанка, ручка и др.

Немаловажной является и лексикографическая фиксация омонимичных языковых единиц. Например:

1. **Бумажник**¹, -а, м. Карманный портфельчик для бумажных денег. Вынуть деньги из бумажника. **Бумажник**², -а, м. Работник бумажной промышленности; [6, с. 172]

2. **Люлька**¹, -и, род. мн. -лек, дат. -лькам, ж. 1. Колыбель. 2. Помост, обычно с бортами, для подъёма на высоту рабочих, материалов для работы на высоте. **Люлька**², -и, род. мн. -лек, дат. -лькам, ж. Обл. Трубка для курения [6, с. 177].

Частеречная характеристика лексических единиц словаря разнопланова: представлены существительные, глаголы, прилагательные.

Например:

1. Мягкий, -ая, -ое; -ок, -гкá, -гко. 1. Легко поддающийся давлению, эластичный. Мягкий хлеб. 2. Приятный, не раздражающий. Мягкий голос. 3. Плавный. Мягкие движения. 4. Перен. Не грубый. Мягкий характер. 5. Спец. Произносимый с дополнительным подъёмом спинки языка. Мягкий согласный [6, с. 178].

2. Полудновать, -ую, -уешь, несов., непер. Обл. Принимать пищу между обедом и ужином [6, с. 179].

На 55 странице учебника автор пособия предлагает учащимся подобрать антонимы к словам. Здесь же стоит знак «*» рядом со словом «мягкий», обозначение отсылает нас к толковому словарю.

Важно отметить, что в конце учебника также представлены определения устаревших или малоупотребительных слов, а также слов специального назначения. Например:

1. Светёц, -тца́, м. Устар. Подставка для лучины (для освещения крестьянской избы). В углу стоял светец [6, с. 181].

2. Треуголка, -и, ж. Устар. Форменная шляпа треугольного фасона [6, с. 182].

3. Урядник, -а, м. Устар. Нижний чин полиции в царской России [6, с. 182].

4. Омшаник, -а, м. Спец, и обл. Сарай для зимовки пчел [6, с. 178].

5. Табло́, нескл., ср. Спец. Сигнальный щит, на котором автоматически показываются какие-либо результаты. Табло показало счет футбольного матча (Из французского.) [6, с. 182].

Слова данной группы (за исключением профессионализмов) рассматриваются авторами учебника в теме «Общепотребительные слова». Сначала ученикам предлагают ознакомиться с понятиями: общепотребительные и необщепотребительные слова. Далее необходимо выполнить ряд упражнений, где следует найти слова той или иной группы [6, с. 58].

Лексика, отмеченная как специальная, рассматривается в отдельной теме «Профессионализмы». Здесь же приводятся и другие возможные варианты помет: *техн.*, *морск.* и др. [6, с. 60].

Проанализировав словари, представленные в приложении учебного пособия по русскому языку Т. А. Ладыженской, важно отметить, что учебник предлагает широкий спектр словарных статей. Автор, составляя словарь в пособии, использовал актуальные и употребительные выражения.

Структура представленных словарных статей имеет четкую логическую последовательность. Все слова расположены в алфавитном порядке, далее следует определение и примеры использования языковых единиц. Такой порядок позволяет получить полное представление о значении слова, сфере его употребления.

Лексический материал наполнен современными иллюстрациями, что способствует пополнению словарного запаса учащихся.

Выделение словариков в приложение позволяет основную часть учебника считать сконцентрированной на развитии навыков грамотной письменной и устной речи обучающихся, углублённом понимании базового материала.

Важно отметить, что слова, вынесенные авторами в рамки, всегда связаны с материалом упражнений, которые находятся на одной странице.

Словарики становятся отличным средством для быстрого повторения и закрепления изученного. Учащиеся могут использовать их для подготовки к экзаменам или в качестве быстрого справочника при выполнении домашних заданий.

Таким образом, считаем возможным установить, что словари, представленные в учебнике, удовлетворяют требованиям государственного образовательного стандарта.

Словарные статьи в пособии выдержаны согласно лексикографическим требованиям, имеют адаптированный к школьному восприятию иллюстрационный материал.

Тем не менее отметим, что представленный лексический материал не раскрывает всех возможностей работы учащихся с тем или иным словом. Для углубленного изучения истории происхождения слов, семантико-стилистических особенностей языковых единиц следует обращаться к специализированным словарям (грамматико-стилистическим, словообразовательным, словарям синонимов, омонимов, антонимов и др.).

Анализ словаря учебника Л. М. Рыбченковой [7].

В учебнике по русскому языку за 6 класс под редакцией Л. М. Рыбченковой нет приложения, где были бы отдельно вынесены словари. Однако они присутствуют на страницах пособия и «путешествуют» с учащимися.

В самом начале нам предлагают путеводитель по учебнику, где отражены условные обозначения. Для нас важны такие условные обозначения как: орфографический практикум и толковый словарь.

Все условные обозначения выделяются отдельным цветом, чтобы учащиеся не запутались.

Раздел «Из истории языка» содержит устаревшие слова, фиксирует их правильное написание и произношение, изредка дает определение слов.

Отдельное внимание стоит уделить рубрике «Это интересно», где отражены не только важные факты, но и некоторые понятия, не вынесенные в толковый словарь. Сам автор учебника отмечает, что рубрика углубляет теоретический материал добавочными сведениями о языке и культуре. Например, эта рубрика дополняет работу при изучении заимствованных слов, поможет детям при выполнении упражнений, где нужно заменить описательные выражения иноязычными заимствованными словами.

Такие упражнения обогащают словарный запас ученика. Позволяют им самостоятельно подобрать короткое определение словарному слову.

Общий объем слов, зафиксированных на страницах пособия по русскому языку за 6 класс, составляет 77. Из них к орфографическому словарю относятся 27 слов, к орфоэпическому 3 слова и к толковому словарю 47 слов.

Слова, вынесенные как орфографические, имеют синюю рамку, «места», где могут возникнуть затруднения у детей, выделены жирным шрифтом.

Примечательно то, что слова в рамках напрямую связаны с содержанием всего параграфа или отдельного упражнения, напротив которого представлены [7, с. 5]. Например: *общение, благодать, корабль* и др. Скажем, слово «общение» находится рядом с упражнением 3, в котором еще в задание вынесено словарное слово. В самом же тексте, который нужно прочитать вслух, понятие не раз встречается.

Слова, вынесенные на поля и имеющие лексическую дефиницию, отличны по цвету. Словарная статья состоит из: заголовочного слова, его грамматической характеристики, этимологической справки и иллюстративной части. Например:

1. **Пельмѐни**, -ей, ед. -нь, -я, м. *Заимств. из угро-финск. яз., где оно является сложением слов пель — ухо и нянь — хлеб. Пельмени буквально — ушки из муки* [7, с. 37].

2. **Утварь**, -и, ж. *Предметы, принадлежности какого-либо обихода. Домашняя утварь. Кухонная утварь* [5, с. 67].

3. **Деба́ты**, мн. ч. *Обсуждение спорных вопросов на совещании, заседании* [7, с. 67].

Важно отметить, что в данном учебном пособии широко представлены многозначные слова. Например:

1. **Сло́н**, а, м. 1. *Крупное травоядное млекопитающее с длинным хоботом и двумя бивнями*. 2. *(перен. разг. — сниж.) Крупный, неуклюжий человек*. 3. *Шахматная фигура, передвигающаяся на любое число клеток по диагонали* [7, с. 21].

2. *Исполѣн*, -а; м. (книжн.). Великан, богатырь. // перен. Великий человек, гений (ритор.). *Исполин науки* [7, с. 8].

Есть сведения о том, откуда произошло привычное нам слово. Полагаем, что необязательная на первый информация может быть интересной детям, облегчить запоминание понятия. Например: «слово *щѣголь* является исконно русским и возникло на основе слова *щегол* как название птицы с пѣстрым, ярким оперением» [7, с. 69].

В разделе «Это интересно» также можно встретить элементы словарных обозначений с наглядными примерами употребления.

Материал рубрики «*Лингвистические игры, задачи*», обозначенный смайликом, предоставляет возможность применить знания и умения в нестандартных ситуациях. Особенно интересен он будет тем, кто любит науку о русском языке. В некоторых случаях воспитанникам предлагают самим догадаться о первоначальном значении слова. Здесь может послужить примером вопрос о красной строке.

Имеются и сведения о нормах произношения. Однако таких сведений крайне мало, и находится такой материал только в разделе «Орфоэпические нормы», больше нигде подобные слова не встречаются. Учитель будет вынужден обращаться к полному орфоэпическому словарю. Например: *скучно* — *ску[ш]но*; *нарочно* — *наро[ш]но*.

В рубрику «Это интересно» авторы учебника включили простые лексические единицы, раскрывая их особенности. Например: *було[ч'н]ая* и *було[ин]ая* (устар.) [7, с. 18]. Здесь автор наглядно показывает, что некоторые произношения считаются устаревшими.

Составители пособия не выделают теме орфоэпии достаточного количества часов, сокращая их количество за счет отсутствия прилагаемого к учебнику словаря. Но они предлагают множество упражнений, где в начале для учащихся есть разборы в таблице, какой звук следует произносить мягко, какой твердо [7, с. 19]. Также авторы учебника в начале раздела сразу отсылают учителей и учащихся к «Школьному орфоэпическому словарю русского языка» П. А. Леканта [1].

Разворот учебника напоминает интернет-страницу со «всплывающими окнами», которые дополняют основной материал, где учтены все требования новых стандартов государственных образовательных стандартов.

Каждая тема заканчивается повторением, проверкой, заданиями, подобными тем, которые включены в ЕГЭ, либо занимательными упражнениями.

В конце учебника нет приложений с отдельными словарями.

Ученики получают доступ к значениям слов и их произношению сразу же, как только встречают их в тексте, что способствует лучшему пониманию материала без необходимости отвлекаться и искать информацию в конце учебного пособия.

Цветовое выделение помогает различать аспекты изучаемого материала (например, значения слов, правила произношения), что улучшает визуальное восприятие и запоминание информации.

Такой подход может быть особенно полезен для учащихся, которые лучше всего воспринимают информацию визуально.

Среди преимуществ словаря учебника по русскому языку под ред. Л. М. Рыбченковой отмечаем наличие большого количества рассматриваемых слов, наличие немаловажной дополнительной информации исторического либо культурологического характера, различных информационных комментариев и пояснений, позволяющих учащимся детально и углублённо осмыслить языковой материал, разобраться с трудностями.

Также среди преимуществ данного учебника фиксируем немаловажное включение лексического материала, коррелирующего с программами других предметов. Например, историей (*вопрос о красной строке*), физикой (*примеры с использованием приставки -микро*).

Кроме того, множество специальной «словарной» информации «пересекается» с учебным материалом начальной школы.

Однако, постоянное наличие дополнительных сведений в основном тексте может привести и к перегрузке учащихся. Важную информацию может быть сложнее выделить среди множества деталей.

Отсутствие в учебнике отдельного словарика, включающего значения слов, их правильное написание и произношение, может существенно ограничивать эффективность учебного процесса.

Мы считаем, что такое включение лексикографического материала вполне продуктивно. Весь материал соотносится с заданиями пособия, что повышает уровень запоминания. Упражнений вполне достаточно, чтобы запомнить слово, погрузиться в историю его происхождения, изучить особенности словоупотребления.

Отдельные трудности эффективного освоения предмета могут быть связаны с тем, что разрозненное представление лексического материала снижает возможность быстро находить и перепроверять языковые данные, делает процесс обучения более медленным и трудоёмким.

Одним из способов преодоления этих ограничений и повышения уровня самостоятельности учащихся в процессе обучения является ведение школьниками отдельной тетради для записи новых понятий, слов, их значений, правильного написания и произношения. Подобные словарики активно используются учителями начальной школы, но не будут лишними в 5–7 классах.

Задача учащихся заключается в том, чтобы аккуратно копировать важную информацию в эту тетрадь по мере продвижения по курсу. Это позволит создать персонализированный справочник, который будет систематизировано дополняться и обновляться, и который ученики могут использовать для быстрого доступа к необходимым данным.

Ведение такой тетради может стать не только полезным инструментом для обучения, но и способом развития навыков внимательности и аккуратности. К тому же, если учитель решит стимулировать учащихся к постоянному пополнению и аккуратному ведению тетради, предоставлением отдельной оценки за её содержание и оформление, это может существенно повысить мотивацию школьников к более глубокому и систематическому изучению материала. Тетрадь становится не просто местом для заметок, а важным учебным инструментом, отражающим индивидуальный путь учащегося в освоении новых знаний и навыков.

Регулярное заполнение отдельной тетради-словарика станет не только способом облегчить поиск и изучение необходимой информации, но и дополнительной возможностью для учащихся продемонстрировать свою заинтересованность и ответственность в учебном процессе.

Анализ словарей в учебнике авторов С. И. Львовой и В. В. Львова (учебник в 2-х и 3-х частях) [3].

Учебник в первой части из двух/трёх не выделяет ни отдельных словарей, ни условных знаков для обозначения словарных слов. Однако, представленный в 3-й части учебника словарь, удивляет своим содержанием и качеством.

Существует две/три части этого учебника для каждого класса: в первой/первых задания, материал и прочее, а в последней части — словарики, разборы и некоторые правила выполнения заданий.

В двух частях учебника, которые автор выделил только для выполнения заданий, представлены слова с правильным ударением и их значением. Такие слова поясняют значение терминов, используемых в тексте для объяснения правил, теоретического материала.

Словарные слова автор учебника выделяет отдельным фоном, для привлечения внимания учащихся [3, с. 18].

Иногда понятия даются прямо в тексте теоретического материала, указывается их ударение [3, с. 20].

Норма произношения, как можно заметить, не выделяется отдельным форматом, образуя единый орфографический, орфоэпический и толковый словарь.

Общее количество слов в трёх учебниках — около 250. В некоторых заданиях ученикам самим предлагается дать определение слову, ориентируясь на наглядное изображение. Например, упражнение на странице 36, первой части, где автор отсылает учащихся и к толковому словарю для самопроверки.

Здесь каждый урок русского языка является уроком развития речи, поскольку происходит взаимосвязанное изучение языка и речи на фоне непрерывной работы над навыками чтения и понимания текстов разных стилей. Что позволяет сформировать коммуникативные компетенции школьников.

Текст обладает многообразными дидактическими возможностями. Понятийно-направленный анализ текста — «ступенька» к написанию сочинений и изложений.

В учебниках под ред. С.И. Львовой заложен деятельностный компонент (умение добывать и применять приобретенные знания).

Во-первых, это касается работы с разными видами словарей. Так в 5-7 классах в приложении к учебнику даны традиционные виды словарей:

– Словообразовательный словарик (морфемные модели слов, словообразовательные пары, словообразовательные цепочки);

– Этимологический словарик, который показывает происхождение слова, не приводит примеры использования. Например:

1. **Абза́ц.** Нем. *Abzatz* от *absetzen* «отставлять в сторону» (от лат. *ab-* «от» + лат. *setzen* «ставит») [3, с. 35]

2. **Автомобиль.** Греч. *autos* «сам» + лат. *mobillis* «подвижный, «двигающийся»; букв.: «самоподвижущийся» и др. [3, с. 35]

– Толковый словарик — имеются примеры использования, ударение, нет указания на род.

На взгляд авторов, возможно объединение этимологического и толкового словариков, т. к. многие слова совпадают, а другие — часто являются устаревшими. Например:

1. **Абза́ц.** Красная строка, отступ в начале строки. Начать писать с абзаца [3, с. 35]

2. **Бра́нный.** Устар. Пир во время (после) сражения, битвы. Бранный пир [3, с. 36]

– Словарик синонимов — часть слов также поясняют значение слов из предыдущих двух словариков. Например: **гну́сный**, подлый, гадкий, скверный, мерзкий, пакостный [3, с. 64]

– Словарик антонимов дает не только ряд противоположных главному слову, но и указывает пометы (разг.), поясняет (ловкий — неловкий, неуклюжий, нескладный, несуразный (о движениях)). Например: **недостаток** — 1) достоинства, преимущество, сильная сторона, плюс (разг.); 2) избыток, переизбыток, излишек, излишество [3, с. 68]

– Словарик эпитетов дает довольно большое количество эпитетов на каждое слово. Такое изобилие поможет обучающимся в написании изложения, сочинения, а также обогатить свой словарный запас. Например: **взгляд** — выражение глаз, устремленность зрения. «О свойстве, характере, выражений»; «О прямом выражении конкретного чувства» и др. [3, с. 70]

– Словарик «Говорите правильно» указывает ударение, произношение, не указывает род. Например: айсберг[к] [с. 87], конечный [ч'н] [с. 88], пятьсо́т [п'ицсо́т], числ. [3, с. 90] и др.

Дополнительно отметим, что начиная с 8 класса, в справочник включены новые виды словарей: «Словарик сочетаемости слов», «Словарик эпитетов», «Идеографический словарь», «Говорите правильно», «Словарик жестов и мимики».

«Словарик жестов и мимики», как отмечает автор пособия, составлен на основе словаря А. А. Акишиной «Жесты и мимика в русской речи». Глоссарий описывает жесты и мимику, употребляемую в речи русских людей с целью выразить то или иное значение или усилить свою речь во время разговора. Выглядит словарь как таблица, где сначала описывается сам жест, например, *голову немного наклоняют вниз и в сторону, взгляд искоса направляют на собеседника*. Далее идет значение жеста или мимики, например, *недоверие собеседнику, настороженность, подозрительность, осуждение*. В заключительной колонке представлена иллюстрация, в которой изображены люди, отражающие тот или другой жест. [4, с. 122]

Словарик неслучайно добавлен в пособие. В 8 классе учащиеся находятся в том возрасте, когда нужно больше начинать общаться со сверстниками. Такая «шпаргалка» поможет лучше разбираться в мимике людей, а еще описание жестов или мимики поможет в написании сочинения или изложения.

Объём и разнообразие слов в названном пособии являются главным достоинством. Нестандартные и специфические слова позволяют обогатить словарный запас учащихся, а также улучшить их навыки общения.

Структура и организация словарей выделяется на фоне двух других учебников. Так как словари в данном пособии имеют большую словарную базу. Лексический материал представлен коротко и ясно.

Отсутствие словариков в основном учебнике позволяет учащимся максимально сосредоточиться на изучаемом материале.

Отдельное учебное пособие дает возможность использовать словарики по мере необходимости, что может помочь в быстром поиске требуемой информации. Представляя словарные статьи в другом учебнике, авторы учебного пособия имеют возможность привлечь широкий и глубокий материал, не ограничиваясь краткими определениями или переводами.

Однако, среди изобилия плюсов к таком оформлению, нужно выделить и минусы. Так, например, учащимся нужно носить с собой дополнительное пособие, что можно воспринять как неудобство. Целесообразно оставлять такие пособия в школе, но при необходимости брать на дом.

Еще одним минусом можно отметить необходимость переключения с одного пособия на другой. Постоянное обращение к отдельному учебнику может отвлечь ребенка от учебного материала.

Анализ словаря в учебнике под ред. С. И. Львовой позволяет нам сказать о его высоком качестве и соответствии современным требованиям. Словарь помогает систематизировать знания учащихся и применять и на практике без каких-либо затруднений. Такой учебник станет хорошим помощником в изучении русского языка и развития навыков устной и письменной речи.

Выводы. Выбор подхода к размещению словарных статей — будь то включение их непосредственно в учебник, выделение в отдельное приложение в конце учебника или создание отдельного словарного пособия — зависит от целей образовательной программы, предпочтений учителей и учащихся, а также от практических соображений, таких, как стоимость и удобство использования.

Условные обозначения по лексикографическому материалу во всех трех анализируемых учебниках представлены на первых страницах, что помогает учащимся сразу ознакомиться с интерпретацией символов.

Описанные разделы в учебнике под ред. Т. А. Ладыженской представляют собой эффективный и необходимый инструмент для учащихся, так как отраженный в них материал помогает школьникам справляться с языковыми трудностями при выполнении заданий. Оформление словарных слов в отдельных рамках позволяет быстро и легко находить нужное определение. Наличие в пособии трех словариков позволяет детям расширить свой словарный запас в ходе обучения.

Использование в толковом словаре многозначных и омонимичных слов способствует более глубокому пониманию значения, что является особенно важным для достижения планируемых результатов в системно-деятельном подходе [5, с. 3]. Также представленные слова помогают развитию лексикографической компетенции детей.

Включая в свои словарики устаревшие и малоупотребительные слова, автор представляет возможным ознакомиться с более широким спектром лексики. Дополняет и расширяет словарный запас детей и слова специального назначения. Такое включение в лексикографический материал помогает не только увеличить лексический запас, но и познакомить обучающихся с разными профессиями.

Представленные словарики в учебнике являются важным инструментом для совершенствования знаний учеников. Содержание и наполняемость обеспечивают доступ к информации, что способствует развитию языковых навыков, а также помогают расширить лексикографическую компетентность учащихся.

В учебнике по русскому языку под ред. Л. М. Рыбченковой словарные единицы выступают неотъемлемой частью учебного материала. Благодаря цветовому выделению и удобному распределению слов на страницах пособия, словарные статьи легко обнаруживаются, что позволяет сразу определить к какому словарю следует обратиться и не запутывает учащихся, хоть автор и не выделяет отдельного словарика в своем учебнике. Однако такое оформление удобно лишь для первичного ознакомления со словами, для того чтобы повторить как пишется или произносится слово, лучше записывать выражения в отдельную тетрадь. Ведение такой тетради повысит трудоспособность учеников и поможет им в возникших у них вопросах.

Не вынесенные в толковый словарь понятия, предстают перед нами в рубрике «это интересно». Такая вырезка дополняет, позволяя лучше понять школьникам русский язык и культуру, учебный материал. Вследствие чего дети смогут углубить свои знания о языке и пополнить словарный запас, а также овладеть навыком заменой описательных выражений.

Понимание и запоминание происходит еще и путем лингвистических игр и задачек, что помогает детям применить знания в нестандартных условиях, а это, в свою очередь, соответствует требованиям системно-деятельного подхода [5, с. 4]. История происхождения того или иного слова вызывает интерес у школьников к понятию и способствует к запоминанию и употреблению в речи определения.

Процесс изучения русского языка становится более эффективным и увлекательным для учащихся, благодаря дополнительным рубрикам, нестандартным изложением словарных слов и яркой графикой.

Однако стоит обратить внимание, что большое количество сопутствующего материала на страницах учебника, может перегружать учащихся. В следствии чего их продуктивность на уроках начнет спадать.

Содержанием и качеством словариков выделяется учебник по русскому языку под ред. С. И. Львовой и В. В. Львова. Нужно отметить, что словарики вынесены в отдельное пособие, в котором собрали словари: орфографический, орфоэпический, словарь синонимов и антонимов и др.

Первые две части предназначены для выполнения практических заданий, в них авторы также соотносят материал со словарями, с целью помочь детям в быстром

запоминании слова и применении полученных знаний. Благодаря такому подходу у учащихся формируется лексикографическая компетентность.

Присутствие разнообразных словарей является особенностью пособия. Если в 5–7 классах в учебник включены традиционные виды словарей: словообразовательный, этимологический, толковый. То, начиная с 8 класса, авторы учебника вводят и другие, не менее интересные словари для школьников, например, словарь мимики и жестов, который не только описывает мимику, но и иллюстрирует ее, что помогает лучше разобраться, с вызывающими вопросами, жестами.

Для изучения русского языка лексикографический материал, представленный С. И. Львовой и В. В. Львовым, является особенно ценным ресурсом. Составители пособия предлагают широкий спектр лексикографического материала для расширения словарного запаса учащихся, выделяя его в отдельном учебнике. Усвоению языковых навыков способствует разнообразие типов словарей.

Анализ словарей в учебнике под ред. С. И. Львовой и В. В. Львова позволяет нам сказать о его высоком качестве и наполнении. Такой словарь поможет систематизировать и применить знания на практике, а также расширит словарный запас школьников.

Однако наличие отдельного пособия можно вынести и как недостаток, потому что дополнительное пособие будет утяжелять рюкзак школьника. В связи с этим, мы считаем целесообразным, оставлять пособия в школе, а при необходимости брать их на дом.

Также недостатком является и переключение учеников с одной книги на другую. При активной работе учащихся на уроке, отвлечение будет снижать их трудоспособность.

Стоит отметить, что недостатки всех трех анализируемых учебников не отменяют того факта, что они станут полезным помощником в изучении русского языка, развития письменной и устной речи.

Таким образом, на основе сделанного анализа и вывода, мы предлагаем свое понятие лексикографической компетентности. Лексикографическая компетентность школьника — это понимание значения слова, умение использовать понятия в соответствии с их контекстом в устной и письменной речи. Способность составления различных видов предложения и текстов с учетом словарного запаса учащегося.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лекант П.А. Школьный орфоэпический словарь русского языка / П.А. Лекант. — Москва: Просвещение, 2023. — 168 с. — ISBN 978-5-09-097457-8.
2. Львова С.И. Русский язык. 6 класс: учеб. для общеобразоват. учреждений. В 3 ч. Ч. 1 / С.И. Львова, В.В. Львов. — Москва: Мнемозина, 2012. — 211 с. — ISBN 978-5-346-2081-3.
3. Львова С.И. Русский язык. 6 класс: учеб. для общеобразоват. учреждений. В 3 ч. Ч. 3 / С.И. Львова, В.В. Львов. — Москва: Мнемозина, 2012. — 211 с. — ISBN 978-5-346-02083-7.
4. Львова С.И. Русский язык. 8 класс: справочные материалы: приложение к учебнику. В 2 ч. Ч. 2 / С.И. Львова, В.В. Львов. — Москва : Мнемозина, 2012. — 171 с. — ISBN 978-5-346-02112-4.
5. Методические рекомендации по использованию системно-деятельностного подхода в организации образовательной деятельности / авт.-сост. И.В. Аксенова, Е.Ю. Бурцева, О.В. Гоголашвили, Н.М. Кузнецова, О.В. Созонтова, Т. Д. Стрельникова, Н.В. Углова — Липецк: ГАУДПО ЛО «ИРО», 2019. — 186 с.
6. Русский язык. 6 класс. Учеб. для общеобразоват. организаций. В 2 ч. Ч. 1 / М.Т. Баранов, Т.А. Ладыженская, Л.А. Тростенцова [и др.]; науч. ред. Н.М. Шанский. — Москва: Просвещение, 2015. — 191 с. — ISBN 978-5-09-032988-0.
7. Русский язык. 6 класс. Учеб. для общеобразоват. организаций. в 2 ч. Ч. 1 / Л.М. Рыбченкова, О.М. Александрова, О.В. Загоровская, А.Г. Нарушевич. — 3. — Москва: Просвещение, 2014. — 159 с. — ISBN 978-5-09-033383-2.
8. Сергеева Б.В. Теоретические основы организации работы с лингвистическими словарями в начальной школе / Б.В. Сергеева // Научное обозрение. Педагогические науки. — 2017. — № 3. — С. 100-109.
9. Формирование лексикографической компетенции младших школьников (на материале Универсального словаря) // CORE: сайт. — URL: <http://surl.li/risex> (дата обращения: 07.03.2024)

Поступила в редакцию 21.03.2024 г.

E. V. Selivanova

**SPECIFICITY OF LEXICOGRAPHICAL WORK OF SCHOOLCHILDREN
IN RUSSIAN LANGUAGE LESSONS: ANALYSIS OF CURRENT TEXTBOOKS**

The article provides a comparative analysis of dictionaries in school textbooks on the Russian language for the 6th grade. The study demonstrates the main advantages of the considered benefits. The analysis showed how the educational material correlates with different types of dictionaries: spelling, spelling and explanatory.

Key words: *school textbook on the Russian language, lexicographic work, lexicographic competence.*

Селиванова Екатерина Валерьевна.

Филиал БГУ имени академика И.Г. Петровского
в г. Новозыбкове, РФ.

Студент.

г. Новозыбков, РФ.

E-mail: SelivanovaKatya@hotmail.com

Selivanova Ekaterina Valerievna.

Branch of the BSU named after Academician I.G.
Petrovsky in Novozybkov, RF.

Student.

E-mail: SelivanovaKatya@hotmail.com

Стародубец Светлана Николаевна.

Профессор.

Филиал БГУ имени академика И.Г. Петровского
в г. Новозыбкове, РФ.

Доктор филологических наук

E-mail: starodubets.madam@yandex.ru

Starodubets Svetlana Nikolaevna.

Professor.

Branch of BSU named after academician I.G. Petrovsky in
Novozybkov, RF.

Doctor of Philology

E-mail: starodubets.madam@yandex.ru

УДК 81'42

Фу Хуэйюй © 2024

*Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Южно-Уральский государственный университет»
(Научн. рук. — д-р филол. наук, проф. Е. В. Харченко)*

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ
КАК ИНОСТРАННОМУ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ**

Преподаватели русского языка как иностранного в Китае сталкиваются с рядом проблем, которые обусловлены как сложной грамматической системой, сильно отличающейся от китайской, так и недостатком эффективных методов преподавания. В данной статье обсуждается корректное и эффективное применение теории языковых фрагментов, описание упражнений на перевод, что позволяет решить определенные проблемы в преподавании русского языка. В статье описываются конкретные аспекты такого подхода. Поскольку преподавание русского языка как иностранного должно соответствовать специфике национального мышления и национальному характеру учащихся, сначала описываются общие лингвистические и педагогические принципы, лежащие в основе преподавания русского языка иностранным студентам, а затем раскрывается каждый принцип применительно к китайской аудитории. Также большое внимание уделяется причинам затруднений при восприятии китайскими студентами русскоязычного текста.

Ключевые слова: *методика преподавания русского языка как иностранного, теория языковых фрагментов, упражнения на перевод.*

Русский язык является обязательным базовым курсом для многих студентов китайских вузов и имеет большое значение как для комплексной подготовки иностранных специалистов, так и для удовлетворения потребностей студентов в поступлении в магистратуру. Поэтому важно, чтобы студенты успешно освоили

русский язык. В то же время процесс обучения русскому языку остается сложной задачей не только для студентов, но и для преподавателей. В отличие от английского, грамматические правила русского языка достаточно сложны. Многие студенты, погружаясь в изучение данного предмета, начинают чувствовать страх перед русским языком. Поэтому необходимо искать методы преподавания, которые позволяют студентам в ограниченные учебной программой сроки преодолеть страх и получить хорошие результаты. На наш взгляд, этому будет способствовать применение теории фрагментов и подбор эффективных упражнений по переводу. Это два основных принципа, которых следует придерживаться при преподавании русского языка [2, с. 104]. Рассмотрим подробно каждый из них.

1. Применение теории языковых фрагментов.

С точки зрения языковой системы, слово является наименьшей свободно используемой единицей, однако с точки зрения языкового общения, наименьшей единицей являются фрагменты, то есть отрезки речи, которые используются для выражения мысли. Теория языковых фрагментов полагает, что при преподавании нужно учитывать не лексическую грамматику, а грамматическую лексику. Понимание этого может помочь преподавателям изменить свои подходы к преподаванию, которые разделяли грамматику и словарный запас, и вместо этого учитывать законы языка, чтобы повысить эффективность обучения учащихся.

Для начинающих изучать русский язык наиболее проблемными являются правила изменения частей речи. Чтобы снизить учебную нагрузку преподаватели могут в полной мере использовать фиксированные языковые фрагменты в обучении, так как подобные структуры образуются в соответствии с определенными грамматическими правилами. Поняв характеристики фрагментов, учащиеся могут делать выводы из одного примера и постепенно конструировать более крупные группы фрагментов, значительно расширяя свой словарный запас.

У китайских студентов также часто возникают проблемы при использовании формы множественного числа русских существительных из-за разных вариантов и исключений из правил. Это можно преодолеть с помощью изучения целых фрагментов. В настоящее время использование теории фрагментов можно легко освоить [5, с. 73].

Использовать теорию фрагментов можно и при изучении предлогов, чтобы помочь обучающимся быстро понять и запомнить несколько вариантов их применения. Например, предлоги «в» и «на» могут использоваться как обстоятельство в сочетании с 4-м или 6-м падежом местоимений существительных. Предлог «в» часто используется с существительными, выражающими трехмерное пространство, например: школа/ институт/ университет/ театр/ магазин/ музей/ сад /комната/ больница/ аудитории/ общежитие. Используемый вместе с предлогом «в» предлог «на» в основном относится к какому-то помещению или открытому пространству: завод/ фабрика/ почта / улица и т. д. Вышеуказанные комбинации нельзя менять местами по желанию. Например, нельзя сказать «на городе» вместо «в городе», также нельзя сказать «в заводе» вместо «на заводе».

Кроме того, существуют случаи, когда эти два предлога употребляются с другими существительными. Например, когда словосочетание означает «ехать на каком-то виде транспорта», «на» может употребляться только с существительным предложного падежа. Например: на метро/ автобусе/ троллейбусе/ самолёте и так далее. Однако при определении времени оно может употребляться только с 4-м или 6-м падежом существительного. Отработка фиксированных речевых фрагментов позволит избежать ошибок.

Применение языковых блоков также может быть применимо в обучении глаголам. Например, в русском языке есть несколько групп глаголов, для изучения

которых можно использовать метод групповой формы языкового блока. Это следующие группы: садиться/ сесть (坐下) — сидеть (坐着), ложиться/ лечь (躺下) — лежать (躺着), вставать/встать (起来) — стоять (站着). Глаголы в первой части динамичные, а второй части — статичные, имеют смежные значения, но отличаются по использованию. Например, «安娜坐在沙发上 Анна сидит на диване» и «安娜坐到了沙发上 Анна села на диван».

Кроме того, в русском языке также есть слова, являющиеся устойчивыми словосочетаниями и, если запоминать и понимать их только с точки зрения грамматической логики, то они не могут быть правильно истолкованы, например: «讲俄语» «住院» «锻炼身体» «喝汤» «红茶» «旅店房间» «写毕业论文» можно сказать только как «говорить по-русски», «ложиться в больницу», «заниматься спортом», «есть суп», «пить чёрный чай», «оформить номер гостиницы», «работать над диссертацией».

Кроме того, в русском языке подлежащими обычно являются существительные и личные местоимения, сказуемыми обычно являются глаголы и прилагательные, а обстоятельства большей частью дополняются наречиями и косвенными падежными словосочетаниями существительных.

Например: «Мой друг учится в Шанхае». Если мы заменим подлежащее, то это будет выглядеть так: *Моя сестра учится в Шанхае / Его друг учится в Шанхае / Чей друг учится в Шанхае?*

Меняем сказуемое: *Мой друг работает в Шанхае / Мой друг работал в Шанхае / Мой друг будет работать в Шанхае...*

Меняем обстоятельства: *Мой друг учится в России / Мой друг учится в Японии / Мой друг учится в московском университете.*

II. Использование упражнений на перевод.

Упражнение на перевод позволяют использовать грамматические правила для соединения изученной лексики. Это в точности соответствует особенностям преподавания русского языка: морфологические изменения в русском языке, хотя и очень сложны, но чрезвычайно структурированы. С помощью упражнений на перевод студенты не только осваивают слова, но и закрепляют грамматику. Ниже рассмотрим, как упражнения на перевод влияют на освоение русского языка [3, с. 23].

(I) Спряжения глаголов.

Сказуемые в русском языке реализуют свои специфические функции преимущественно через формы глаголов. Это три основных времени в русском языке (прошедшее время, настоящее и будущее), а также спряжение глаголов. Формы спряжения глаголов в русском языке сложнее, чем в английском. Глагол обычно имеет 6 форм в зависимости от лица и числа.

Преподаватели могут закрепить у обучающихся знания о спряжении глаголов, используя упражнения по переводу. Например, можно порекомендовать такое упражнение:

Переведите на русский язык следующие предложения:

Группа А:

我在写信。Я пишу письмо.

你在写什么？Что ты пишешь？

大学生们在写单词。Студенты пишут слова.

Группа Б:

我讲俄语。Я говорю по-русски.

你汉语讲得真好啊! Как хорошо ты **говоришь** по-китайски!

他们不讲英语。Они не **говорят** по-английски.

Выделенные слова в трех предложениях группы А и Б представляют собой формы глаголов «писать» и «говорить» (изменения лица и числа).

С помощью перевода этих двух групп простых предложений, обучающиеся должны будут узнать следующее:

(1) Глаголы в предложении, как правило, выполняет роль сказуемого. Оба глагола несовершенного вида, в настоящем времени.

(2) Глаголы в русском языке имеют разные окончания в зависимости от лица и числа.

Группа С:

我们今天要做这些作业。Мы **будем делать** эти задания сегодня.

我们在一天之内能够做完这些作业。Мы **сделаем** эти задания за день.

安东打算报考莫斯科大学。安东 **будет поступать** в Московский университет.

安东会考上莫斯科大学的。安东 **поступит** в Московский университет.

Сложное будущее время (несовершенный вид) выражает план или намерение, тогда как простое будущее время (совершенный вид) выражает уверенность в результатах будущих действий или поведения.

Группа Д :

他们坐公交去邮局。Они **едут** на почту на автобусе.

他们要坐公交去邮局。Они **поедут** на почту на автобусе.

大学生们能很好地理解老师的意思。Студенты хорошо **понимают** преподавателя.

大学生们会理解老师的意思的。Студенты **поймут** преподавателя.

Здесь представлены сопоставительные упражнения по переводу, в которых показано различие в значении глаголов несовершенного и совершенного вида. Так, формы глагола несовершенного вида употребляются в настоящем времени, выражая текущее или повторяющееся действие, в то время как формы глагола совершенного вида выражают действие, которое еще не произошло, акцентируя ожидаемый результат и цель.

(II) Согласование.

Согласование – основа русской грамматики. В соответствии с правилами сказуемое должно соответствовать подлежащему в лице, роде и числе. Также в словосочетаниях с типом связи согласование подчиненное слово должно соответствовать главному в роде, числе и падеже.

Например:

(1) 我原来有一栋大房子。У меня был **большой дом**.

(2) 他在一所知名的大学工作。Он работает в **известном университете**.

(3) 我们的新老师来自美丽的西伯利亚。Наша **новая** учительница приехала из **красивой Сибири**.

(4) 这星期父亲能够读完这本有趣的书。На **этой неделе** отец прочитает **эту интересную книгу**.

Все перечисленные выше предложения представляют собой двусоставные предложения, мы подчеркнули в них главные члены предложения, которые согласованы

между собой. Полу жирным шрифтом выделены словосочетания со связью согласование, в которых зависимое слово повторяет род, число, падеж главного.

Итак, мы можем сделать вывод, что применение теории языковых фрагментов и упражнений на перевод являются эффективными методами изучения русского языка как иностранного с учетом его особенностей. Фактически они взаимосвязаны и дополняют друг друга. Если во время проработки упражнений на перевод акцентировать важность теории языковых фрагментов, перевод становится более систематизированным процессом. Также регулярные упражнения на перевод позволяют значительно повысить эффективность преподавания русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чан Шули. Влияние теории языковых блоков на преподавание английского языка. Теория и практика образования, 2011(1). — С. 45–55.
2. Яо Сяопин. Гуманитарные науки и изучение языка. Пекин: Пресса для преподавания иностранных языков и научных исследований, 1995. — С. 63–138.
3. Ван Ланься. Картина языкового мира в русских пословицах. Преподавание русского языка в Китае, 2002 (4). — С. 21–24.
4. Чжан Гуоян, Чжу Яфу. Лингвистика обучения иностранным языкам. Наньнин, 1996. — С.153–154, 59–64.
5. Юй Юннъянь. Русская педагогика. Шанхай: Издательство Shanghai Foreign Language Education Press, 1985. — С. 73.
6. Шу Динфан, Чжуан Чжисян. Современное преподавание иностранных языков — теория, практика и методы. Шанхай: Издательство Shanghai Foreign Language Education Press, 1996. — С. 113, 118.

Поступила в редакцию 15.03.2024 г.

Fu Huiyu

THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS OF THE FORMATION OF LINGUISTIC COMPETENCE IN TEACHING RUSSIAN TO CHINESE STUDENTS

Teachers of Russian as a foreign language in China face a number of problems that are caused by both a complex grammar system that is very different from Chinese, and a lack of effective teaching methods. This article discusses the correct and effective application of the theory of language fragments, a description of translation exercises, which allows solving certain problems in teaching Russian. The article describes specific aspects of this approach. Since teaching Russian as a foreign language should correspond to the specifics of national thinking and the national character of students, first, the general linguistic and pedagogical principles underlying teaching Russian to foreign students are described, and then each principle is revealed in relation to the Chinese audience. Much attention is also paid to the reasons for the difficulties Chinese students have in perceiving Russian-language texts.

Keywords: *methods of teaching Russian as a foreign language, theory of language fragments, translation exercises.*

Фу Хуэйюй.

Южно-Уральский государственный университет,
г. Челябинск, РФ.
Аспирант.
E-mail: 934185987@qq.com

Fu Huiyu.

South Ural State University,
Chelyabinsk, Russian Federation.
Postgraduate studies.
E-mail: 934185987@qq.com

Харченко Елена Владимировна.

Доктор филологических наук.
Южно-Уральский государственный университет,
г. Челябинск, РФ
Профессор – Кафедра «Русский язык как
иностраный».
E-mail: kharchenkoev@susu.ru

Kharchenko Elena Vladimirovna

Doctor of Philology.
South Ural State University,
Chelyabinsk, Russian Federation,
Professor – Department of Russian as a Foreign
Language.
E-mail: kharchenkoev@susu.ru

*А. В. Цынкалова © 2024**Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Алтайский государственный педагогический университет»
(Научн. рук. — канд. филол. наук, доц. М. А. Винокурова)*

ДИАГНОСТИКА ЯЗЫКОВОЙ И СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

В статье представлен анализ результатов социологического исследования процесса адаптации иностранных студентов — филологов института филологии и межкультурной коммуникации. Обоснована актуальность данной проблемы в условиях включенности российских вузов в международную образовательную миграцию. На основе анализа результатов анкетного опроса определены основные трудности, связанные с включением в новую образовательную языковую и социокультурную среду.

Ключевые слова: иностранные студенты, языковая и социокультурная адаптация.

Привлечение иностранных студентов является важной составляющей образовательного процесса во всем мире, в том числе и в России. Грантовые программы для обучения за рубежом, распространенное сетевое обучение, системы двойных дипломов усиливают академическую мобильность. В результате этого в вузах всего мира постоянно растет доля иностранных студентов. Российская Федерация не является исключением, что доказывает актуальность нашего социологического исследования.

Целью работы является выявление ряда проблем, с которыми сталкиваются иностранные студенты-филологи, которые поступают в Алтайский государственный университет, для последующего их решения в будущем, с поступающими студентами, желающими получить филологическое образование по специальности: преподавание русского языка как иностранного, на базе института филологии и межкультурной коммуникации.

Стоит отметить, что вовлечение иностранных студентов в учебный процесс на базе российских вузов является важной и ответственной задачей в связи с высокой позицией российского образования на международной арене. Разрешение вопросов, связанных с адаптацией студентов-иностранцев, повышает престиж образовательных учреждений и, как следствие, престиж России за рубежом.

Процесс приобщения иностранных студентов к обучению в вузах нашей страны представляет собой важную и ответственную деятельность на уровне принимающего вуза, на уровне структур, обеспечивающих учебную активность молодого человека, а также на уровне страны в целом. Ключевая роль в этом процессе принадлежит решению проблем языковой и социокультурной адаптации.

Адаптационный процесс — это неотъемлемая часть переезда в новую страну каждого иностранца. Перед иностранными студентами встает ряд сложностей и барьеров [4, с. 17]. В качестве языковой адаптации выступает языковой барьер как один из основных потенциальных адаптационных стрессоров для иностранных студентов и его влиянии на межличностное взаимодействие и академическую успеваемость [2, с. 281]. Адаптация иностранных студентов происходит в двух направлениях: социокультурном и языковом.

Социокультурная адаптация — процесс приспособления личности иностранного студента к социокультурному пространству города, страны изучаемого языка, в результате которого устанавливается оптимальное соответствие поведения человека требованиям среды [1, 57]. Социокультурная адаптация заключается в умении свободно

ориентироваться в новой культуре и обществе. Целью социокультурной адаптации является создание условий, которые обеспечивают иностранным студентам возможность приобретения позитивного социокультурного опыта, приобщение к духовным и культурным ценностям города, республики, региона, а также формирование способности к личностному саморазвитию.

Помимо социокультурной адаптации перед иностранными студентами стоит языковой барьер как один из основных потенциальных адаптационных стрессоров для иностранных студентов, его влиянии на межличностное взаимодействие и академическую успеваемость [4, с. 281]. Из-за низкого уровня владения языком студенты испытывают сложности при усвоении материала на лекциях, а также при ответах на семинарных занятиях. Всё это замедляет учебный процесс, вследствие чего языковая адаптация становится серьезным стрессом, появляются риски снижения мотивации к изучению языка. Стресс в области академической успеваемости на фоне языкового барьера может способствовать общему аккультурационному стрессу, проблемам с социокультурной адаптацией и психологическому дискомфорту [4, с. 278]. Для предотвращения или решения таких проблем служит клуб международной дружбы, где представители разных национальностей могут почувствовать себя как дома, а также общаться на русском языке, повышая уровень межкультурной и лингвострановедческой компетенций [2, с. 89].

В Алтайском государственном университете в качестве адаптирующего агента адаптации иностранных студентов-филологов выступает институт филологии и межкультурной коммуникации. На базе института получают профессию иностранцы из 5 стран: Таджикистана, Казахстана, Узбекистана, Китая, Туркменистана.

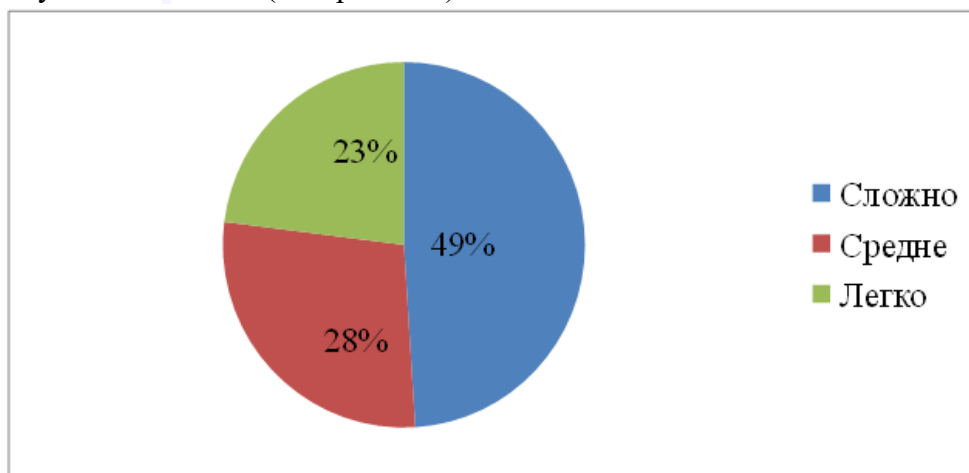
В связи с актуальностью получения филологического образования и необходимости адаптации иностранных студентов для комфортного образовательного процесса и проживания в принимающей стране был проведен социологический опрос, участниками которого стали 31 студент-иностранец института филологии и межкультурной коммуникации. Целью опроса является выявлении существующих проблем для возможности их преодоления.

Для анализа языковой и социокультурной адаптации иностранных студентов было проведено социологический опрос, который включал в себя такие вопросы, как «Какие трудности у вас были, когда вы приехали в Барнаул?», «Как долго вы привыкали жить в городе Барнаул?», «С какими сложностями вы встретились в процессе обучения?», «Сохраняете ли вы свои традиции, после переезда?» и так далее. Вопросы были подобраны на основе опросника «Интеграция бикультурной идентичности», который был разработан на базе концепции бикультурной идентичности В. Бенет-Мартинес. Бикультурная идентичность — это идентичность человека, считающего себя принадлежащим к двум культурам одновременно. Она возникает, когда человек воспринимает себя представителем двух культур, что часто (но необязательно) случается в ситуации миграции. Данный опросник был адаптирован под студентов института филологии и межкультурной коммуникации и города Барнаула.

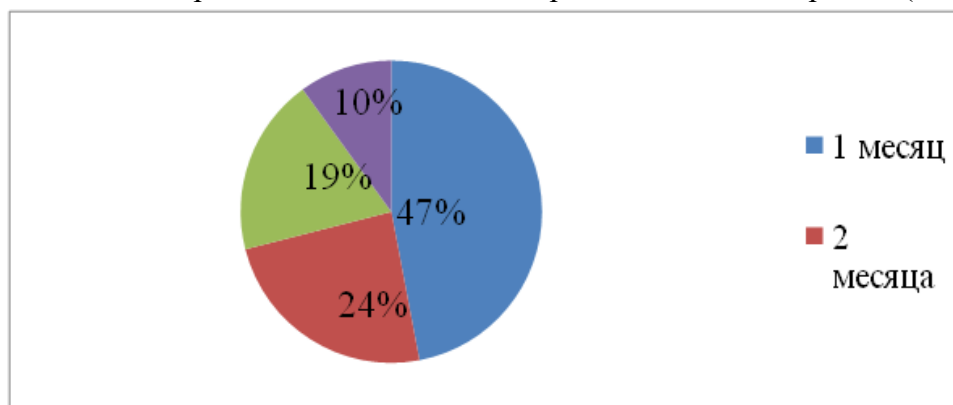
Результаты анкетирования показали, что процесс первичной адаптации иностранных студентов проходит не без сложностей. Основными трудностями первичной адаптации на тот момент стали физиологические (привыкание к новой пище, климату), психологические (наличие культурной дистанции), социальные (языковой барьер, новые социальные роли и круг общения).

В ходе первичной адаптации иностранцам пришлось столкнуться со значительными трудностями, связанными с языковым барьером. Одним из основных препятствий оказался уровень сложности учебной программы, связанной с изучением нового языка. Согласно исследованию, проведенному среди реципиентов, 49% считают русский язык

сложным, 28 % оценивают его как средней сложности, в то время как 23 % достигают легкого усвоения языка. (диаграмма 1)

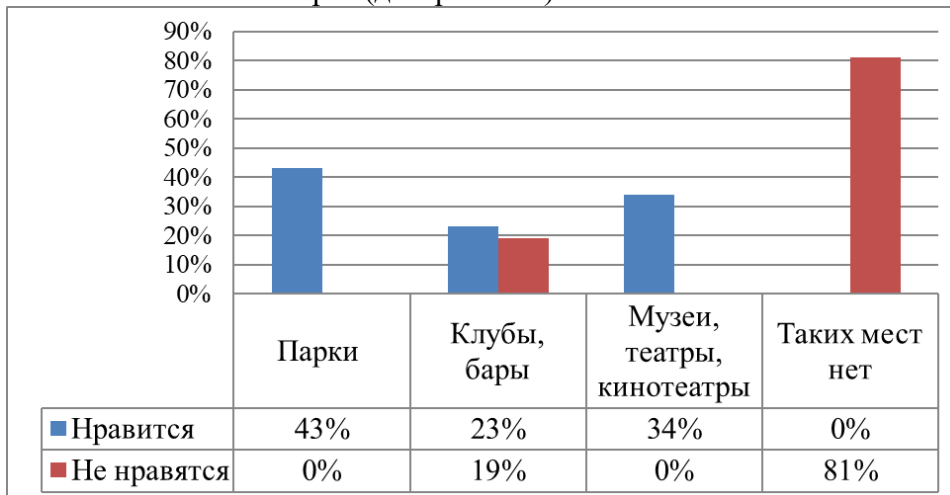

Также в ходе исследования было выявлено среднее временное количество, которое понадобилось для того, чтобы освоиться и привыкнуть к новой стране, образу жизни, культуре и так далее. Результатами опроса стали следующие позиции: 1 месяц, 2 месяца, 3 месяца, 4 месяца. Процентное соотношение представлено в диаграмме (диаграмма 2).

При адаптации иностранных студентов возникали трудности, возникающие при переезде в другую страну, а именно в город Барнаул. Самыми частотными стали сложности при ориентировании на местности, разный менталитет, а также оформление документов и расходы на из-за этого.

Также, реципиентам были заданы вопросы о любимых местах города Барнаула и тех, которые не вызывают восторга (диаграмма 3).

Наиболее популярными местами для посещений стали парки, а именно Нагорный и Изумрудный, а также музеи, театры и кинотеатры. Наименее популярными — клубы и бары. При ответе на вопрос о не интересующих местах, 19 % отметили шумные места, а 81 %, что таких мест нет.

Некоторые студенты — иностранцы отметили непонимание со стороны окружающих к их культуре, примерно 25 %. Несмотря на это студенты продолжают придерживаться своих традиций даже на территории России, в этом вопросе все реципиенты были единогласны. Для них это является важным психологическим фактором, при котором процесс привыкания к новым реалиям жизни протекает легче. Также был сделан акцент на частотности использования родного языка в учебных целях, т. е. проведение параллелей между грамматикой русского языка и грамматикой родного языка студентов-иностранцев. Данный подход к облегчает усвоение сложного для понимания материала.

Необходимо отметить, что уровень адаптации иностранных студентов в среднем равняется 4 и 5, что означает комфортное и успешное преодоление этапа первичной адаптации, а также приспособление к условиям обучения, проживания и организации быта, то есть взаимодействие с окружающей новой социокультурной средой. На факторы адаптации также влияет осознанный выбор страны обучения, дружественный характер отношений с российскими студентами, сохранение этнокультурной идентичности свидетельствовали об успешности процесса первичной адаптации.

После проведения социологического исследования нами было выявлено несколько наиболее актуальных проблем, с которыми иностранные студенты сталкиваются при обучении и проживании в другой стране: 1) Недостаточный уровень владения русским языком как языком коммуникации и языком обучения, препятствующий успешному освоению образовательной программы и социализации; 2) Эмоционально-личностные трудности, вызванные переживанием миграционного стресса; 3) Трудности, связанные с аккультурацией; 4) Сложности акклиматизации и привыканию русского быта; 5) Столкновение со стереотипами общества, в связи с чем происходит дополнительная психологическая нагрузка.

В целом же, социальная адаптация иностранных студентов к образовательной среде российского вуза происходит волнообразно. Эту особенность необходимо учитывать при разработке и реализации программы сопровождения в вузе, которая будет учитывать как социально-психологические характеристики иностранных студентов, условия новой среды, так и логику самого адаптационного периода.

Успешность адаптации к условиям обучения, проживания и организации быта, то есть взаимодействие с окружающей новой социокультурной средой, для иностранного студента является жизненно важной и определяет его дальнейшую судьбу на новом месте. Особенно сложным и неоднозначным периодом являются первые месяцы нахождения иностранного студента в вузе.

Делая вывод о прохождении языковой и социокультурной адаптации иностранными студентами института филологии и межкультурной коммуникации, можно сказать, что процесс адаптации прошёл практически безболезненно и комфортно. Трудности, выявленные в процессе социологического исследования, будут учтены при работе с поступающими студентами в Алтайский государственный педагогический университет и получающими филологическое образование.

ЛИТЕРАТУРА

1. Егошина Н.Г. Социокультурная адаптация студентов-иностранцев средствами языкового образования // Проблемы современного педагогического образования. 2022. №74-4. - Режим доступа:

- <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnaya-adaptatsiya-studentov-inostrantsev-sredstvami-yazykovogo-obrazovaniya> (дата обращения: 19.01.2024)).
2. Соколова Е.В. Языковая коммуникация и адаптация иностранных студентов в условиях российского вуза // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. №8 (100). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-kommunikatsiya-i-adaptatsiya-inostrannyh-studentov-v-usloviyah-rossiyskogo-vuza> (дата обращения: 19.03.2024)).
 3. Милосердова, Е. М. "Русский клуб" как метод лингвокультурной адаптации иностранных студентов в условиях языковой среды / Е. М. Милосердова, Т. В. Самородова // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2021. — Т. 26, № 192. — С. 87-95.
 4. Социокультурная адаптация иностранных студентов в российских вузах: проблемы, решения, лучшие практики [Электронный ресурс] : сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции (8–9 декабря 2021 г.) / Пермский государственный национальный исследовательский университет. — Электронные данные. — Пермь, 2022. — 2,38 Мб ; 90 с. — Режим доступа: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/sborniki/Sociokulturnayaadaptaciya-inostrannyh-studentov-v-rossijskih-vuzah.pdf>.

Поступила в редакцию 20.03.2024г.

A.V. Tsynkalova

DIAGNOSTICS OF LINGUISTIC AND SOCIO-CULTURAL ADAPTATION OF FOREIGN STUDENTS IN THE CONDITIONS OF THE RUSSIAN EDUCATIONAL SPACE

The article presents an analysis of the results of a sociological study of the adaptation process of foreign students of Philology at the Institute of Philology and Intercultural Communication. The relevance of this problem in the context of the involvement of Russian universities in international educational migration is substantiated. Based on the analysis of the results of the questionnaire, the main difficulties associated with inclusion in a new educational linguistic and socio-cultural environment are identified.

Keywords: *international students, language and socio-cultural adaptation.*

Цынкалова Анна Вячеславовна

Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, РФ.

Студент.

E-mail: annazunkalowa@mail.ru

Tsynkalova Anna Vyacheslavovna

Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russian Federation.

Student.

E-mail: annazunkalowa@mail.ru

Винокурова Мария Анатольевна

Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, РФ.

Доцент кафедры общего и русского языкознания

E-mail: vinokurova_ma@altspu.ru

Vinokurova Maria Anatolyevna

Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russian Federation.

Associate Professor of the Department of General and Russian Linguistics

E-mail: vinokurova_ma@altspu.ru

Литература и лингвистический анализ художественного текста

УДК 82:811:808:[81'1+81'38]

*И. П. Зайцева,
А. Ю. Черникова © 2024
Учреждение образования
«Витебский государственный университет
имени П. М. Машерова»
(Научн. рук. — д-р филол. наук, проф. И. П. Зайцева)*

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ЭСТЕТИЧЕСКАЯ НАГРУЖЕННОСТЬ НЕЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВЫХ ЭЛЕМЕНТОВ В ПЕРСОНАЖНОЙ РЕЧИ ПОВЕСТИ И. С. ШМЕЛЁВА «БОГОМОЛЬЕ»

В статье анализируется своеобразие речи одного из ключевых персонажей повести И. С. Шмелёва «Богомолье» — плотника Горкина, высказывания которого, в большинстве своём имеющие форму монологизированных реплик, занимают значительную часть словесного пространства художественного прозаического текста. Это своеобразие в значительной степени определяется включением в речь персонажа разного рода нелитературных элементов языка — прежде всего диалектизмов, а также просторечных и разговорных слов и выражений, которым присуща не только явная характерологическая функция, но и функция придания изложению особой — разговорно-непринуждённой в сочетании с народнопоэтической — тональности.

Ключевые слова: общенародный язык, художественная речь, И. С. Шмелёв, нелитературные элементы, композиционно-речевая зона персонажей, характерологическая функция, тональность текста.

Язык произведений художественной литературы, или **художественная речь**, представляет собой уникальное явление как в принципе, так и будучи реализованным в конкретном литературно-художественном произведении какой бы то ни было жанрово-стилистической принадлежности. В настоящее время определение этого понятия остаётся в науке дискуссионным (именно поэтому в соответствующих справочных источниках, как правило, приводится несколько значений данного терминологического выражения), хотя большинство исследователей при его толковании подчёркивает отличие этого феномена от языка, используемого преимущественно в практических целях (прежде всего — для передачи какой-либо информации, т. е. *речи нехудожественной*). Так, например, известный лингвист Ю. С. Степанов в словарной статье «Язык художественной литературы», помещённой во втором издании энциклопедии «Русский язык», первое из его двух приводимых значений определяет так: «1) язык, на котором создаются художественные произведения (его лексикон, грамматика, фонетика), иногда, в некоторых обществах, совершенно отличный от повседневного, обиходного («практического») языка» [14, с. 666].

Помимо этого, большинство исследователей отмечают, что своеобразие художественной речи (в этом случае данное понятие нередко определяется как *поэтический язык*) обуславливается прежде всего присущей ей особой функцией, которая при практическом пользовании языком либо вообще отсутствует, либо проявляется лишь фрагментарно: **эстетической** функцией. Ср. в связи со сказанным характеристику художественной речи Л. А. Новиковым, в концепции которого это понятие синонимизируется с понятием «поэтический язык»: «**Поэтический язык**, художественная речь, — язык поэтических (стихотворных) и прозаических литературных произведений, система средств художественного мышления и эстетического освоения действительности.

В отличие от обычного (практического) языка, у которого основной является коммуникативная функция ..., **в поэтическом языке доминирует эстетическая**

(поэтическая) **функция**, реализация которой сосредоточивает большее внимание на самих языковых представлениях (фонических, ритмических, структурных, образно-семантических и др.), так что они становятся самоценными средствами выражения» (во втором случае выделено нами. — И. З., А. Ч.) [9, с. 356].

Среди основных качеств художественной речи, обусловленных в первую очередь присущей ей эстетической функцией, практически все исследователи называют *образность*, которая, однако, может быть выражена различными способами («В художественной **речи все единицы образны, но не в равной мере**: одни из них представляют собой центр экспрессии (см., напр., тропы, фигуры речи), другие — его периферию (подготовку образа, его развёртывание и т. п.)» (выделено нами. — И. З., А. Ч.) [9, с. 358]; тесно взаимосвязанные с образностью *экспрессивность* и *эмоциональность*, которые могут присутствовать в словесно-художественной структуре в разной степени; *повышенную ассоциативность*, свойственную словесному пространству литературного произведения (Ю. М. Лотман отмечал, что, поскольку в художественном тексте актуализируются все возможные связи между элементами, всякий такой элемент становится носителем определённого смысла [7]), а также постоянную ориентацию «на сознательное и активное изменение, на поиск новых выразительных возможностей, а в иных случаях — на оригинальность» [16, с. 1257].

Ещё одной характерной особенностью художественной речи являются её неограниченные возможности для привлечения, для поиска новых выразительных возможностей — в том числе, **всех** имеющихся в общенародном языке средств. На эту, свойственную лишь художественной речи, особенность также неоднократно указывают исследователи: «Поэтический язык тесно связан, с одной стороны, с литературным языком, который является его нормативной основой, а с другой — с общенациональным языком, откуда он черпает **разнообразные характерологические языковые средства, например, диалектизмы** при передаче речи персонажей или для создания местного колорита изображаемого» (выделено нами. — И. З., А. Ч.) [9, с. 356]; «речь художественная вбирает в себя разные формы речевой деятельности, включая нехудожественные (напр. дневники или мемуары, смс-цитаты, отрывки из электронных писем и многое другое). От первоначального коллективного мифотворчества до современного многообразия личностных форм литературных произведений речь художественная развивается в условиях взаимодействия традиций (создание и утверждение норм) и новаторства (культивирование отклонений от этих норм)» [6, с. 208] и т. п.

Опираясь на схему общенародного (национального) языка, где представлены все его основные составляющие, которая предложена Н. Б. Мечковской в её работе «Социальная лингвистика» [8, с. 31], можно составить достаточно полное представление о разнообразии входящих в структуру этого феномена коммуникативных средствах языка, лежащих за пределами литературности:

ОБЩЕНАРОДНЫЙ ЯЗЫК	Литературный (нормированный) язык	Кодифицированный литературный язык	Официально-деловые стили	Научно-технические стили	ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
			Язык радио, телевидения, газет		
			Устная публичная речь		
	РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ				
	Нелитературные формы существования языка	Некодифицированная разговорная речь	Просторечие	Молодежное аргю, сленг	
			Территориальные диалекты	Профессиональное просторечие, социальные аргю.	

Как можно убедиться, в соответствии с предложенной концепцией, общенародный язык, являющийся «совокупностью всех форм существования языка», состоит из языка литературного (нормированного) и нелитературных форм его существования. Литературный язык включает в себя кодифицированные группы языковых средств нормированность которых зафиксирована в соответствующих источниках (официально-деловые и научно-технические стили речи; язык радио, телевидения, газет; а также устная публичная речь), а также некодифицированные средства языка, используемые преимущественно в сфере разговорного общения.

Как явствует из приведённой схемы, к нелитературным формам существования языка принадлежат: просторечие; молодёжное арго и сленг; территориальные диалекты; профессиональное просторечие социальные, арго.

Индивидуальный стиль некоторых русских прозаиков, талантливых писателей, которые уже завоевали признание как литературно-критической, так и читательской общественности, отличает особое внимание именно к литературным средствам общенародного языка, которые, в их произведениях, будучи введёнными в их произведения, нередко выполняют не одну, а несколько функций, придавая при этом художественному тексту безусловное своеобразие.

К таким писателям, бесспорно, принадлежит **Иван Сергеевич Шмелёв** (1873–1950), русский писатель, публицист и мыслитель, интерес к творчеству которого в последние десятилетия значительно вырос: одно из свидетельств этого — регулярно проводимые научно-практические конференции «Шмелёвские чтения», на которых обсуждаются как различные аспекты его философской концепции, так и особенности его индивидуально-авторской манеры, реализованной в его словесно-художественных произведениях. Так, в минувшем, 2023-ем году, в Алуште, городе, где расположен музей И.С. Шмелёва, прошли XXVII Крымские Шмелёвские чтения «Русские писатели и Крым», приуроченные к 150-летию со дня рождения И.С. Шмелёва и 30-летию музея писателя (конференция открылась 20 сентября 2023 г.), в которых приняли участие исследователи из Института мировой литературы РАН и других ведущих научных и образовательных учреждений.

И.С. Шмелёв, начиная с раннего периода творчества, стремился показать в своих литературно-художественных произведениях быт и традиции жизненного уклада патриархальной России, прежде всего — крестьянства и купечества. При этом судьба его было весьма трагичной: после Гражданской войны, разразившейся в России в начале прошлого века, он вынужден был эмигрировать во Францию, где были созданы его самые известные произведения — «Богомолье» и «Лето Господне». Даже при первом знакомстве с повестью «Богомолье», написанной в 1931 году, очевидно повышенное внимание автора к использованию языковых средств, находящихся за пределами литературного языка: *просторечия* (как общего характера, употребляемые носителями русского языка с невысоким уровнем речевой культуры на всей территории распространения русского языка, так и профессионального свойства); *социальные арго* и, конечно же, *диалектизмы*, использование которых в описываемый в повести период (детство самого рассказчика, Вани Шмелёва, которое пришлось на предпоследние десятилетия XIX в.) в русской крестьянской речи было весьма частотным. Кроме того, вводимые в художественный текст единицы диалектного языка, как правило, не только наделялись характерологической функцией, но и служили маркерами социального статуса персонажа, косвенно указывая, из какой местности.

Словесно-художественное прозаическое произведение, с точки зрения последних достижений научного знания (см., например, работы Н. А. Кожевниковой [5], А. И. Горшкова [3] и других исследователей), понимается как структура, в которой взаимодействует несколько композиционно-речевых зон, основными из которых являются композиционно-речевая зона *автора* и композиционно-речевая зона *персонажей*, внутри

которых — в зависимости от реализуемых в каждом конкретном случае типов и форм речи — выделяются менее объёмные композиционно-речевые фрагменты. В настоящее время разноаспектное исследование такого взаимодействия только начато, тем более что в последние десятилетия в русле данного подхода сформировались новые аспекты рассмотрения языка художественной прозы (к примеру, коммуникативно-стилистический); таким образом, обозначенная проблема остаётся на сегодня одной из **актуальных** проблем изучения художественной прозаической речи.

Цель настоящей публикации — рассмотреть особенности функционирования в персонажной речи повести И. С. Шмелёва «Богомолье» языковых элементов, принадлежащих к нелитературным коммуникативно-речевым средствам, установив их основные функции.

Материалом исследования послужил текст повести И. С. Шмелёва «Богомолье» [17].

При проведении исследования использовались как *общенаучные методы* (наблюдения, сопоставления и систематизации), так и *общефилологические*, включающие приёмы интерпретации и сравнительного анализа языкового материала, и *частнолингвистические* (метод толкования словарных дефиниций и контекстологический анализ).

Предваряя анализ конкретного текстового материала, целесообразно сделать несколько принципиальных, с нашей точки зрения, замечаний. Во-первых, при анализе включённых в словесно-художественное произведение нелитературных единиц языка необходимо учитывать, что границы между рядом их групп весьма подвижны, а также могут меняться с течением времени. В связи с этим различные справочные и лексикографические современные источники, на которые мы будем опираться при анализе текстового материала, могут по-разному квалифицировать одни и те же языковые единицы, относя их либо к *устаревшим*, либо к *просторечным*, либо к *диалектным*, или *областным*. Так, весьма «зыбкой» оказывается граница между просторечиями и диалектизмами, прежде всего потому, что просторечие «образовалось на базе городских койне при влиянии диалектной среды. В XIX в. это был «язык народных масс, находившийся во взаимодействии с крестьянским языком» [Виноградов 1982]. В настоящее время просторечие — одна из форм национального языка наряду с литературным языком, диалектами и жаргоном» [4, с. 488].

Во-вторых, безусловно, анализируя словесно-художественное произведение, созданное почти веком ранее, в котором изображена русская действительность последних десятилетий XIX в., необходимо учитывать, что языковой ландшафт того времени существенно отличался от современного: большинство нелитературных средств речевого общения составляли именно *диалектные* средства языка, часть их которых на современном этапе развития языка получила несколько иную стилистическую квалификацию.

Поэтому выявление литературных единиц языка, введённых в персонажную речь повести «Богомолье», и определения их функций логично начать именно с рассмотрения диалектизмов различных типов, являющихся «представителями» определённых территорий, на которых в конце XIX века был распространён общенародный русский язык. При толковании значений выявленных диалектизмов мы будем опираться на наиболее полный и авторитетный лексикографический источник описания диалектного языка — академическое издание «Словаря русских народных говоров», издание которого на сегодня ещё незакончено (первый выпуск вышел в 1965 году; к настоящему моменту издано 52 выпуска). В тех случаях, когда анализируемая единица языка в упомянутом словаре отсутствует, по мере необходимости, будут привлекаться такие академические толковые словари, как: «Словарь современного русского литературного языка» в

17 томах, изданный в 1950–1965 гг. (этот словарь известен также как БАС — Большой академический словарь); «Большой академический словарь русского языка (издаётся с 2004 г., к настоящему моменту издано 27 томов; издание продолжается; данный словарь известен также как БАС-3); «Толковый словарь русской разговорной речи», издаваемый с 2014 г. (к настоящему времени вышло в свет пять выпусков; издание продолжается).

Как уже было отмечено, единицы диалектного языка в более ранние периоды существования общенародного русского языка, в частности в изображаемое в повести «Богомолье» времени (конец XIX века) употреблялись в общении значительно активнее, нежели на этапе современного существования русского языка, когда сфера использования диалектных средств значительно сузилась.

В связи с этим целесообразно кратко охарактеризовать, на какие сегменты дифференцируется диалектные языковые средства, объединённые в одну из нелитературных разновидностей национального языка (относящиеся к этой разновидности средства употребляются на конкретной территории или используются определённой группой лиц, относящихся к одному социальному или профессиональному классу). В пространстве русских диалектов выделяют три основных разновидности, именуемые *наречиями*, или *группами говоров*: *северное* наречие, *южное* наречие и группа *среднерусских говоров*. Среднерусские говоры, как несложно предположить, представляют собой пространство *синкретичных* единиц языка — иногда часть среднерусских говоров обладает *северными* признаками, а другая часть *южными*; именно поэтому ряд признаков, которые присущи среднерусским говорам, характеризуется нерегулярностью — т. е. они либо присущи не всем говорам данного подразделения, либо функционируют не регулярно.

В диалектологии существует ещё одна — как представляется, актуальная и для современных исследований — классификация диалектов, в соответствии с которой русский диалектный язык делится на *западные* и *восточные* наречия, поскольку у этих объединений диалектных средств языка имеется ряд признаков, существующих вне зависимости от их принадлежности к северному или южному наречию. В этом случае к западному наречию относят Ладого-Тихвинскую, Новгородскую, Псковскую и Смоленскую группы говоров, а к восточному наречию — говоры Вологодской, Костромской, Владимирско-Поволжской, Тульской, Рязанской, частично Курско-Орловской групп и также восточные среднерусские акающие говоры.

Диалектные средства присутствуют в речи практически всех персонажей повести И.С. Шмелёва «Богомолье», сколько-нибудь полный анализ функционирования которых в рамках одной статьи представить, безусловно, невозможно. В данном случае мы остановимся на рассмотрении речевого портрета персонажа, которому принадлежит наиболее объёмная часть высказываний: это плотник **Горкин**, с которым отец после долгих уговоров отпускает таки маленького Ваню на богомолье в Сергиев Посад, к *Преподобному*, как сам Горкин это определяет, имея в виду Сергия Радонежского.

В повести «Богомолье» Горкину принадлежит несколько развёрнутых *монологизированных* реплик — именно они позволяют создать достаточное полное представление о своеобразии его речи. Одна из таких реплик в первой части повести («Царский золотой») представляет собой уединённый (ни к кому не обращённый) монолог, который Горкин произносит, собираясь в дорогу:

«—*Это вот возьму и это возьму... две сменки, да... И ещё рубаху, расхожую, и причащальную возьму, а ту на дорогу, про запас. А тут, значит, у меня сухарики.. — пошумливает он мешочком, как сахарком, — с чайком попить — пососать, дорога-то дальняя. Тут, стало быть, у меня чай-сахар... — суёт он в мешок коробку из-под икры с выдавленной на крышке рыбкой, — а лимончик уж на ходу прихватчу, да... ножничек, поминанье...суёт он книжечку с вытесненным на ней золотым крестиком, которую я*

тоже знаю, с раскрашенными картинками, как исходит душа из тела и как она ходит по мытарствам, а за ней светлый Ангел, а внизу, в красных языках пламени, зелёные нечистые духи с вилами, — а это вот, за кого просвирки вынуть, леестрик.... А это Сане Юрцову вареньица баночку снесу, в квасной послушание теперь несёт, у Преподобного, в монахи готовится... от Москвы, скажу, поклончик-гостинчик. Бараночек возьму на дорожку...» (выделено нами. — И. З., А. Ч.) [17, с. 7].

В приведённом фрагменте речи Горкина функционирует несколько диалектизмов, принадлежащих к различным типам. Это три собственно лексических диалектизма:

– **сменка**: «СМЕНКА ... 2. ... одежда для замены другой одежды, требующей смены. ... — Это грабёж. — Не положено, — отвечали мне. — А сидеть в ноябре без штанов положено? Дайте мне какую-нибудь сменку, что ли... (Г. Жжёнов. Прожитое)» [15, IV, с. 197];

– **расхожая** (рубаша) в значении 'на каждый случай' («Расхожий, ая, ее ... 10. Неприхотливый, неразборчивый. Пек., Осташк., Твер. 1855. Латв ССР, Эст ССР.

— Доп. [Знач.²] И надета была у его шуба-то расхожая. Во пуговках литы лютые звери. Да во петельках шиты люты змеи. Онеж., Гильфердинг» [12, XXXIV, с. 302]);

– (всё) **по черёду** (надо), который в одном из академических толковых словарей середины XX в. квалифицирован как просторечный и устаревший элемент языка (том «Словаря русских народных говоров с соответствующим словом ещё не выпущен): «Черёд ... 1. Устар. и простореч. ...♦ По черёду. По очереди, по порядку. [Тарас:] Вот вам постояльца привёл.. [Марфа:] К Степаниде бы ставил.. А ты всё к нам да к нам. [Тарас:] По черёду ставим. Л. Толст. От ней все качества ... Если кто-нибудь из нас торопился протянуть ложку к чашке раньше деда, он хмурил брови, размахивался и бил виновника ложкой по лбу. — Куда лезешь? По черёду бери! Гладк. Пов. о детстве [13, XVII, стб. 857–858].

В тексте присутствуют также диалектизмы фонетические, или орфоэтические, которых отличаются произношением от литературно-нормативных вариантов: (дорога-то) дальная (вместо даль[н'ь]я); леестрик (вместо [р]еестрик).

Помимо этого, речь Горкина изобилует деминутивами — «субъективно-оценочными, уменьшительно-ласкательными, увеличительными, уничижительными и т. п. лексическими единицами языка» [18, I, с. 45], которые являются характерными признаками как для диалектного языка, так и для произведений устного народного творчества: сухарики, лимончик, ножичек, вареньица баночку, бараночек, на дорожку. Ещё более выразительной особенностью указанных коммуникативно-речевых сфер является попарное употребление тематически связанных либо синонимичных номинаций, которое также имеет место в анализируемом текстовом фрагменте: чай-сахар, поклончик-гостинчик (в последнем случае этот приём отличает повышенная экспрессия, поскольку сопрягаются деминутивы, в значении которых изначально присутствуют образно-оценочные элементы).

Примечательно, что в речи Вани, которая в данном случае имеет форму слов автора, обрамляющих реплику Горкина, в целом ориентированной на литературную норму, тоже присутствуют некоторые диалектизмы, а также единицы речи, которые могут быть отнесены как к диалектизмам, так и к разговорно-просторечной лексике: пошумливает, («Пошумливать ...Разг. Шуметь слегка или время от времени. Серебряный самовар пошумливал, брюзжал по-стариковски. Шишк. Угрюм-река, II, 7» [13, X, стб. 1757]); мешочком, сахарком, с рыбкой, книжечку, крестиком.

В этой же, первой, части помещён обширный, занимающий почти три страницы печатного текста, рассказ Гиркина Ване Шмелёву о многих событиях собственной жизни: о том, как сохранила его Царица Небесная; о такой легендарной для Вани личности, как Мартын («— А ты мне про Мартына всё обещался...») т. п. Этот протяжённый рассказ,

лишь изредка прерывающийся лаконичными авторскими ремарками, полностью проанализировать в рамках статьи, конечно, невозможно; далее приводится фрагмент из этого объёмного «рассказа в повести»:

*«Да ты погоди, послушай: расскажу тебе про нашего Мартына. Всего не расскажешь... а вот слушай. Чего сам он мне **сказывал**, а потом на моих глазах всё было. И всё сущая правда.*

*— Повёл его отец в Москву **на роботу**... — **поокивает** Горкин мягко, как все наши плотники, володимирцы и костромичи, и это мне очень нравится, ласково так выходит, — плотники они были, как и я вот, с нашей стороны. Всем нам одна **дорожка**, на Сергиев посад. К Преподобному зашли... **чугунки тогда и помину не было**. Ну, зашли, всё честь честью... **помолились-приложились, неделку**. Преподобному **пороботали топориком**, на монастырь, да...пошли к Черниговской, **неподалечку**, старец там проживал — спасался. **Нонче** отец Варнава там народ утешает — **басловляет**, а то до него был, тоже хороший такой, **прозорливец**. Вот тот старец благословил их на хорошую **роботку** и говорит **пареньку**, Мартыну-то: «Будет тебе **талан** от Бога, только **не простипись!**» Значит — правильно живи смотри. И ещё ему так сказал: «**Ко мне-то побывай** когда».*

***Роботали** они хорошо, удачливо, **талан** у Мартына **великой** стал, такой глаз верный, рука надёжная... лучшего плотника и не видал я. И по столярному хорошо умел. Ну, понятно, и по филенкам **чистяга** был, лучше меня, пожалуй. Да уж я **те** говорю — лучше меня, значит — лучше, ты не перебивай. Ну, отец у него помер давно, он один и **стал в людях**; сирота. К нам-то, к дедушке твоему покойному, Ивану Иванычу, царство небесное, он много после **пристал-порядился**, а всё по разным ходил — не уживался. Ну, вот слушай. **Талан** ему был от Бога... а он, тёмный-то... — понимаешь, кто? — своё ему, значит, приложил: выучился Мартын пьянствовать. Ну, его **со всех местов** и гоняли. Ну, пришёл к нам работать, я его **маленько** поудержал, **поразговорил** душевно, — ровесники мы с ним были. Разговорились мы с ним, про старца он мне и помянул. Велел я ему к старцу тому побывать. А он и думать забыл, сколько **годов** прошло. Ну, побывал он, **ан** — старец-то тот и помер уж, годов десять уж. Он и расстроился, Мартын-то, что не побывал-то, наказу его-то не послушал... совестью и расстроился. И с того дела к другому старцу и не пошёл, а, прямо тебе сказать, в кабак пошёл! И пришёл он к нам назад в одной рваной рубашке, стыд глядеть... босой, **топорик** только при нём. Он **без того топорика** не мог быть. **Топорик** тот от старца благословен... вон он самый, висит-то у меня, память это от него мне, **отказан**. Уж как он его не пропил, как его не отняли у него — не скажу. При дедушке твоём было. Хотел Иван Иваныч его не принимать, а прабабушка твоя Устинья вышла с **лестовкой**... молилась она всё, **правильная была по вере**... и говорит: «Возьми, Ваня, грешника, приюти... его Господь к нам послал» (выделено нами. — И. З., А. Ч.) [17, с. 8–9].*

Приведённый фрагмент демонстрирует значительно большее разнообразие элементов общенародного языка в речи Горкина, нежели рассмотренный ранее текст. Это довольно обширная группа *лексических* диалектизмов, часть которых объединена в характерные (свойственные именно диалектной речи) выражения:

— (сам он мне) **сказывал** («**СКАЗЫВАТЬ** ... Устар. и прост. 1. Излагать, сообщать что-либо; говорить. [Тит Титыч:] Где Андрюшка? Сказывайте скорей, а то искать примусь. А. Остр. В чужом пиру» [1, XXV, с. 622]);

— **чугунки тогда и помину не было** (**ЧУГУНКА** ... 3. Устар. и простореч. Железная дорога, сокращение сочетания чугунная дорога. — *Ехать надо было тридцать пять верст на лошадах и восемь часов по чугунке*. Л. Толст. Крейц. Соната» [13, XVII, стб. 1158]; **ПОМИН** ... 1. Устар. Вспоминание; упоминание. ... ~ **И помину (помина), и в помине нет, не было** о ком-, чём-либо. Совсем нет, не было, не существует, не существовало вовсе; и речи нет, не было о ком-, чем-либо. Особенности обстоятельства не

позволили мне остаться, тем более, что зимний путь разрушался (тогда о шоссе еще не было и помину). С. Акс. Знак с Державиным» [13, X, стб. 1186]);

– **помолились-приложились** («**Прилагаться**, *несов.*; приложиться, *сов.* 1. Прикладываться (устами), целовать. *Сны к мёртвым устам что прилагались, Они в Землюшку ему да поклонилися. На лопату богу молятся, Они пням да прилагаются.* Олон., Агренева-Славянская. *Все попы-отцы теперечко прощаются, К телесам оны его да прилагаются* (причит.). Север., Барсов.» [11, XXI, с. 270]);

– **неподалечку** («**Неподалечу** ... нареч. Фольк. То же, что неподалёко. *Что деревня от деревни Неподалечу стоит* (песня). Олон., 1870» [11, XXI, с. 113]);

– **нонче** («**Нонче** ... 1. В настоящее время, теперь; ныне. Тамб., 1851. Курск., Ряз., Петров. Саратов., Ставроп. Кубан. *Нонче ведь такие времена, Сушат жён хорошие мужья.* Терск. Русск. говоры на Буковине, Моск., Поозер. Новг., Волхов. Ленингр. *Бывало дак худо, нонче не прежне.* Арх. *Было-то времечко баско, прекрасно, Когда-то мил-то меня да любил, Да нонче-то горькую, бедну-злосчастну Миленький бросил да позабыл.* Печор. *Нонче не плетут уже.* Сыктывк. Коми АССР. Волог., Яросл., Галич. Костром., Балахн., Семен. Нижегород., Волго-Камье, Киров., Перм., Сев.-вост. Башк. АССР, Казан., Чистоп. Казан., Ср. Урал, По нижн. и средн. теч. р. Урал, Ишим. Тобол., Том., Кемер., Омск., Новосибир., Абакан. Краснояр., Енис.» [11, XXI, с. 277]);

– **прозорливец** («**ПРОЗОРЛИВЕЦ** ... 1. Устар. Человек, обладающий способностью предвидеть будущее. [Короваев:] *Так вы святым стали?* [Горбылев:] *Как же-с. Прозоривцем-с.. Стал я будущее предвидеть и тайны всякие постигать.* Черныш. Драма без развязки» [1, XXI, с. 54];

– **не проступись** («**Проступаться** ... проступиться ... 4. Проступиться кому-л. Провиниться, совершить проступок. *В чём тебе я проступилась?* Стариц. Твер., 1912. ◊ Проступиться правой ногой. *Я каку вину, родитель, провинилася, Я правой ногой у вас ли проступилася?* Олон., Агренева Славянска» [12, XXXII, с. 255]);

– (ко мне-то) **побывай** («**Побывать** ... 2. Побывать домой, *сов.* Съездить, сходить домой. *Полно, милый, тужить — горевать! Лучшие съездить домой побывать, Черноброву свою повидать.* Чебокс. Казан., Соболевский» [12, XXVII, с. 211]; «**ПОБЫВАТЬ** ... Устар. ◊ Побывать к кому-либо, куда-либо. *Мужик с Змеєю подружился.. С тех пор все прежние приятели, родня, Никто к нему ногой не побывает.* Крыл. Крест. и Змея» [13, X, стб. 54–55]);

– (он один) и **стал в людях** («**Люди** ... б) В наречных сочетаниях. ◊ В люди (попасть, ходить, бежать и т. п.). К посторонним чужим людям (попасть, ходить и т. п.). *Половики кажный двор ткёт, а за стенами в люди ходят. Куда, в люди что ли ты попала, попала к своим.* ... Ряз., Ряз. ... ◊ В людях. а) В других местах, где живут другие люди. *По-русски говорят, калитка — дверь в огород, у нас засовня, а в людях заворы; по-нашему, рига, а в людях овин.* Капш. Ленингр., 1947–1964. ... ◊ По людям ходить. Нищенствовать, побираться. *Жили мы бедно, дед по людям ходил*» [11, XVII, с. 242]);

– **пристал-порядился** («**Поряжаться** ... порядиться ... 1. Наниматься на работу Слов. Акад. 1847. *Порядился так продался* (не свой) Даль. *Я порядилась* (я нанялась) Волог., 1897. *И посылает (купец) бабушку хозяйку (на фатере что) на торги поряжаться, дворец строить* (сказка). Новг., Калуж., Перм., Горно-Алт. ◊ **Поряжаться**, **порядиться** в работники, в пастухи и т. п. Во бурлаки порядиться Астрах., 1876. *Порядился в пастухи.* Влад. *И говорит мужик бабе: — Ну, баба, я пойду поряжусь к богатому мужику в работники.* Волог. *Я в работницы поряжаюсь, а мне говорят: — Зря ты, девушка, поряжаешься, у них худо жить.* Арх. ... *Порядится человек с десятины косить* Р. Урал. *Порядился сделать сруб за десять рублей.* Сиб.» [12, XXX, с. 129–130]; «**Пристать** ... 3. Располагаться во время пути на отдых, ночлег, временно поселиться, находить приют где-л. Даль. Пск., 1902–1904. *В городе я приставал у дяди.* Пск., Смол.,

Арх., Сыктывд Коми АССР, Вят. *Жил сиротой — пристать негде*. Оренб. *Перво дело ссыльному надо было пристать Ты у кого пристал?* Забайкалье. || Оставаться, продолжать находиться где-л. *Сколько зайца не корми — в лес уйде, любой зверь пристане, только заяц не пристане*. Холмог., Пинеж., Арх., 1959 Арх. ◊ Приставать, пристать к кому-, чему-л. *Пришёл Иван-царевич в большой город пристал отдохнуть к бабушке — задворенке*. Арх., Афанасьев. *Сторож говорит: — Если пристать не к чему, живи у меня (сказка)*. Свердл.» [12, XXXI, . 402];

– *маленько* (поудержал) («МАЛЕНЬКО ... Прост. Немного, чуть-чуть. *Месяц-то хоть и не взойёл ещё, а всё же видно маленько*» [1, IX, с. 441]);

– *поразговорил* (душевно) («Поразговориться ... Разг. Постепенно разговориться. [Вихорев:] *Ну, знаешь, поразговорились, то да сё, а тут уж долго ли влюбиться*. А. Остр. *Не в свои сани*» [13, X, с. 1358]);

– *ан* («АН ... Прост. 1. Союз противит. Связывает два предложения, второе из которых выражает несоответствие, противоположность тому, что ожидается на основании первого; оказывается, но вдруг, а на самом деле и т. п. *Воеводы не дремали. Но никак не успевали. Ждут, бывало, — с юга, — глядь, — Ан с востока лезет рать!* Пушкин. Ск. о золот. петушке» [1, I, с. 188]);

– (совестью) *расстроился* («1. Расстраиваться. ... Устар. Р а с с т р а и в а т ь с я , р а с с т р о и т ь с я чем. [Артиллерия] *взорвала.. все их патронные ящики; усмотрев, сколь расстроился неприятель последнюю потерю, потребовали мы сдачи*. Давыд. Приложение к партиз. дневнику. *Войною в Испании расстроились бы французские финансы, потому Вильгель никак не соглашался на неё*. Черныш. *Борьба партий во Франции*» [1, XII, стб. 839]);

– (мне) *отказан* («2. Отказывать ... несов. отказать, сов. ... 1. Оставлять в наследство, завещать. Слов. Акад. 1822. *Пришёл меньшей царевич, вспырынул отца живой водой — и он стал видеть лучше прежнего, начал благодарить Василья-царевича и отказал ему всё своё царство*. Новг., Афанасьев. Арх., Сев.-Двин. *Отказала (невеста) свой зелен сад своему родному батюшке*. Пск., Смол., Калин., Орл., Ряз., Саратов., Горьк. *Тебе тятка отказал баню — иди с сестрой в баню живи*. Перм. Вост. *Закамье, Урал. Перед смертью он всё отказал в церкву*. Том. «Отказывают.. сумму денег в пользу церкви». Тулун. Иркут., Виноградов Слов. Акад. 1959» [с пометой «устар.】]. ◊ О т к а з а т ь на кого. *Отказать на отца*. Смол., 1890» [12, XXIV, с. 194]);

– *с лестовкой* («Лестовец ... Чётки у старообрядцев; лестовка. ... *Лестовец такой брали и молились*. Галицк. Свердл.» [11, XVII, с. 14]);

– *правильная по вере* («ПРАВИЛЬНЫЙ ... ◊ Разг. О человеке. — *Батюшка у меня — старик правильный*. Л. Толст. Воскресение» [1, XI, стб. 14–15]).

При этом поражает и разнообразие территорий, к которым «привязаны» выявленные диалектизмы, что подтверждают сведения из словарных статей «Словаря русских народных говоров»: как можно убедиться, в речи Горкина встречаются диалектные слова и выражения из самых разных мест территориального распространения общенародного русского языка, представляющих все его три основных наречия. При этом, конечно, нельзя не заметить превалирования среди этих единиц тех, которые функционируют в говорах севернорусского наречия: Архангельских, Северодвинских, Пермских, Новгородских, Горьковских, Закамских и т. п.

Довольно разнообразны и функционирующие в рассматриваемом тексте и фонетические (орфоэпические) диалектизмы, что находит отражение в таком произношении, как: *басловляет* (вместо рекомендованного литературной нормой произношения [блѣуѣ] *словляет*); неоднократно употребляемое *талан* (вместо *тала[нт]*). При этом часть из диалектизмов подобного характера точнее было бы определять как *фонетико-грамматические*, поскольку своеобразие их произношения обуславливается ненормативным

образованием тех или иных грамматических форм: (*талан*) *великой* (диалектное окончание имени прилагательного мужского рода *-ой* вместо рекомендованного литературной нормой *-ий*); *те* (*говорю*) (ненормативное образование формы дательного падежа местоимения *ты*: *те* вместо *тебе*); *со всех местов* (просторечно-диалектное образование формы родительного падежа от имени существительного *места*: *местов* вместо *мест*); (*сколько*) *годов* (*прошло*) (просторечно-диалектное образование формы родительного падежа от имени существительного *годы*: *годов* вместо лет).

И, конечно же, нельзя не обратить внимание на постоянное подчёркивание присутствия в речи Горкина одной из самых характерных фонетических особенностей говоров севернорусского наречия — **оканья** («ОКАНЬЕ. Диалектный тип вокализма русских говоров, при котором гласные фонемы неверхнего подъёма [а] и [о] сохраняют свои различительные признаки в позиции 1-го предударного слога» [18, II, с. 476]). Кроме того, что эта черта находит отражение при письменной передаче автором устной речи изображаемого персонажа ср. высказывания Горкина: *Преподобному пороботали топориком; Вот тот старец благословил их на хорошую работку ...; Роботали они хорошо, удачливо ...*, — она прямо подчёркивается и в авторской речи, точнее — в речи рассказчика, маленького Вани Шмелёва, который очень позитивно воспринимает эту особенность говора: ... *поокивает Горкин мягко, как все наши плотники, володимирицы и костромичи, и это мне очень нравится, ласково так выходит.*

Рассматриваемый фрагмент речи Горкина, так же, как и предыдущий, насыщен деминутивами, придающими его высказываниям в разговорно-просторечном ключе как экспрессивность, так и особый, близкий к *народнопоэтическому*, колорит: *дорожка, недельку, работку, пареньку, топорик* (несколько употреблений в различных падежных формах).

В настоящей публикации, ввиду присущих ей рамок объёма, удалось лишь наметить те направления, по которым возможно, с нашей точки зрения, осуществлять анализ введённых в словесно-художественное произведение элементов различных групп общенародного русского языка, квалифицируемых на современном этапе его развития (а нередко — и в более ранние периоды существования) как *нелитературные*, выявляя при этом их как *семантическую*, так и *образно-ценностную* значимость, а также иные функции обусловленные приоритетностью в словесно-художественном произведении *эстетической* функции языка.

Уровень исследовательского интереса при рассмотрении коммуникативно-речевых образований, где язык предстаёт в эстетически осложнённом виде, в значительной степени обуславливается характером привлекаемого материала — в частности, тем, насколько высока в нём степень присутствия тех элементов, которые в первую очередь выявляются и / или систематизируются для последующего анализа. С этой точки зрения, текст повести И. С. Шмелёва «Богомолье», где, как можно было убедиться, интересующие нас в данном случае элементы общенародного русского языка (элементы, квалифицируемые как *нелитературные*) представлены в изобилии, видится словесным пространством, чрезвычайно «выгодным» для осмысления с точки зрения их функционирования в словесно-художественном пространстве.

Основной функцией этих элементов ожидаемо является *характерологическая*, реализуемая в первую очередь по отношению к столяру **Горкину**, также отчасти — по отношению к ребёнку, **Ване Шмелёву**, от имени которого ведётся повествование.

Помимо этого, *нелитературные* элементы участвуют в придании всему тексту (как авторской, так и персонажной речи) особой тональности — *разговорной*, переплетающейся с *народнопоэтической*: эта тональность принадлежит к числу наиболее характерных стилистических признаков повести И.С. Шмелёва «Богомолье» в принципе, являясь при этом выразительной чертой индивидуально-авторской манеры писателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой академический словарь русского языка / Гл. ред. К.С. Горбачевич: Т. 1. А–Бишь. — СПб.: Наука, 2004. — 662 с.;
- Т. 9. Л–Медь. — СПб.: Наука, 2007. — 659 с.
2. Большой академический словарь русского языка / Гл. ред. А.С. Герд: Т. 21. Прodelать–Пятью. — СПб.: Наука, 2012. — 630 с.;
- Т. 25. Свес–Скорбь. — СПб.: Наука, 2019. — 727 с.
3. Горшков А.И. Русская словесность: От слова к словесности / А.И. Горшков. — М.: Просвещение, 1996. — 336 с.
4. Киселёва Л.А. Просторечие / Л.А. Киселёва // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник [Электронный ресурс] / под ред. А.П. Сковородникова. — 2-е изд., перераб. и доп. — Электрон. дан. — Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2014. — С. 488–489.
5. Кожевникова Н.А. Типы повествования в русской литературе / Н.А. Кожевникова. — М.: Институт русского языка РАН, 1994. — 336 с.
6. Кравченко Э.Я. Речь художественная / Э.Я. Кравченко // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / [гл. науч. ред. Н.Д. Тмарченко]. — М.: Издательство Кулагиной, Intrada, 2008. — С. 208–210.
7. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. Семиотические исследования по теории искусства / Ю.М. Лотман. — М.: Искусство, 1970. — 384 с.
8. Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика / Н.Б. Мечковская. — М.: Аспект Пресс, 1996. — 207 с.
9. Новиков Л.А. Поэтический язык / Л.А. Новиков // Русский язык. Энциклопедия / Под ред. Ю.Н. Караулова. — М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2003. — С. 356–358.
10. Пожарицкая С.К. Русская диалектология: учебное пособие. — 2-е изд, испр. и суц. доп. / С.К. Пожарицкая. — М.: URSS, 2018. — 304 с.
11. Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин: Вып. 16. Куделя–Лесной. — Л.: Наука, 1980. — 376 с.;
- Вып. 17. Леснокаменный–Масленичать. — Л.: Наука, 1981. — 383 с.;
- Вып. 21. Негораздый–Обвива. /– Л.: Наука, 1986. — 360 с.
12. Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Сороколетов: Вып. 24. Осець–Отчураться. — Л.: Наука, 1989. — 367 с.;
- Вып. 27. Печечки–Подельывать. — Л.: Наука, 1992. — 401 с.;
- Вып. 30. Поприугомонить–Почестно.– СПб.: Наука, 1996. — 381 с.;
- Вып. 31. Почестно–Присуть. — СПб.: Наука, 1997. — 432 с.;
- Вып. 32. Присуха–Протишь.– СПб.: Наука, 1998. — 271 с.;
- Вып. 34. Разлуканье–Ревенька.– СПб.: Наука, 2000. — 367 с.
13. Словарь современного русского литературного языка: в 17 тт.: Т. X. По–Поясочек. — М. — Л.: Наука, 1960. — 1774 стб.; Т. XII. Р. — М.–Л.: Наука, 1961. — 1676 стб.; Т. XVII. X–Я. — М.–Л.: Наука, 1965. — 2026 стб.
14. Степанов Ю.С. Язык художественной литературы / Ю.С. Степанов // Русский язык. Энциклопедия / Под ред. Ю.Н. Караулова. — М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2003. — С. 666–669.
15. Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 4: С–Т. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2021. — 680 с.
16. Шапир М.И. Язык художественной литературы / М.И. Шапир // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под. ред. А.Н. Николюкина. —М.: НПК «Интелвак», 2001. — Стб. 1257–1263.
17. Шмелёв И.С. Богомолье / И.С. Шмелёв. — М.: Издательство АСТ. 2028. — 480 с. (Серия «Православные чудеса» .)
18. Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык: в 2 т.; под общ. ред. А.Н. Тихонова, Р.И. Хашимова.– 2-е изд., стер. — М.: ФЛИНТА, 2014. — Т. 1. — 840 с.; Т. 2. — 814 с.

Поступила в редакцию 25.03.2024 г.

*I. P. Zaitseva,
A. Yu. Chernikova*

FUNCTIONAL-AESTHETIC LOAD NON-LITERARY LINGUISTIC ELEMENTS IN CHARACTER'S SPEECH I. S. SHMELEV'S NOVELLA "THE PILGRIMAGE"

The article analyzes the originality of the speech of one of the key characters in I. S. Shmelev's novella "The Pilgrimage" — carpenter Gorkin, whose statements, most of them in the form of monologized replicas, occupy a significant part of the verbal space of the artistic prose text. This peculiarity is largely determined by the inclusion in the character's speech of various non-literary elements of the language — primarily dialectisms, as well as

colloquial and colloquial words and expressions, which have not only an obvious characterological function, but also the function of giving the presentation a special — colloquially relaxed in combination with folk-poetic — tonality.

Key words: *national language, artistic speech, I. S. Shmelev, non-literary elements, compositional and speech zone of characters, characterological function, tonality of the text.*

Зайцева Ирина Павловна.

Доктор филологических наук, профессор.
Витебский государственный университет
имени П. М. Машерова,
г. Витебск, Республика Беларусь.
Заведующий кафедрой мировых языков.
E-mail: irinazaj91@mail.ru

Zaitseva Irina Pavlovna.

Doctor of Philology, Professor.
Vitebsk State University named after
P. M. Masherov,
Vitebsk, Republic of Belarus.
Head of World Languages Department.
E-mail: irinazaj91@mail.ru

Черникова Анастасия Юрьевна.

Витебский государственный университет
имени П. М. Машерова,
г. Витебск, Республика Беларусь.
Студент.
E-mail: anastasiachernicova4@gmail.com

Chernikova Anastasia Yurievna.

Vitebsk State University named after
P. M. Masherov,
Vitebsk, Republic of Belarus.
Student.
E-mail: anastasiachernicova4@gmail.com

УДК 821.161.1

М. А. Феоктистова © 2024

*Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Ярославский государственный педагогический
университет им. К. Д. Ушинского»
(Научн. рук. — канд. филол. наук Н. Ю. Букарева)*

ОБРАЗ САДА В РОМАНЕ М. СТЕПНОВОЙ «САД»

В статье анализируется семантическое наполнение и функции образа сада в одноименном романе Марины Степновой. Под образом понимается особый способ отображения действительности, в котором соединены объективное и субъективное, познавательное и творческое начала, а также авторские и читательские оценки. Широко опираясь на традиции классической русской литературы и обращаясь к библейским мотивам, Марина Степнова расширяет смысловое поле текста, создав произведение, главным героем которого можно назвать сад — именно он играет ключевую роль в раскрытии характеров главных и второстепенных героев романа, а также является двигателем сюжета. Образ сада связан с мотивами изгнания, падения, чистоты, света, красоты, естественности, наполненности, страсти, любви и дружбы. Углубление линии того или иного персонажа романа оказывается связано с перемещениями во времени и пространстве. Настоящее в романе неразрывно связано с прошлым, поэтому вслед за прошлым и настоящее неотделимо от сада. Где бы ни оказывались герои романа, их действия, характер, мотивы поступков — всё связано с этим образом. Разностороннее раскрытие образа, вынесенное в заглавие романа Марины Степновой, определяет специфику произведения: «Сад» становится неким экскурсом в мир русского дворянства XIX века, созданным в наши дни.

Ключевые слова: *художественный образ, образ сада, мотив, современный литературный процесс, Марина Степнова.*

Искусство часто трактуют как мышление в образах. Российский теоретик литературы В. Е. Хализев отмечает, что ученые столетиями обращаются к художественному образу как к способу, «с помощью которого литература и другие виды искусства, обладающие изобразительностью, осуществляют свою миссию» [7, с. 101].

Однако, несмотря на активное и давнее осмысление этой категории, исследователям не удалось прийти к общему мнению и дать термину однозначное определение. В широком смысле слова художественный образ — это «категория эстетики, характеризующая особый, присущий только искусству способ освоения и преобразования действительности» [4, с. 252]. Приведем еще одну трактовку рассматриваемого понятия, данную В. Р. Аминовой. Изучив взгляды на природу художественного образа отечественных и зарубежных теоретиков, от Аристотеля и Гегеля до Бахтина и Тмарченко, исследователь предлагает такое пространное определение: «Художественный образ — формально-содержательная категория, отражающая эстетические свойства мира в их конкретно-чувственном многообразии» [1, с. 102]. В. Р. Аминова отмечает в художественном образе «диалектическое единство целого комплекса противоположных начал: познания и оценки, объективного и субъективного, рационального и эмоционального, изображения и выражения, реального и вымышленного, конкретности и обобщенности, жизнеподобия и условности» [1, с. 27]. Художественный образ, по мысли исследователя, самодостаточен, что проявляется в его способности функционировать самостоятельно, в отрыве от автора. Художественный образ подчас порождает совершенно разные трактовки изображаемого, а также может послужить весомой причиной «для споров о смысле произведения, для его различных интерпретаций, как близких к авторской концепции, так и полемичных по отношению к ней» [1, с. 105]. Количество новых трактовок и читательских интерпретаций ничем не ограничено — в этом состоит неисчерпаемость художественного образа.

Роман «Сад» современного российского прозаика Марины Степновой может быть рассмотрен как одно из произведений, где ключевой художественный образ, вынесенный в заглавие, дает возможность для разных прочтений. Образ сада выполняет в нем множество функций.

Значимость центрального образа повествователь подчеркивает при первом же упоминании: *«Имение в Анне было куплено не в последнюю очередь из-за роскошных садов. Прежняя хозяйка <...> развела на жирных воронежских землях такие невиданные кущи, что Надежда Александровна, падкая до всего необычного и красивого, заплатила наследникам отлетевшей в подлинные райские сады старушки, сколько просили, не торгуясь»* [6]. Для княгини сад — это символ успешной жизни, воплощение всех ее мечтаний, которые не идут в сравнение ни с какими деньгами.

В ее восприятии сад наделен антропоморфными чертами: *«Малина просительно потянула Борятинскую за подол, и Надежда Александровна мягко, как руку, отвела длинную ветку — тугую, покрытую микроскопическими, но цепкими белесоватыми колючками»* [6]. Новоприобретенный сад для Борятинской — это новый друг, полноправный собеседник. Обращаясь к нему, героиня слышит *«гул нормально функционирующего организма, полного тайных и явных звуков, которые неприличными осмелился бы назвать только самый безнадежный ханжа»* [6].

Для нее это нечто и возвышенное, и будничное одновременно: *«...как будто неясно было, что вечером в июле чай пить следовало только в саду»* [6], — сетует княгиня Борятинская на невежественных слуг недавно приобретенного поместья, образ жизни и взгляды которых идут вразрез с ее представлениями об этом месте и его глубокой ценности. Если для героини сад — символ изобилия и наслаждения, то для нерадивых обитателей Анны он всего лишь обуза, требующая непосильного и ничем не оправданного труда: *«Ягод и правда не было, девка не наврала — осиротевшие без прежнего пригляда кусты просто забыли обрезать в зиму, так что малина вся ушла в сочную бесплодную зелень»* [6].

Не разделяет привязанности Надежды Александровны к саду и ее муж: Борятинский был совершенно равнодушен *«к малине и прочей бессмысленной флоре <...>. То ли дело хороший ростбиф»* [6]. Уже здесь, на первых страницах романа, автор указывает, что, несмотря на, казалось бы, идеальный брак, это герои, имеющие глубинные отличия в

мировосприятию, чувствующие совершенно по-разному, и потому разлад, который произошел между супругами впоследствии, не выглядит неожиданным для читателя. Именно приобретение усадьбы и, в частности, сада «высвечивает» скрытые проблемы и приводит к разладу между Борятинскими. Сад, таким образом, в некотором роде определяет взаимоотношения героев.

Образ сада углубляет характеристику даже тех персонажей, которые показаны лишь на нескольких страницах романа. Лиза и Николай, старшие дети Борятинских, явившиеся в поместье без особого желания, лишь по настоянию отца, были далеки и друг от друга, и от родителей. Сад, по-прежнему наделяемый автором антропоморфными чертами, тоже встречает их безрадостно: *«Николай и Лиза, успевшие осмотреть дом (обоим он показался старым и безобразным), одуревали уже от скуки и беспокойства в скверно обставленной провинциальной гостиной. Прогулка могла бы скрасить им ожидание, но законный сад било крупной дождевой дрожью. Так и не распогодилось с вечера. И с третьего дня тоже»* [6]. Сад не готов открыться старшим детям, стать для них таким же другом, каким является для княгини, беременность которой они воспринимают не иначе как «стыд и мерзость». Образ сада в этом эпизоде характеризует не только Лизу и Николая, но и отношение к ним самой Надежды Александровны: *«Вот сад был ее — несомненно. А эти люди — чужие»* [6].

Именно сад — родной и близкий друг — сначала «дарит» героине третьего ребенка, затем подвергает ее, уже беременную, опасности, а после становится для Борятинской спасением и главной поддержкой в моменты схваток. Когда все обитатели усадьбы смирились с мыслью о том, что княгиня вот-вот умрет, *«только шум этого пробуждающегося весеннего сада и держал еще Надежду Александровну в этом мире, точнее — она держалась за этот шум, будто за прохладную, немного влажную ладонь кого-то самого важного в жизни, родного»* [6].

Туся, младшая дочь Борятинской, тоже не питает к саду теплых чувств, несмотря на то, что связана с ним еще до рождения и большую часть детства проводит именно там. Туся гуляла по саду в компании Мейзеля, осваивала природу, но изучение это ни во что далее не воплотилось. Если для Надежды Александровны сад был своего рода другом, то для Туси и ее наставника, Мейзеля, он являл собой строго определенную функцию: *«Сад Мейзель признавал, но не любил — единственный, пожалуй, во всей усадьбе. Сад был нужен Тусе — для развития, для игр. Сад давал тень и прохладу, яблоки для любимого Тусино пирога и сливу для ее же примерного пищеварения. Сад катал их зимой на специально залитой горке, весной встряхивал в кулаке шумных, веселых скворцов»* [6].

В раскрытии характера Туси образ сада играет еще одну немаловажную роль — он контрастно оттеняет, подчеркивает ее особенность, которая пугала всех окружающих девочку взрослых: *«Но когда он вбегал вместе с Тусей в детскую сквозь огромное настенное зеркало и останавливался, растрепанный, хохочущий, ошеломленный, Мейзель сад ненавидел. Потому что сад — смеялся, а Туся — нет. В присутствии Мейзеля — никогда. Будто понимала, что ему тяжело. Не хотела пугать»* [6].

Единственная часть природы, которую ценит Туся, — это лошади. Даже говорить героиня начала в конюшне, причем ее первыми словами была нецензурная брань, что отчасти соотносится с идеей о преобладании в ней животной, некультурной природы.

В одном из интервью Марина Степнова характеризует Тусю как «не очень славное существо» и прямо заявляет: *«А она же в таких идеальных условиях выросла, по сути, монстром. Она натуральный упырь, который просто идет по головам туда, куда хочет. Причем, по головам тех, кто ее любит и дал ей это все. Туся ничуть не феминистка, она просто абсолютная эгоистка. И это, конечно, страшно!»* [2].

Однако в самом романе Степнова не дает ни Тусе, ни другим героям прямых оценок, чтобы не влиять на свободу читательских интерпретаций, однако в произведении ясно прослеживается авторская мысль о необходимости ограничений при воспитании детей. Степнова тонко подводит к выводу о том, что в современном мире часто устанавливается

прямая связь между абсолютной свободой и возможностями самореализации, однако это убеждение ошибочно. Подтверждением этого и является образ Туси: она, не имеющая в своих действиях и желаниях никаких границ, не создает, её природа, в отличие от сущности сада, не созидательна. На протяжении сюжета она только разрушает: сначала почти зародившуюся семью Нюты и Радовича, затем самого Радовича, как бы поглощая его, делая безвольнее прежнего — и этот персонаж обращается в «украшение» при Тусе, красивую «бижутерию», совсем как тот дорогой жемчуг, который лежит в ящичках её шкафа.

Во многом разрушительным оказывается влияние Туси и на мать, ведь девочка не любит родного человека, а видит в княгине лишь функцию безотказного дарителя. Знаменательной является ситуация, когда Мейзель пытается объяснить Тусе: то, что она считает своим, на самом деле принадлежит не ей, а матери, Тусиной же собственностью имение может стать только после смерти княгини Борятинской, на что Туся без малой доли сомнения заявляет: *«Мама любит меня и умрёт, если так нужно»* [6]. Свои желания Туся с детства привыкла ставить выше не только желаний, но и жизней других людей.

Разрушительное влияние Туся оказывает и на Мейзеля (это влияние здесь взаимно). Врач, призванный помогать людям, лечить их, утверждающий, что физическое насилие ни в коем случае не допустимо, ради Туси чуть не убил несчастную крестьянку и на всю жизнь лишил её голоса.

Последним, что уничтожает героиня, оказывается сам сад — излишнее напоминание о прошлом, об окультуренном, заполненном пространстве. Заполненность эта крайне важна: Туся хочет сровнять сад с землей, сделать из него ровную поверхность пастбища — гладкого, понятного, простого, а главное — пустого, превратить его в то место, где будут хорошо себя чувствовать лошади. Отметим, что на самом деле пастбище на территории усадьбы вовсе не нужно: в XIX веке трава для лошадей либо закупалась, либо собиралась с обширных хозяйских владений, усадьба же для дворян была местом жизни, устройства приёмов. Поэтому Туся вырубает сад, скорее, из личного желания, а не для конкретной практической выгоды.

Вместе с садом из мира уходит и любовь, ведь сад в романе — это ещё и метафора чистой любви, близкой к дружбе, или же дружбы, близкой к любви — той, что возникла между Александром Ульяновым и Василием Радовичем. Сад стал началом их дружеских отношений, увлечённости, саморазвития: *«Сады фруктовые, тутовые, ягодные чащи, просто безвестные махровые зелена — вся эта мощная сочная масса переваливалась через заборы, треща ветвями и досками, и перла вниз до самой воды. Можно было, подпрыгнув, сорвать зазевавшееся яблоко и легко сбегать по склону, обгоняя деревья и слушая, как рвутся и громяхают за глухими изгородями цепные псы, словно эстафету передавая друг другу яростный хриплый рев — вор-р-р! вор-р-р! держи вор-р-ра!»* [6].

Сад для Радовича — это еще и детство, воспоминания об идеальной семье до её распада, началом которого стала смерть матери. В восприятии Виктора сад воплощает семейное счастье и единение.

Итак, образ сада связан со всеми героями романа, служит важнейшим средством их характеристики.

Не менее значимую роль этот образ играет и в построении пространственно-временных координат романа. Основная сюжетная линия произведения, развивающаяся вокруг рождения и взросления Туси, дополнена несколькими второстепенными линиями, повествующими о других героях. Эти линии, на первый взгляд, не соотносятся с основной сюжетной канвой, но постепенно Степнова соединяет их в целое, где связующим звеном между разрозненными эпизодами становится именно образ сада. Углубление линии того или иного персонажа, как правило, напрямую связано с перемещениями во времени и пространстве. При этом основной сюжет, бесспорно, аккумулируется вокруг образа сада, но и все расширяющие художественное пространство второстепенные сюжетные линии связаны со своими садами.

Так, без упоминания об этом образе не обходится ретроспективный рассказ об истории предков Григория Ивановича Мейзеля, живших еще при Иване Грозном: «У Мозеля был первый в Немецкой слободе сад — не по-русски ухоженный, по-московски щедрый» [6]. Несмотря на то, что для самого доктора Мейзеля, в отличие от его далеких предков, природа в целом и сад в Анне, в частности, не становятся чем-то по-настоящему важным, именно образ сада органично связывает описываемые в романе события, отделенные друг от друга более чем на две сотни лет. Стоит отметить и то, что именно сад Борятинских, где Григорий Иванович провел столько времени с Тусей, становится местом упокоения героя. Молодая княжна Борятинская решает установить на могиле доктора, заменившего ей отца, часовню — такую же нежную, кружевную и нарядную, как и сад по весне.

Существенную роль образ сада играет в истории другого персонажа романа — Виктора Радовича. Его сюжетная линия значительно расширяет и пространственные, и временные координаты текста. История детства и юности молодого человека не только переносит читателя на несколько лет назад от основных событий, но и перемещает в совершенно иные места — и эти пространственно-временные перемещения тоже сопровождаются образом сада: «...в каждом новом городе, в который ссылали их неумолимое почтовое ведомство, отец первым делом искал сад» [6].

Описывая симбирские сады, Степнова подчеркивает разницу между ними и пышным, живым и живущим своей жизнью садом Борятинских. Так автор знакомит читателя не только с загородным аристократическим бытом, но и с бытом горожан. Разница между садом в Анне и в городе очевидна: «Карамзинский казенный сад, следуя логике названия, неловко топтался вокруг памятника историку и писателю, великому уроженцу здешних унылых мест, и — если выразиться карамзинским же слогом — **весь дышал пылью, тленом и скукою**. Десяток молодых вязов и лип, аллеи, куриным шажком разбегающиеся прочь от монумента и обсаженные акациями и сиренью, **которые каждый год обещали** разрастись пышной душистой стеной, да слова своего **так и не держали**. <...> и Радович, по периметру обойдя колючую чугунную ограду, водруженную на цоколь из ташлинского камня, решил, что **ему здесь не нравится**» [6]. Спустя годы герой оказывается в Анне, и местный сад вызывает у него, напротив, самые теплые чувства: «Светлые пятна солнца, светлые туфельки на влажно хрустящей дорожке — как когда-то, будто мамыны» [6]. В этом эпизоде сад Борятинских связывает прошлое Радовича и его настоящее, переносит героя мыслями из Воронежской губернии в места, где он провел счастливое детство.

У сада Борятинских, очевидно, богатое, насыщенное событиями прошлое: он существовал, причем в полную силу, задолго до того, как Анна была приобретена ими. Более того, именно наличие пышного сада, как отмечалось выше, и стало решающим фактором при приобретении героиней загородного имения. Уже будучи во владении Надежды Александровны и ее мужа, сад бережно хранил многочисленные воспоминания о своих прежних хозяевах, берег их тайны и старался воплотить в жизнь не осуществленные ими в свое время планы: «Правда, огромная садовая земляника, вызревавшая в оранжереях к Рождеству, и розовые, пахнущие корицей груши сразу после покупки сада **оказались уклончивым преданием**, но уж малина! Ее-то каким ветром унесло?» [6]. Даже в том, как планомерно одни цветущие деревья и кустарники сменяют другие, угадывается прагматичный замысел прошлой хозяйки, что тонко чувствует Надежда Александровна.

Сад, определенно, оказывает влияние и на настоящее. Именно в декорациях сада разворачиваются все основные события романа. Этот образ играет главную роль в зачатии Туси, осложняет жизнь ее родителей в ожидании ребенка, сопровождает все ключевые события и трудности детства девочки, наблюдает за ее становлением и за тем, как в конечном счете уже повзрослевшая княжна Наталья Борятинская принимает решение уничтожить его. В связи с последней идеей, преследуемой героиней романа, будущего сад лишен. Этот сюжетный ход подтверждает: рано или поздно на смену старому всегда

приходит новое — а старое со временем теряет свою значимость, забывается и просто-напросто перестает существовать физически. Сад Борятинских повторяет судьбу чеховского сада: одержимая мечтой, Туся безжалостно избавляется от столь значимого для ее матери. Символично, что в этот момент время для Надежды Александровны останавливается: *«Когда сад закончили вырубать, Борятинская была еще жива, но уже ничего не чувствовала. В глазах ее, открытых, остановившихся, отражалось опустевшее окно, в свою очередь отражавшее такое же опустевшее, медленно темнеющее небо»* [6].

Настоящее в романе неразрывно связано с прошлым, и оба времени неотделимы от сада. Где бы ни оказывались главные и второстепенные герои романа, их действия, характер, мотивы поступков — все так или иначе сопряжено именно с этим образом.

Так разностороннее раскрытие образа, вынесенное в заглавие романа Марины Степновой, определяет специфику произведения. «Сад» становится своего рода экскурсом в мир русского дворянства XIX века, написанным в наши дни.

В связи с этим важной чертой романа становится его интертекстуальность. Данному аспекту произведения посвящен ряд работ современных исследователей. Например, А. В. Жучкова видит в романе талантливую пародию на многие шедевры отечественной и мировой классики и связывает «Сад» Степновой с романами Ф. М. Достоевского «Бесы» и Г. Флобера «Госпожа Бовари»: «Как Эмма читала любовные романы и думала, что ей нужна страсть, так Надежда Александровна читает русские книги и думает, что ей жалко русский народ» [3]. «Пародийный пласт в романе огромен. Собственно, весь роман — он и есть. Основная его материя — переключка с «Бесами», романом о либералах: Туся — Николай Ставрогин. Борятинская — Варвара Петровна. Мейзель — Степан Трофимович Верховенский. Нюточка — Даша Шатова. Александр Ульянов — Кириллов...» [3].

Остановимся на других интертекстуальных отсылках. Первая ассоциация, которая возникает при чтении романа, — это райский сад: *«...Надежда Александровна, падкая до всего необычного и красивого, заплатила наследникам отлетевшей в подлинные райские сады старушки, сколько просили, не торгуясь»*; *«Надежда Александровна надкусила горячую сливу, протянула мужу — лопнувшую, почти библейскую, почти смокву, текущую голодом и медом, из сада маленькой, смуглоногой и тоже выдуманной Суламифи»* [6]. Эпитетом «райская» автор характеризует и совместно проведенную супругами Борятинскими ночь: *«От вчерашнего румяного райского великолетия не осталось и следа»* [6].

Чем конкретно сад Степновой оказывается схож с Эдемом? В первую очередь, своим изобилием, невероятной порождающей энергией, которая как бы соблазняет Надежду Александровну, заставляя её *«попасть вволю»*. Созидательная энергия сада порождает в княгине Борятинской чувственное желание, которое впоследствии и приведёт к появлению Туси. Такая естественная, первозданная природа сада — одна из его основных характеристик. Сад лишен стыдливости, а за ним этой стыдливости на одну ночь лишаются супруги Борятинские. В саду всё эротизировано, телесно, поэтому слива (в романе она напрямую сравнивается с божественной смоквой Суламифи), которую Надежда Александровна протягивает мужу, метафорически оказывается плодом, сорванным с Древа познания Добра и Зла. Начинается падение.

Мотив падения, прощания с раем воплощается в романе весьма недвусмысленно — беременная княгиня падает прямо на живот в том самом саду, при непосредственном участии которого была зачата Туся. Борятинская, вкусив запретный плод — истинную страсть, — оказывается изгнана из рая, и мотив изгнания с этого момента становится одним из самых частотных в романе: вначале изгоняют Мейзеля, затем в своеобразном изгнании оказывается сам князь Борятинский (вначале его не пускают в комнату к жене, а затем он оказывается чужим в собственном доме), в придуманном изгнании находится Василий Радович, боящийся царского гнева, к финалу романа покидает Анну и Нюта, не выдержав предательства Радовича и Туси.

Падение, оставление рая оказывается чревато серьёзными последствиями, которые наступают тут же — княгиня очень тяжело рождает: *«Ибо умножая умножу печали твоя и зачатие твое, и в болезнях родиши чада»* [6]. И рождает она, вопреки представлению об ангельской натуре детей, полурёбенка-полуживотное. Этот мотив Крошки Цахеса появляется на страницах романа неоднократно: *«По селу пополз, шелестя и приподнимая плоскую змеиную головку, слушок, что княгиня родила больную девочку — убогую»; «Ему нечего было стыдиться. Нечего. Пока жена его не родила уродца. Его ребенок был урод»; «Красное лицо. Соломенная труха в волосах, на висках, на шее даже. Лохматая. Ноздри навыворот. Маленькое чудовище. Балаганный уродец. Целую секунду Мейзель видел то, что всегда видел только князь Борятинский. И целую секунду, как и родной отец, не любил Тусю — целую страшную секунду, отобравшую у него, бог знает сколько лет жизни — десять? сто? всё обещанное посмертное спасение?»* [6].

Не зря в романе акцентируется страстная любовь Туси к лошадям. Если вспомнить русскую классику, а именно «Анну Каренину», которая упоминается на страницах романа в одном контексте с садом (*«Пять лет спустя, в 1875 году, когда в „Русском вестнике“ вышла первая книжка „Анны Карениной“, Надежда Александровна сидела в той же детской, глядя в сад сквозь распахнутые огромные окна»* [6]), то параллели вырисовываются отчётливо: лошадей страстно любил и Алексей Вронский. Л. Н. Толстой неоднократно замечает даже наружное сходство между отменными жеребцами и Вронским: от внешней статности до постоянно описываемых ровных зубов цвета слоновой кости. Подобный акцент говорит, в первую очередь, о телесности, животной природе Вронского. И в случае Туси её любовь к лошадям подтверждает то же. Лошадей она предпочитает людям; опьянённая своими мечтами о новых конюшнях и конном заводе Туся даже не является последний раз проститься с матерью, и та вынуждена умирать под звуки вырубаемого сада (чеховский мотив), который она так хотела сохранить.

В этом смысле сад наделяется ещё одним значением: сад — это культура. Он заведомо разумно устроен, приведён в порядок: *«Надежда Александровна шагнула дальше, поражаясь вдруг открывшемуся замыслу прежней хозяйки, — да, точно, родителей вишня еще не доспела, висела зеленая, едва тронутая румянцем, ждала своего будущего часа. Сад был устроен разумно и просто, как револьвер, — он выстреливал порядно, так что не было недели, в которую владельцы остались бы без урожая, будь то вишня, слива, яблоки или груши, сменявшие друг друга в свою пору наступившей спелости»* [6]. Сравнение с револьвером подчёркивает строгое устройство сада — это своеобразный механизм, где все срабатывает в нужное время.

Сад, таким образом, являясь в прошлом Эдемом, в настоящем совмещает в себе дикую природу и культуру, причём культуру не только в сельскохозяйственном смысле, но и в смысле интертекстуальном: это прекрасный сад Чехова, воплощение прошлой идиллии, мечты, гармонии. Однако сад этот неминуемо оказывается уничтоженным нынешними дельцами, не считающимися с чужими чувствами, современными либералами — Лопахиным или Тусей.

Проблема либерализма — одна из центральных в романе. О ней пишет А. В. Жучкова, замечая, что отказ от духовного измерения, духовного вектора и есть «бесовщина» Ф. М. Достоевского. Как и в романе «Бесы», младшее поколение в произведении М. Степновой характеризуется бездушием, эгоизмом, жестокостью, наглостью и желанием свергнуть своих «отцов». Неслучайно героем романа становится террорист Александр Ульянов: если Ф. М. Достоевский только предчувствовал наступающие времена революции и свержение царского строя, то М. Л. Степнова уже точно знала о них, знала, к каким жертвам приведет революция, сколько людей пострадает после [5].

Итак, с помощью анализа образа сада и его репрезентации в произведении, путем разбора сопутствующих ему мотивов мы доказали значимость образа сада в романе Марины Степновой и охарактеризовали его ценностно-смысловое наполнение. В

описании сада автор следует традициям русской классики, одухотворяя и делая его полноценным персонажем произведения. В данном случае природа у Марины Степновой — это не просто фон, а один из главных действующих героев, живое воплощение человеческих качеств, идеала естественной жизни, столь характерного для русской литературной традиции. Образ сада оказывается включён в культурный фон и отсылает читателя к «Вишнёвому саду» А. П. Чехова. Такое обращение к русской литературе позволяет автору расширить смысловое поле текста. Читатель, знакомый с пьесой А. П. Чехова, понимает негативное отношение Степновой к «либералам-дельцам», готовым с легкостью уничтожить прошлое. Через библейские аллюзии сад в романе М. Степновой сопоставляется с Эдемом, благодаря чему подчёркивается естественная, первозданная природа сада, отличающегося райским изобилием, порождающей энергией. образу сада в романе сопутствуют мотивы изгнания, падения, чистоты, света, красоты, естественности, наполненности (который противопоставляется мотиву пустоты), страсти, любви и дружбы. Все они определяют значимые для хода действия романа поступки персонажей произведения. Еще одна важная функция образа сада — характеристика персонажей. Зачастую через отношение героев к саду можно судить об их личностных качествах, таких как, с одной стороны, чувственность, равнодушие, совестливость, нравственность, искренность, а с другой — бездушие, эгоизм, цинизм, жестокость, подлость. Кроме того, образ сада в романе обладает сюжетобразующей функцией, закольцовывая произведение (от приобретения поместья с садом до вырубки сада).

ЛИТЕРАТУРА

1. Аминова В. Р. Теория литературы : учебно-методические материалы. Казань, 2014. — 355 с.
2. Еремин В. «Я не думаю о читателях, когда пишу»: писательница Марина Степнова о 19-м веке, детях и революции [Электронный ресурс] // Амбиверт : [сайт]. Режим доступа: https://ambivert.club/marina-stepnova/?fbclid=IwAR2yhQ-JST0UxIfwPXSHhO7r_PWmxNOLvExIjw062Uv7s2hpTaedNfEmBEE (дата обращения: 15.02.2024).
3. Жучкова А. В. Де Сад. О романе Марины Степновой «Сад» (2020) [Электронный ресурс] // Вопросы литературы : [сайт]. Режим доступа: <https://voplit.ru/2021/03/02/o-romane-mariny-stepnovoj-sad/> (дата обращения: 19.04.2024).
4. Кожевников В. М. Литературный энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1987. — 750 с.
5. Николюкин А. Н. Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: Интелвак, 2001. 1600 стб.
6. Степнова М. Л. Сад. М.: АСТ, 2021. — 412 с.
7. Хализев В. Е. Теория литературы : учебник для студентов высших учебных заведений. М.: Академия, 2009. — 432 с.

Поступила в редакцию 21.03.2024 г.

М. А. Feoktistova

THE IMAGE OF THE GARDEN IN M. STEPNOVA'S NOVEL «THE GARDEN»

The article analyzes the semantic content and functions of the garden image in the novel of the same name by Marina Stepnova. The image is understood as a special way of displaying reality, which combines objective and subjective, cognitive and creative principles, as well as author's and reader's evaluations. Broadly based on the traditions of classical Russian literature and referring to biblical motifs, Marina Stepnova expands the semantic field of the text, creating a work whose main character can be called the garden - it plays a key role in revealing the characters of the main and minor characters of the novel, as well as the engine of the plot. The image of the garden is associated with the motifs of exile, fall, purity, light, beauty, naturalness, fullness, passion, love and friendship. The deepening of the line of this or that character in the novel turns out to be connected with movements in time and space. The present in the novel is inextricably linked to the past, so following the past, the present is inseparable from the garden. Wherever the characters of the novel find themselves, their actions, their character, the motives of their deeds - everything is somehow connected with this image. Versatile disclosure of the image, put in the title of the novel by Marina Stepnova, determines the specificity of the work: «The Garden» becomes a kind of excursion into the world of the Russian nobility of the XIX century, created in our days.

Key words: artistic image, garden image, motif, contemporary literary process, Marina Stepnova.

Феоктисова Мария Андреевна.

Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, г. Ярославль, РФ.

Магистрант.

E-mail: feoktistova-sv-7927-distant@yandex.ru

Feoktistova Maria Andreevna.

Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl, RF.

Undegraduat.

E-mail: feoktistova-sv-7927-distant@yandex.ru

Букарева Наталия Юрьевна.

Кандидат филологических наук.

Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, г. Ярославль, РФ.

Доцент кафедры русской литературы.

E-mail: bukarevanu@mail.ru

Bukareva Nataliia Yurievna.

Candidate of Philology.

Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl, RF.

Associate Professor of the Department of Russian Literature.

E-mail: bukarevanu@mail.ru

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ

1. Для публикации в журнале «Новые горизонты русистики» принимаются оригинальные научные работы, содержащие результаты исследований, относящиеся к отраслям наук:

5.8. Педагогика:

5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (Русский язык).

5.9. Филология:

5.9.1 Русская литература и литература народов Российской Федерации;

5.9.5 Русский язык. Языки народов России.

В журнале имеются следующие разделы:

- Лексикология и стилистика;
- Дискурсология и генристика;
- Словообразование и грамматика;
- Методика преподавания русского языка;
- Литература и лингвистический анализ художественного текста.

2. Статьи, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются. Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала после рецензирования, с учётом научной значимости и актуальности представленных материалов. Рукописи, не соответствующие редакционным требованиям, и статьи, не соответствующие тематике журнала, к рассмотрению не принимаются. В случае отклонения статьи редакция направляет авторам либо рецензии или выдержки из них, либо аргументированное письмо редактора. Редколлегия не вступает в дискуссию с авторами отклонённых статей, за исключением случаев явного недоразумения. Рукописи авторам не возвращаются. Статья, задержанная на срок более трех месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную правку рукописей. Корректур статей авторам не высылается. Статья присылается в виде прикрепленного файла электронного письма в формате * doc и * rtf, названных по фамилии автора, например: ivanov.doc. и ivanov.rtf.

Статья отправляется на электронный адрес редакции: donrus452@yandex.ru.

Отдельным файлом прикладывается сканированная или сфотографированная с высоким разрешением подписанная заявка на публикацию следующего содержания:

Я, Ф. И. О., должность (статус — студент (Student), магистрант (Undergraduate student), аспирант (Postgraduate student)), место работы, прошу редколлегию научного журнала «Новые горизонты русистики» принять к рассмотрению мою статью (название), а также даю согласие уполномоченным должностным лицам редакционной коллегии журнала «Новые горизонты русистики», зарегистрированного по адресу: 283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24, 1 корпус, филологический факультет (ауд. 451, 452), на обработку моих персональных данных.

3. **Внимание!** Обязательные требования к оформлению статей:

- текст печатается в текстовом процессоре MS Word;

- объём статьи — от 6 до 12 страниц;
- формат страницы — А 4;
- страницы не нумеруются;
- поля: сверху и внизу — 2,5 см, слева — 3 см, справа — 2 см;
- основной шрифт: Times New Roman, размер 12, стиль нормальный;
- абзацный отступ — 1 см;
- межстрочный интервал — 1;
- первая строка — индекс УДК в верхнем левом углу страницы (без абзацного отступа и начертания);
- вторая строка — инициалы (перед фамилией) и фамилия автора печатаются с выравниванием по правому краю полужирным курсивом: *М. Н. Иванова*;
- третья строка — официальное полное название учебного заведения (*выравнивание по правому краю, курсив*);
- четвертая строка — сведения о научном руководителе — печатается с выравниванием по правому краю курсивом в круглых скобках — (*Научн. рук. — д-р филол. наук, проф. В. И. Теркулов/канд. филол. наук Н. В. Гладкая*);
- пятая (и при необходимости 6, 7 и т. д.) строка — название статьи — печатается большими буквами жирным шрифтом с выравниванием по центру;
- через строчку — **аннотация** на русском языке (10 кегль) **объемом от 80 до 100 слов (7–10 строк)**, которая должна кратко отражать цели и задачи проведенного исследования, а также его основные результаты. *Ключевые слова (5–7 слов, курсивом)*;
- текст набирается без переносов (выравнивание по ширине);
- в тексте допускаются выделения курсивом, жирным шрифтом, разрядкой (но не подчеркиванием);
- для названий произведений используются «угловые» кавычки: «Война и мир»;
- цитирование, прямая речь и т. д. оформляются угловыми кавычками вида «...»; при необходимости использовать кавычки внутри цитаты, внешними должны быть «угловые» кавычки: «...,...“...»;
- необходимо правильно употреблять тире (—) и дефис (-); различие заключается в размере и наличии пробелов перед и после тире: Жуковский — поэт-романтик; первый знак — пунктуационный, второй — орфографический;
- если стихотворные тексты печатаются как включение в текст, то стихи разделяются наклонной чертой, а строфы — двумя наклонными чертами:
Ты этого хотел. — Так. — Аллилуйя. / Я руку, бьющую меня, целую. // В грудь, оттолкнувшую — к груди тяну, / Чтоб, удивясь, прослушал тишину. (М. Цветаева. Пригвождена...); если стихи воспроизводятся с соблюдением строфического оформления, то необходимо использовать следующие параметры: размер шрифта — 12, межстрочный интервал одинарный, абзацный отступ — 4 см:

*В нем пуниа и войны кипит всегдашний жар,
На Марсовых полях он грозный был воитель.
Друзьям он верный друг, красавицам мучитель,
И всюду он гусар.*

(А. Пушкин. К портрету Каверина)

ЛИТЕРАТУРА (10 кегль без абзацного отступа, полужирное начертание, выравнивается по центру). Список литературы оформляется как нумерованный в алфавитном порядке; публикации, принадлежащие одному и тому же автору,

располагаются в соответствии со временем их опубликования. Выравнивание по ширине. Описание производится на языке оригинала в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ 7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Ссылка на источник дается в квадратных скобках издания: [15, с. 12]; при необходимости указать том издания, его вписывают римскими цифрами после номера: [7, VII, с. 35–36] Ссылки допускаются только на опубликованные работы. Необходимо включение в список как можно больше свежих первоисточников по исследуемому вопросу (не более чем трех-четырёхлетней давности). Не следует ограничиваться цитированием работ, принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе.

Образцы оформления литературы:

1. Андреева С.В. Речевые единицы устной русской речи: система, зоны употребления, функции / С.В. Андреева // Изд. 2. — Саратов: КомКнига, 2006. — 192 с.
2. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. — М.: Восток — Запад, 2007. — 314 с.
3. Влавацкая М.В. Учение о синтагматических связях слов в историческом рассмотрении / М.В. Влавацкая // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2009, № 1. — С. 36–42.
4. Комаров, Г.В. Национально-культурная специфика новой лексики английского языка : автореф. дис. ... канд. филолог. наук: 10.02.19 — теория языка / Комаров Георгий Владимирович — Краснодар, 2007. — 24 с.
5. Берн Э. Игры, в которые играют люди (психология человеческих взаимоотношений) / Э. Берн. — Режим доступа: <http://www.lib.ru/ RHINO/BERN>

После списка литературы курсивом (10 кегль, выравнивание по левой стороне) делается запись:

Поступила в редакцию xx.xx.20xx г.

Далее приводятся:

- инициалы и фамилия автора (авторов) (полужирный курсив — выравнивание по правому краю)

на английском языке;

- название статьи (полужирный шрифт — выравнивание по центру) **на английском языке;**

- текст аннотации **на английском языке** (10 кегль);

- ключевые слова **на английском языке** (курсив).

В конце статьи обязательно параллельно в таблице на русском и английском языках указываются (10 кегль, выравнивание по ширине, без абзацного отступа) следующие *сведения об авторах и научных руководителях* (для каждого автора — отдельная строка):

- Фамилия, имя, отчество полностью (полужирный).
- Ученая степень и звание (если есть) (без выделения).
- Полное название организации — места работы или учёбы каждого автора, город, страна (без выделения).
- Должность или статус (студент, магистрант, аспирант) (без выделения).
- Адрес электронной почты.

В конце каждой строки ставится точка.

В отдельном файле и на отдельном листе подаются **фамилия и инициалы автора**, а также **название статьи на русском и английском языках**. При этом **фамилия и инициалы автора** набираются через неразрывный пробел и с разреженным межбуквенным интервалом (3 пт) (название файла «(Фамилия автора)_для_оглавления», например, «Петров_для_оглавления»).

Образец

Гладкая Н. В. Прецедентные высказывания как характерная особенность креолизованных текстов в интернеткоммуникации

Gladkaya N. V. The precedent statements as a main characteristic of creolized texts in internet communication

Студенты, магистранты, аспиранты и соискатели вместе со статьёй подают рецензию научного руководителя.

Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, в т. ч. за полноту и достоверность изложенных фактов и положений.

Плата за публикацию статей с авторов не взимается.

Ответственный редактор: Теркулов Вячеслав Исаевич, д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Донецкого государственного университета (e-mail: terkulov@rambler.ru).

Ответственный секретарь: Гладкая Наталия Витальевна, канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Донецкого государственного университета (e-mail: Nata.gladkaya25@yandex.ru).

Образец оформления статьи

УДК 81'42

М. А. Капиносова © 2024

*Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Донецкий государственный университет»
(Научн. рук. — канд. филол. наук Н. В. Гладкая)*

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ КАК ХАРАКТЕРНАЯ ОСОБЕННОСТЬ КРЕОЛИЗОВАННЫХ ТЕКСТОВ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

В статье рассматриваются основные функции и наиболее распространенные механизмы создания креолизованного текста в сфере интернет-коммуникации, а также его воздействие на адресата и влияние логоэпистемных единиц прецедентных феноменов на представителей различных лингвокультур. Актуальность темы обусловлена необходимостью создания системы базовых моделей формирования креолизованных текстов для более полного изучения типов связей (автосемантических и синсемантических) между вербальными и невербальными компонентами, что позволит глубже проникнуть в природу комического эффекта и определить степень влияния на реципиентов. В ходе исследования были определены роль и значение визуальной информации в интернет-коммуникации.

Ключевые слова: *прецедентное высказывание, интернет-коммуникация, пресуппозиция, фрейм-сценарий, прагматический потенциал*

Текст, текст, текст...

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимова Е. Е. О целостности и связности креолизованного текста. К постановке проблемы / Е. Е. Анисимова // Филологические науки. — М., 1996. — № 5. — С. 74–85.
2.

Поступила в редакцию xx.xx.20xx г.

**THE PRECEDENT STATEMENTS AS A MAIN CHARACTERISTIC OF CREOLIZED TEXTS
IN INTERNET COMMUNICATION**

This article discusses the key features and the most common mechanisms of creating creolized text in the Internet communication, its impact on the recipient and the impact of logoepestems units precedent phenomena on members of a linguistic culture. The topic relevance due to the need to establish a system of basic models of formation creolized texts to better study the types of connections between verbal and nonverbal components that allow a deeper insight into the nature of the comic effect and determine the degree of impact on the recipients. It was identified the role and importance of visual information in the Internet communication.

Key words: precedent statement, Internet communication, presupposition, frame script, pragmatic potential.

Капиносова Мария Александровна.

Донецкий государственный университет,
г. Донецк, РФ.
Магистрант.
E-mail: mkapinosova@yandex.com

Kapinosova Maria Alexandrovna.

Donetsk State University, Donetsk, RF.
Undegraduat student.
E-mail: mkapinosova@yandex.com

Гладкая Наталия Витальевна.

Кандидат филологических наук.
Донецкий государственный университет,
г. Донецк, РФ.
Доцент кафедры русского языка.
E-mail: Nata.gladkaya25@yandex.ru

Gladkaya Nataliia Vitaliivna.

Candidate of Philology.
Donetsk State University, Donetsk, RF.
Associate Professor of the Department of Russian
Language.
E-mail: Nata.gladkaya25@yandex.ru

Научное издание

Новые горизонты русистики

Научный журнал

2024. — № 4 (26)

На русском языке

Технические редакторы: В. А. Рязанова, А. С. Бурляй